Pg 6/345

Р 6
345

ГОРОДА
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ XVI ВѢКѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

713 47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1889.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
59854-48

2007231566

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи я хотѣлъ изобразить состояніе въ XVI в. городовъ Московскаго государства—опредѣлить составъ ихъ населенія, занятія представителей каждаго сословія, ихъ повинности, указать особенности городскихъ поселеній въ разныхъ областяхъ тогдашней Россіи и т. д.,—словомъ, хотѣлъ изучить положеніе городовъ, какъ факторовъ культурно-экономической жизни; вопросовъ же о юридическихъ правахъ городскихъ жителей, объ отношеніяхъ къ городамъ и горожанамъ правительства и т. п. я почти совершенно не затрогивалъ, потому что они болѣе или менѣе удовлетворительно разработаны уже въ нашей литературѣ.

Конечно, подобное изслѣдованіе по исторіи XVI в. далеко не всегда можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, особенно относительно подробности и полноты, какія можно предъявлять къ подобнымъ изслѣдованіямъ вообще, такъ какъ окончательно опредѣляютъ степень возможной полноты и подробности дошедшіе до насъ отъ того времени источники, которые часто и немногочисленны и составлялись вовсе не съ тѣмъ, чтобы дать матеріалы, достаточные для подобнаго рода изслѣдованій. Свое изученіе я началъ не съ какого-либо другого времени, а именно съ XVI в., потому что только начиная съ него дошли до насъ сколько нибудь достаточные для подобной работы матеріалы; остановиться, не заходя въ XVII в., мнѣ казалось совершенно естественнымъ въ виду страшныхъ потрясеній всего государства, происшедшихъ въ самомъ началѣ XVII в., а изъ массы отдѣльныхъ, подобнаго же рода, вопросовъ я остановился именно на изученіи городовъ главнымъ образомъ въ виду того, что такъ было удобнѣе ограничить свой матеріалъ. Въ основаніе изслѣдованія съ такимъ общимъ характеромъ, какой хотѣлъ придать я своему труду, естественно

нужно было положить писцовыя книги, представляющія для подобныхъ вопросовъ главнѣйшія и дѣйствительно очень цѣнныя данныя, особенно по сравненію съ другими источниками. Но такъ какъ писцовыя книги почти совершенно еще не затронуты изученіемъ и такъ какъ мнѣ приходилось пользоваться главнымъ образомъ неизданными описаніями городовъ, то я считалъ необходимымъ такъ или иначе представить читателю по возможности весь матеріалъ, всѣ цифры и данныя, какія послужили мнѣ для того или другого вывода. Поэтому въ моей книгѣ приведено множество цифровыхъ данныхъ обо всѣхъ тѣхъ городахъ, которыхъ описанія сохранились до насъ. Кромѣ итоговъ, которые вообще подводятся въ писцовыхъ книгахъ очень нечасто и которые всегда мною провѣрены, я помѣстилъ еще довольно много итоговъ, составленныхъ самимъ мною на основаніи текста той или другой книги. Затѣмъ, такъ какъ при изученіи писцовыхъ книгъ раскрывалось очень много фактовъ, мнѣ кажется, совершенно новыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не въ одинаковой степени полноты и подробности, то было очень затруднительно, если не невозможно совсѣмъ, дать на основаніи писцовыхъ книгъ общую картину городовъ Московскаго государства въ XVI в. и безъ ущерба для полноты и ясности ея, и съ сохраненіемъ равномѣрности въ изложеніи разныхъ вопросовъ. Поэтому въ своемъ изслѣдованіи я разбираю сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ, а затѣмъ уже, въ послѣдней главѣ, дѣлаю общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в. Отъ такого способа изложенія, особенно вмѣстѣ съ массою цифровыхъ данныхъ, повсюду встрѣчающихся въ моей книгѣ, она, конечно, не выигрываетъ въ интересности для чтенія; но зато я думаю, что эти цифровыя данныя представляютъ нѣкоторый интересъ и имѣютъ нѣкоторое значеніе, хотя бы и оказалось, что мои выводы и заключенія на основаніи ихъ во многихъ даже случаяхъ недостаточны и невѣрны. Не мнѣ, конечно, судить тутъ о каждомъ данномъ случаѣ; я самъ, быть можетъ, болѣе всякаго другого, убѣжденъ, что въ моей книгѣ немало недочетовъ. Но, кромѣ сознанія дѣйствительно большихъ трудностей, представлявшихся при разработкѣ избранной мною темы, меня нѣ-

сколько утѣшаетъ мысль, что у меня, можно сказать, вовсе не было образцовъ для подобнаго изслѣдованія по русской исторіи, и еще надежда, что иногда, быть можетъ, тотъ или другой мой выводъ не невѣренъ, а только недостаточно ясно и убѣдительно для читателя изложенъ, что, мнѣ кажется, легко могло произойти отъ того, что у меня онъ слагался подъ впечатлѣніемъ иногда, безъ преувеличенія, тысячъ однородныхъ фактовъ и потому мнѣ представляется совершенно яснымъ, не будучи въ то же время таковымъ для читателя, неимѣвшаго такой, такъ сказать, подготовки къ выводу, и я надѣюсь поэтому, что иныя мои замѣчанія могутъ быть подтверждены другими работами въ такомъ же родѣ и направленіи.

Окончивши свою работу, я съ чувствомъ искренняго удовольствія вспоминаю вниманіе и поддержку которыя встрѣтилъ со стороны многихъ лицъ въ моемъ трудѣ. Глубокоуважаемымъ моимъ учителямъ профессорамъ *К. Н. Бестужеву-Рюмину* и *Е. Е. Замысловскому* приношу я здѣсь свою глубокую благодарность за ихъ внимательные указанія и совѣты, которыми я пользовался постоянно и широко во все время своей работы и благодаря которымъ устранилъ все-таки многія ошибки и промахи. *Л. Н. Майкову*, *А. И. Тимофѣеву* и *В. П. Ламбину* приношу свою искреннюю благодарность за ихъ любезное содѣйствіе при занятіяхъ моихъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Коммиссіи въ С.-Петербургѣ; особенно же признательную благодарность свидѣтельствую здѣсь *В. И. Холмогорову*, начальнику отдѣленія Московскаго Архива Министерства Юстиціи, который, своею по истинѣ рѣдкою любезностью, много облегчилъ мнѣ занятія въ этомъ древнехранилищѣ, откуда я извлекъ важнѣйшіе для себя матеріалы. Наконецъ, моимъ дорогимъ друзьямъ *С. Ѳ. Платонову*, *В. Г. Дружинину* и *С. М. Середонину* приношу горячую благодарность за ихъ постоянное вниманіе къ моему труду и разнообразное содѣйствіе, какое они оказывали мнѣ постоянно съ самою любезною готовностью.

Н. Чечулинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Положеніе городовъ Московскаго государства нельзя считать достаточно разъясненнымъ въ нашей ученой литературѣ. Историки-юристы разсмотрѣли, дѣйствительно, съ достаточною полнотою права и обязанности городского населенія въ разныя эпохи, прослѣдили отношеніе къ городамъ законодательства, но что касается состава и занятій городскаго населенія и вообще фактическаго положенія городовъ, то обо всемъ этомъ мы имѣемъ только или мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія въ трудахъ по общей исторіи, или отдѣльныя главы въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ или другимъ эпохамъ; только одинъ Ильинскій хотѣлъ разсмотрѣть вопросъ о городахъ съ этихъ приблизительно сторонъ, но, къ сожалѣнію, трудъ его, столь интересный уже въ началѣ, остался далеко неоконченнымъ. При отсутствіи же такого изслѣдованія этого довольно сложнаго вопроса разные ученые, конечно, изображаютъ города Московскаго государства совершенно различно и даютъ характеристики ихъ иногда совершенно противорѣчащія одна другой; можно сказать, что по этому вопросу до сихъ поръ нѣтъ ни одного окончательно установленнаго положенія. Если въ чемъ сходятся тутъ разные изслѣдователи, то развѣ только въ убѣжденіи, къ тому же неправильномъ, что тогдашніе города были въ общемъ совершенно ничтожны; далѣе же—въ вопросахъ о составѣ городского населенія, о его занятіяхъ, объ общемъ характерѣ и культурномъ значеніи городовъ—господствуетъ полное разногласіе: одни ученые считаютъ города большими селами и утверждаютъ, что жители ихъ занимались по преимуществу хлѣбопашествомъ, какъ и сельчане; другіе же считаютъ города центрами торгово-промышленной дѣятельности, наконецъ, третьи—поселеніями съ чисто военнымъ характеромъ; но вообще, разбирая мнѣнія разныхъ

ученыхъ по этому вопросу, мы наталкиваемся на такія противорѣчія, что одно существованіе ихъ доказываетъ необходимость спеціальнаго изученія его. Мы приведемъ теперь только нѣсколько наиболѣе крупныхъ примѣровъ этихъ разногласій, въ доказательство полной неустановленности тутъ какихъ бы то ни было положеній, не считая необходимымъ разборъ всѣхъ прежде высказанныхъ мнѣній именно потому, что они были основаны не на спеціальномъ изученіи этого вопроса, не на такомъ изученіи, съ каждымъ словомъ выводовъ котораго нужно бы считаться, а сдѣланы мимоходомъ, причемъ нерѣдко даже совершенно ясна зависимость того или другого опредѣленія отъ какого-нибудь одного, въ сущности недостаточнаго, источника.

Такъ, Соловьевъ говоритъ, что въ XVI—XVII вв. «городъ, въ смыслѣ центра торгово-мануфактурной дѣятельности, не существовалъ; городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ, городскіе жители продолжали заниматься земледѣліемъ точно такъ же, какъ сельчане и деревенщики», что «города были бѣдны вообще; самые богатые изъ нихъ, наиболѣе торговые, по особенно благопріятнымъ условіямъ положенія, поражаютъ малочисленностью своего народонаселенія» [1]). Повидимому, сказанное относится ко всѣмъ тогдашнимъ городамъ; но въ другомъ мѣстѣ Соловьевъ указалъ, и очень вѣрно, разницу между городами въ сѣверной и въ южной частяхъ Московскаго государства—именно то, что города южные носили характеръ военныхъ поселеній, а въ городахъ сѣверныхъ преобладали люди земскіе [2]). Совершенно иначе характеризуетъ города Костомаровъ: «посадомъ, говоритъ онъ, называлось то, что мы теперь привыкли называть городомъ, и посадскій человѣкъ означало то же, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности» [3]). Ключевскій, разсматривая сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, говоритъ опять-таки, что въ XV—XVII вв. «изъ городовъ многіе и очень многіе только носили громкое имя города, но имѣли видъ и значеніе большого села», «въ Московскомъ государствѣ, какъ странѣ преимущественно земледѣльческой, гдѣ въ такой степени преобладала первоначальная промышленность и гдѣ такъ слабо развито было ремесло, очень

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VII, изд. 1879 г., 358; т. XIII, изд. 1863 г., 42, 45.

[2]) *Соловьевъ*, т. VIII, изд. 1873 г., 220.

[3]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII ст. Изд. 1887 г., 5.

немногіе города подходили сколько-нибудь подъ понятіе города въ европейскомъ смыслѣ; остальные только тѣмъ отличались отъ окрестныхъ селеній, что были огорожены и имѣли бо́льшіе размѣры, но большинство населенія ихъ промышляло тѣми же занятіями, какъ и окрестные сельскіе жители» [1]). По мнѣнію Пригары до царей Московскихъ восточнорусскіе города были не болѣе какъ огороженныя села, но съ XV в., въ силу разныхъ условій, торговля и промышленность стали усиливаться, такъ что въ XVII в. горожане стали уже по преимуществу не пашенными, а торговопромышленными людьми, хотя, впрочемъ, самъ авторъ тотчасъ же и противорѣчитъ себѣ, или, во всякомъ случаѣ, высказываетъ мнѣнія, на согласованіи которыхъ съ тѣмъ, что мы сейчасъ привели, ему слѣдовало бы остановиться: «къ рѣзкому отдѣленію, говоритъ онъ, горожанъ отъ поселянъ и не представлялось въ то время достаточно повода: о томъ свидѣтельствуютъ пашни и сѣнные покосы, какіе мы находимъ приписанными къ посадамъ въ XVII в. Жители города Шуи, напримѣръ, и во время царей Московскихъ продолжали промышлять сельскохозяйственными промыслами. Были даже и такіе города, населеніе которыхъ состояло исключительно изъ хлѣбопашцевъ» [2])—такимъ образомъ Пригары признаетъ, что и въ XVII в. горожане продолжали заниматься хлѣбопашествомъ, хотя выше онъ повидимому отрицаетъ это. Хлѣбниковъ высказалъ положеніе, что русскіе города долго сохраняли исключительно военный характеръ, были исключительно военными аванпостами, въ которыхъ жили военные люди, что въ большей части южныхъ, по крайней мѣрѣ, городовъ, при чемъ къ нимъ причисляются всѣ города на правомъ берегу Оки, совсѣмъ не было посадскихъ людей даже въ XVII в.—«что же касается второй половины XVI в., то едва-ли можно думать, что хотя въ двухъ или въ трехъ городахъ были торговые, городскіе жители»; по мнѣнію Хлѣбникова, вообще русскіе города, за исключеніемъ развѣ самыхъ богатыхъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ, были только мѣстомъ обоюднаго обмѣна простѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства, причемъ этой цѣли даже лучше

---

[1]) *Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 183, 215.

[2]) *Пригары*, Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей при Петрѣ Великомъ, Ж. М. Н. Пр., 1867, ч. CXXXV—CXXXVI; ч. CXXXV, 679, 678, 674; (есть отдѣльные оттиски, 1868 г., съ заглавіемъ: Оп. ист. сост. город. обыват. въ Р. и организація его при Петрѣ В.).

удовлетворяли села, ибо они ближе стояли къ деревнямъ [1]); а вскорѣ послѣ появленія книги Хлѣбникова Дитятинъ цѣликомъ повторилъ опредѣленіе города, данное Соловьевымъ [2]), и почти одновременно Ильинскій какъ основную точку своего изслѣдованія поставилъ опредѣленіе Костомарова, хотя и признавалъ, что онъ не опредѣлилъ точно, въ какой именно мѣрѣ присущъ былъ городу характеръ торговопромышленнаго центра [3]). Наконецъ, въ послѣднее время Симсонъ утверждалъ, что въ XVI в. населеніе городовъ было сплошь посадское и значительно болѣе многочисленное, чѣмъ въ XVII в. и что появленіе военнаго элемента въ городахъ замѣчается только со второй половины XVI [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, множество противорѣчій въ мнѣніяхъ ученыхъ относительно занимающаго насъ вопроса [5]); ка-

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 69, 5, 70.

[2]) *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи, I, 129.

[3]) *Ильинскій*, Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.— Ж. М. Н. Пр. 1876, ч. CLXXXV, 211.

[4]) *Симсонъ*, Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще отечественною исторіею. М. 1880 г., VI.

[5]) Мы умышленно привели мнѣнія крайнія, другъ другу противорѣчащія, чтобы указать, насколько недостаточно еще разработанъ изучаемый нами вопросъ. И у другихъ изслѣдователей, касавшихся его, находимъ замѣчанія такого же рода и такъ же оставляющія возможность самыхъ различныхъ опредѣленій и характеристикъ тогдашняго русскаго города, разъ только мы захотѣли бы представить положеніе городовъ и ихъ жителей нѣсколько подробнѣе. Такъ, *Неволинъ* (Общій списокъ русскихъ городовъ 27—31, въ VI т. Полн. собр. сочиненій) говоритъ, и то очень кратко, лишь о различныхъ значеніяхъ самаго слова «городъ» въ разные періоды русской исторіи и въ самыхъ общихъ чертахъ о составѣ и занятіяхъ его населенія; *Бѣляевъ* (Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 314, 321—323 и др.) говоритъ о положеніи городовъ, о дѣленіи земель на черныя и бѣлыя, о повинностяхъ съ первыхъ, о переходахъ ихъ къ бѣломѣстцамъ и т. д., исключительно на основаніи юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ правильныя, нормальныя отношенія, каковыя, конечно, не исключительно существовали; *проф. Сергѣевичъ* въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права, 659—660, говоритъ о составѣ городскаго населенія и объ его занятіяхъ въ общихъ чертахъ совершенно вѣрно; остроумныя и справедливыя замѣчанія объ юридическомъ положеніи черныхъ посадскихъ людей сравнительно съ крестьянами и вообще много вѣрнаго объ юридическомъ положеніи городовъ находимъ въ трудѣ *проф. Градовскаго*: Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. т. I, 146—150, но у обоихъ почтенныхъ изслѣдователей, по самому предмету и цѣлямъ ихъ изслѣдованія, конечно, нѣтъ ничего, ближе рисующаго фактическое положеніе городовъ, изученіе чего такъ

саясь его только мимоходомъ, ни одинъ изъ нихъ не привелъ въ пользу своего взгляда сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ. И ни одного изъ вышеприведенныхъ мнѣній нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ; всѣ они въ значительной степени страдаютъ односторонностью: каждое изъ нихъ отмѣчаетъ только одну какую-нибудь черту въ положеніи городовъ, игнорируя и иногда даже отрицая другія, часто не менѣе важныя; кромѣ того, почти всѣ изслѣдователи упустили изъ виду, что города разныхъ мѣстностей Московскаго государства отличались особыми чертами, и думали, что одна и та же характеристика достаточна для всѣхъ городовъ; только Соловьевъ избѣгъ этой ошибки. Все это совершенно объясняется тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ, а потому распространено было совершенно неправильное мнѣніе, будто городскія поселенія тогдашнія были совершенно ничтожны; а вслѣдствіе этого убѣжденія изслѣдователи часто, ограничиваясь документами только одного какого-нибудь рода, иногда вовсе и неимѣвшими цѣлью полное и точное изображеніе города, полагали, что ихъ документы представляютъ всѣ свѣдѣнія, какихъ можно было искать по вопросу о положеніи городовъ, и на основаніи этихъ документовъ дѣлали свои характеристики, которыя, очевидно ,выходили невѣрными. Пользованіе источникомъ только одного какого-нибудь рода во многихъ случаяхъ наложило на выводы того или другого ученаго ясный отпечатокъ. Особенно замѣтно это при разсмотрѣніи того, что было высказано Хлѣбниковымъ и Симеономъ, взгляды

интересно историку. У *проф. Перетятковича* (Поволжье въ XVI в., 250—251) есть нѣсколько замѣчаній о составѣ и занятіяхъ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, но онъ не останавливался на этомъ вопросѣ спеціально, а сдѣлалъ свои замѣчанія на основаніи краткаго обозрѣнія книгъ Казани и Свіяжска, которыя у насъ обслѣдованы подробно. Укажемъ еще, что *Блюменфельдъ* (О формахъ землевладѣнія въ древней Руси, 326) думаетъ, что городъ составлялся изъ сліянія нѣсколькихъ селъ, слѣдовательно, являлся уже только тогда, когда существовало въ извѣстной мѣстности населеніе, между тѣмъ какъ существуетъ мнѣніе, что города заселялись въ каждой мѣстности прежде всего (*Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ, 7—8). Вообще, число примѣровъ неустановленности взглядовъ по нашему вопросу, побуждающей приняться за пересмотръ его, можно еще увеличить; спеціальнаго же изслѣдованія по этому вопросу, изслѣдованія, содержаніе и выводы котораго нужно было бы разсмотрѣть подробно, пока еще нѣтъ; по отдѣльнымъ вопросамъ, конечно, высказано уже много вѣрныхъ замѣчаній, которыми мы далѣе и воспользуемся.

которыхъ на положеніе городовъ въ XVI в., какъ мы видѣли, діаметрально противуположны: Хлѣбниковъ пришелъ къ своимъ выводамъ о преобладаніи въ городахъ военнаго элемента потому, что главнымъ образомъ, почти исключительно, основывался на книгахъ разрядныхъ, которыя, соотвѣтственно цѣли своего составленія, сообщаютъ свѣдѣнія почти исключительно о самыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ, и потому о множествѣ городковъ, только что зарождавшихся и слѣдовательно небольшихъ; его характеристика была бы вѣрна, если бы онъ оговорилъ, что она относится лишь къ южнымъ, окраиннымъ городамъ; но онъ не только не сдѣлалъ этого, но еще допустилъ крупную ошибку, заключивши отъ незначительности числа посадскихъ людей въ этихъ городахъ въ XVII в., что ихъ было въ XVI в. еще меньше, даже вовсе не было, а такое заключеніе вовсе не оправдывается ближайшимъ изученіемъ положенія городовъ къ югу отъ Оки въ XVI в. Симсонъ же составилъ свое опредѣленіе городовъ XVI в. на основаніи *сотной на Серпуховскій посадъ*, т. е. документа, содержащаго данныя лишь о посадскомъ населеніи [1]), а для XVII в. онъ имѣлъ полную писцовую книгу того же города, гдѣ и нашелъ ратныхъ людей, въ его сотной XVI в. вовсе неупомянутыхъ, но вообще, несомнѣнно, жившихъ по городамъ и въ XVI в., въ однихъ мѣстностяхъ въ большемъ, въ другихъ въ меньшемъ числѣ.

Такое положеніе вопроса очевидно нельзя признать удовлетворительнымъ; отсутствіе его разработки составляетъ замѣтный пробѣлъ въ изученіи исторіи Московскаго государства; въ настоящемъ трудѣ мы дѣлаемъ попытку хотя отчасти заполнить этотъ пробѣлъ, предполагая представить очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в. Матеріаловъ для такой работы вполнѣ достаточно, хотя наиболѣе важные изъ нихъ находятся еще въ рукописяхъ. Для изслѣдованія о положеніи городовъ, особенно начиная съ XVII в., главнѣйшіе матеріалы заключаются въ сборникѣ «Городскія поселенія Россійской имперіи»; въ этомъ изданіи, по губерніямъ и городамъ, указаны, а иногда и перепечатаны, всѣ распоряженія правительства, относившіяся къ тому или другому городу, приведены разныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ городской администраціи и къ городскому хозяйству, наконецъ, помѣщены обозрѣнія историческихъ судебъ многихъ городовъ и ближайшихъ къ

[1]) *Неволинъ*, Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II—Полн. Собр. Сочин., т. VI, 469—470.

нимъ мѣстностей. Всѣ эти данныя собраны, правда, изъ печатныхъ источниковъ, извѣстныхъ къ началу 60-хъ годовъ, такъ что теперь возможны уже и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя дополненія; но во всякомъ случаѣ этотъ сборникъ имѣетъ большое значеніе, какъ сводъ главнѣйшихъ данныхъ о городахъ, особенно полный по вопросамъ, касающимся администраціи городовъ. Но намъ, для изученія городовъ XVI в. со стороны состава и занятій ихъ населенія, для изученія ихъ какъ культурныхъ центровъ, главнѣйшіе матеріалы приходилось черпать изъ неизданныхъ еще писцовыхъ книгъ городовъ. Извѣстно уже давно, что въ писцовыхъ книгахъ заключается масса драгоцѣннѣйшихъ фактовъ для воспроизведенія вообще внутренняго состоянія Московскаго государства въ разные періоды. Отъ XVI в. до насъ дошли описанія 40 городовъ, описаніе иныхъ даже не въ одномъ документѣ; нашею главною задачею и будетъ разобрать этотъ матеріалъ. Изученіе писцовыхъ книгъ убѣдило насъ въ томъ, что именно ихъ нужно положить въ основу изслѣдованія о русскихъ городахъ въ XVI в., какъ и вообще всякаго изученія внутренняго положенія Московскаго государства, и ихъ уже данныя дополнять по другимъ источникамъ. Конечно, всѣ главныя событія и очень многіе вопросы права, многія стороны быта достаточно извѣстны по актамъ и лѣтописямъ; но писцовыя книги прибавляютъ множество существенно важныхъ данныхъ, которыхъ мы не можемъ почерпнуть ни изъ какого другого источника. Только съ помощью ихъ мы можемъ опредѣлить точно количество населенія въ разныхъ городахъ и его составъ и только тогда, очевидно, мы оцѣнимъ значеніе города сравнительно съ деревней и будемъ въ состояніи вѣрнѣе представить себѣ и оцѣнить то различіе въ положеніи людей разныхъ сословій, о какомъ узнаемъ мы изъ актовъ; только по писцовымъ книгамъ можемъ мы опредѣлить главное занятіе жителей и въ подробности разсмотрѣть, какія именно ремесла существовали въ томъ или другомъ городѣ, чѣмъ шла торговля, какъ распредѣлены были между разными сословіями и между отдѣльными лицами пашня и торговыя, промышленныя заведенія, какіе люди сколько платили и т. д., и такимъ образомъ, очевидно, очень существенно пополнить наши свѣдѣнія о тогдашнихъ городахъ вообще, а также и о внутренней торговлѣ и о промышленности, главныя свѣдѣнія о чемъ до сихъ поръ почерпались изъ таможенныхъ и откупныхъ грамотъ и другихъ подобныхъ актовъ; только по писцовымъ книгамъ можемъ мы составить себѣ ясное понятіе о размѣрахъ бѣгства тяглыхъ людей со своихъ мѣстъ, ука-

зать начало его по времени, опредѣлить области, откуда и куда особенно сильно шли отливъ и приливъ населенія, и такимъ образомъ приблизиться къ уясненію нѣкоторыхъ важныхъ, но темныхъ вопросовъ. Весьма важно также, что писцовыя книги даютъ намъ не единичные факты того или другого рода, по которымъ мы могли бы только составить себѣ представленіе вообще о той или другой категоріи явленій, а цѣлую массу фактовъ, можно сказать, всѣ факты, изъ круга указанныхъ выше вопросовъ, о городахъ, съ населеніемъ иногда въ нѣсколько тысячъ жителей; наконецъ, писцовыя книги описываютъ именно то, и именно такъ, что и какъ было, а не сообщаютъ только, какъ многія правительственныя грамоты и челобитныя, что и какъ только должно было быть или не должно было быть,—въ виду всего этого естественно, что именно этотъ источникъ мы кладемъ въ основу нашего изслѣдованія.

Писцовыми книгами впервые воспользовался для изученія городовъ еще Ильинскій; но, во-первыхъ, его въ высшей степени интересный трудъ остался далеко неоконченнымъ: задумавши, въ видѣ введенія къ изслѣдованію «О прямыхъ налогахъ Московскаго государства въ XVI в.», опредѣлить численный составъ и размѣры платежныхъ силъ податныхъ классовъ, Ильинскій успѣлъ напечатать только очеркъ городскихъ поселковъ Новгородской области, а затѣмъ и постановка вопроса у него нѣсколько отличная отъ того, какъ ставимъ свою задачу мы. Въ своемъ очеркѣ онъ поставилъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: принявши за исходную точку мнѣніе, что города были и прежде «пунктами торговой и промышленной дѣятельности», онъ хотѣлъ изучить положеніе вообще всѣхъ такихъ поселковъ въ XVI в., жители которыхъ занимались не земледѣліемъ, а торговлею и промыслами; «было бы ошибкою, говоритъ онъ, для всѣхъ мѣстностей принимать города за единственныхъ представителей той формы экономической дѣятельности, которую мы называемъ городскою, и по количеству ихъ судить о размѣрахъ этой дѣятельности въ отдѣльныхъ областяхъ русской территоріи. Если въ одинѣхъ мѣстностяхъ количество ихъ вполнѣ исчерпывало потребности страны въ экономической дѣятельности этого рода, то въ другихъ оно, очевидно, было ниже уровня этой потребности и дополнялось поселками разныхъ названій, но съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности. Къ числу послѣднихъ принадлежала и область Великаго Новгорода въ XVI в.» [1]).

[1]) Статья *Ильинскаго*, въ Ж. М. Н. Пр. за 1876 г. ч., CLXXXV, 211, 213.

Авторъ основательно считаетъ представителями торговопромышленной дѣятельности въ этой области рядки, изученію которыхъ исключительно и посвящена его статья; при этомъ онъ не ограничивается даже одними рядками, а «за исходный пунктъ въ изысканіи поселковъ съ рядовскимъ характеромъ» принимаетъ «не названіе, а составъ поселка и его занятія» [1]). Съ такою постановкою вопроса можно согласиться, особенно, если въ своемъ изученіи авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ опредѣлить платежныя силы разныхъ классовъ населенія — тогда такая группировка его по занятіямъ является вполнѣ естественною. Но возможна и другая постановка вопроса: возможно изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя тогда носили названіе городовъ и только ихъ. И намъ кажется даже, что такая постановка будетъ болѣе правильна, потому именно, что она ничего не предрѣшаетъ: въ то время какъ Ильинскій считалъ аксіомою, отъ которой и отправлялся, что по своимъ занятіямъ жители городовъ и тогда отличались отъ жителей селъ и деревень, мы еще будемъ изучать во всей подробности, пожалуй во всѣхъ мелочахъ, составъ, занятія, повинности и другія экономическія отношенія городскихъ жителей, чтобы уже послѣ этого сказать, какое же было преобладающее занятіе жителей города и различались или нѣтъ между собою городъ и деревня, и если различались, то какія особенности города и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія присущи были тогдашнимъ городамъ особыя черты. И мы обращаемся теперь къ изученію только городовъ Московскаго государства вовсе не потому, что считаемъ городскихъ жителей классомъ значительно отличавшимся отъ другихъ по своимъ правамъ и обязанностямъ или даже хоть по занятіямъ; изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что городское населеніе по составу было разнообразно и, конечно, всѣ обитатели города не были въ одинаковомъ положеніи относительно государственной власти и другъ друга; мы желаемъ разъяснить положеніе городовъ главнымъ образомъ какъ крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ; нашею главною цѣлью будетъ воспроизведеніе со всею возможною подробностью тѣхъ условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель, тѣхъ фактическихъ отношеній, какія тогда существовали въ городѣ. Въ своемъ изслѣдованіи мы обращали главное вниманіе на эту сторону вопроса, хотя, впрочемъ, нѣсколько разъ намъ мимоходомъ

[1]) *Тамъ же*, 246.

приходилось касаться и вопросовъ исторіи права, ибо въ писцовыхъ книгахъ во многихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, въ итогахъ, въ разныхъ опредѣленіяхъ, встрѣчающихся при одномъ и томъ же собственномъ имени, раскрываются иногда очень важныя данныя для рѣшенія разныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, обыкновенно считаютъ за особое сословіе торговыхъ людей [1]), хотя, правда, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ изслѣдованій по нашему вопросу было уже высказано удивленіе, что судебникъ 1550 г. говоритъ о нихъ всего въ двухъ статьяхъ и то очень неопредѣленно [2]),—разсмотрѣніе данныхъ о торговыхъ людяхъ, которыя почерпаемъ мы изъ писцовыхъ книгъ, подкрѣпляемое нѣсколькими мѣстами изъ актовъ, которыя одни, сами по себѣ, недостаточно ясны, дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, что терминъ «торговые люди» въ частности обозначалъ вообще всѣхъ людей торговавшихъ, а затѣмъ—черныхъ людей вообще, въ противоположность людямъ служилымъ; точно такъ же разъясняется дѣленіе на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ людей, положеніе ремесленниковъ, по вопросу о чемъ встрѣчаемъ въ трудахъ ученыхъ мнѣнія невполнѣ правильныя и опредѣленныя [3]); затѣмъ въ писцовыхъ книгахъ заключается много данныхъ о дворникахъ на осадныхъ дворахъ, которыхъ мы находимъ въ очень большомъ числѣ во многихъ пограничныхъ городахъ и общественное положеніе которыхъ доселѣ вовсе не было разъяснено; наконецъ, въ писцовыхъ же книгахъ можно почерпнуть нѣкоторыя очень цѣнныя указанія относительно формъ землевладѣнія и внутренняго устройства городской общины.

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 77; *Ильинскій*, въ Ж. М. Н. Пр. ч. CLXXXV, 230.

[2]) *Плошинскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи съ начала Руси до новѣйшихъ временъ. 1851, 88—89.

[3]) Такъ, *Бѣляевъ* устанавливаетъ отношеніе числа дворовъ лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, какое полагалось на соху — Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 323, но такой правильности мы отнюдь не можемъ признать; по мнѣнію *Пригары*, ремесленники обыкновенно за кѣмъ нибудь записывались, Ж. М. Н. Пр. ч. CXXXV, 677—678; *Соколовскій*, въ своемъ трудѣ: «Очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ», 10, говоритъ: «въ городахъ *еще* встрѣчаются самостоятельные ремесленники»; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства, 59, напротивъ, думалъ, что ремесленниковъ и въ деревняхъ было немало; *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи, 367, говоритъ, что сосредоточивали въ своихъ рукахъ промышленныя операціи страны монастыри и т. д.

Наша постановка вопроса, такимъ образомъ, обусловливаетъ и разнообразіе содержанія нашего изслѣдованія и неполноту его во многихъ частяхъ. Поставивши своею цѣлью изобразить положеніе городовъ, мы должны будемъ говорить о разныхъ сословіяхъ, о разныхъ классахъ людей, но лишь по столько, по сколько то или другое имѣютъ отношеніе къ городу. Поэтому, хотя намъ въ своемъ изслѣдованіи придется довольно часто говорить о дѣтяхъ боярскихъ, о духовенствѣ, о ратныхъ людяхъ, но въ немъ не будетъ полнаго очерка положенія и службы этихъ людей; болѣе полнымъ будетъ очеркъ положенія посадскихъ тяглыхъ людей, потому что они имѣли главнѣйшее отношеніе къ городу; но и тутъ, весьма вѣроятно, окажется нѣсколько пробѣловъ, въ настоящее время для насъ невосполнимыхъ: такъ, напр., нѣсколько разъ намъ придется констатировать, что во владѣніи посадскихъ людей находились земли, даже съ живущими на нихъ крестьянами, не только въ уѣздѣ ихъ города, но даже въ уѣздѣ и другихъ городовъ,—но полнаго разсмотрѣнія этого, точнаго опредѣленія сколько изъ посадскихъ людей имѣли такія зе́мли и сколько земли, въ какихъ отношеніяхъ стояли къ нимъ живніе на такихъ участкахъ крестьяне — мы не можемъ дать, ибо для этого пришлось бы привлечь къ своему изученію всю массу писцовыхъ книгъ, при настоящемъ ихъ состояніи, когда огромное большинство ихъ даже не издано, не только что не затронуто изученіемъ, безъ преувеличенія—для одного человѣка необъятную. Вообще, на основаніи своего изслѣдованія мы можемъ утверждать то или другое положеніе относительно того или другого класса, но съ увѣренностью отрицать что-либо, какъ неприсущее ему, можемъ уже гораздо рѣже, ибо въ то время, какъ присутствіе тѣхъ или другихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ есть, очевидно, совершенно достаточное доказательство существованія извѣстнаго рода явленій, извѣстныхъ характеристичныхъ чертъ въ положеніи того или другого сословія, — одно отсутствіе указаній на что-либо нельзя еще считать доказательствомъ, что и въ дѣйствительности этого не существовало. Такъ, напр., видя много ремеслешниковъ въ городахъ, мы съ полною увѣренностью дѣлаемъ выводъ, что въ городахъ была довольно значительно развита промышленная дѣятельность, но отъ молчанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ писцовой книги самаго города о посадскихъ земельныхъ угодьяхъ мы еще не можемъ заключать, что въ данномъ случаѣ ихъ и не было вовсе; точно также, имѣя подробное описаніе торга въ томъ или другомъ городѣ, мы съ полнымъ

убѣжденіемъ говоримъ о распредѣленіи лавокъ и оброка между людьми разныхъ классовъ, слѣдовательно и о степени участія въ торговой дѣятельности каждаго сословія, о предметахъ торга и т. д.; но, не имѣя въ описаніи новгородскихъ пригородовъ 1500 г. перечисленія лавокъ, мы никакъ не станемъ заключать, что въ пригородахъ новгородскихъ лавокъ тогда и не было, а должны отнести это къ особенностямъ книги.

Наше изслѣдованіе есть, главнымъ образомъ, собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами: въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы, какъ мы дальше укажемъ точнѣе, будутъ нами разобраны весьма подробно, другіе — между прочимъ, о тяглѣ и о посошныхъ повинностяхъ — за отсутствіемъ о нихъ свѣдѣній во многихъ книгахъ — менѣе подробно; мы старались восполнять такіе пробѣлы по другимъ источникамъ; но и это далеко не всегда оказывалось возможнымъ; свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ намъ приходилось вообще пользоваться сравнительно гораздо менѣе; быть можетъ, въ естественномъ увлеченіи богатствомъ содержанія нашего основного источника, изъ котораго, къ тому же, ранѣе почти никто не черпалъ тѣхъ свѣдѣній, какія разбираемъ мы, мы и менѣе воспользовались указаніями другихъ источниковъ, чѣмъ бы это можно было сдѣлать; но намъ казалось очень часто, что свѣдѣнія о положеніи городовъ, какія получаемъ мы изъ другихъ источниковъ и которыя представляются дѣйствительно интересными, если нѣтъ другихъ, такъ далеко стоятъ, по степени своей полноты и точности, отъ того, что́ узнаемъ мы изъ писцовыхъ книгъ, что пользоваться ими нужно было очень рѣдко. Равнымъ образомъ, мы не представили хотя бы и краткаго обозрѣнія городовъ въ предыдущіе періоды именно потому, что для періодовъ болѣе раннихъ нѣтъ ничего, по степени полноты и подробности даже подобнаго тому, что мы узнаемъ о городахъ изъ писцовыхъ книгъ, такъ-что невозможно представить очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснялъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались. Ограничиться же въ своемъ изслѣдованіи однимъ XVI в. мы считали вполнѣ удобнымъ, ибо какъ разъ въ началѣ XVII в. наступила тяжелая эпоха смуты, повліявшая значительно на все внутреннее состояніе Московскаго государства, такъ что положеніе городовъ въ первой четверти XVII в. очень разнится отъ положенія ихъ въ XVI в. Но мы убѣждены, что изслѣдованіе и съ такимъ ха-

рактеромъ, т. е. переработывающее содержаніе хотя бы и совсѣмъ однѣхъ только писцовыхъ книгъ и для одной только эпохи, при возможной полнотѣ и обстоятельности, будетъ все-таки не безполезнымъ, ибо оно можетъ установить нѣкоторыя существенныя черты относительно положенія того или другого класса и этимъ подготовлять возможность полной внутренней исторіи Московскаго государства; только множество изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, разбирающихъ отдѣльныя явленія, но зато со всею подробностью, сдѣлаетъ возможнымъ появленіе полной, научной внутренней исторіи Московскаго государства; тѣ соціально-экономическіе вопросы, которыми почти исключительно занимались въ своемъ изслѣдованіи мы, въ такой исторіи уже не должны будутъ, конечно, играть такой первенствующей роли и развѣ-что будутъ поставлены наряду съ изученіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія тогдашняго общества; но мы считали бы себя вполнѣ удовлетворенными, если хотя на шагъ приблизили возможность такого общаго труда, если наше изслѣдованіе хоть сколько нибудь послужитъ для будущаго зданія внутренней исторіи Россіи.

Теперь же, прежде чѣмъ обратиться къ самому предмету своего изслѣдованія, намъ нужно остановиться на нѣсколькихъ предварительныхъ изысканіяхъ. Прежде всего мы должны опредѣлить сколько было въ XVI в. въ Московскомъ государствѣ городовъ, и какіе именно, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ и для какихъ областей могутъ имѣть значеніе наши выводы, основанные на извѣстныхъ въ настоящее время писцовыхъ книгахъ, ибо мы имѣемъ описанія не всѣхъ городовъ. Далѣе, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи о разныхъ городахъ находятся книги разныхъ наименованій — писцовыя, приправочныя, переписныя, платежныя, сотныя,—то нужно остановиться на вопросѣ: даютъ ли онѣ матеріалы одинаковые или разные, въ какой мѣрѣ полные, и если неполные, то какія именно свѣдѣнія заключаетъ каждая книга. Наконецъ, мы должны еще попытаться рѣшить вопросъ: сколько нужно считать въ то время всего людей—взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ—среднимъ числомъ на одинъ дворъ, чтобы имѣть возможность опредѣлить общую цыфру населенія каждаго города, ибо книги XVI в. указываютъ точно всегда лишь цыфру дворовъ, относительно же людей даютъ только цыфру главъ семействъ — въ томъ числѣ и вдовъ съ дѣтьми, а перечисленія всѣхъ остальныхъ жителей города не даютъ.

Списокъ русскихъ городовъ есть въ извѣстной статьѣ Неволина [1]), но мы все-таки приведемъ здѣсь составленный нами, во-первыхъ потому, что у Неволина въ одной графѣ помѣщены свѣдѣнія о городахъ въ періодъ времени отъ 1462 до 1689 г., а насъ интересуютъ лишь города, существовавшіе въ XVI в., во-вторыхъ же потому, что составивши свой списокъ по главнѣйшимъ источникамъ для исторіи того времени, мы нашли у Неволина нѣкоторыя дополненія, но зато и со своей стороны можетъ, кажется, въ нѣсколькихъ случаяхъ пополнить его списокъ. Наиболѣе полными перечнями XVI и XVII вв. существовавшихъ тогда городовъ являются Судебникъ Іоанна Грознаго, его же духовное завѣщаніе [2]) и книга Большого Чертежа; но однихъ этихъ источниковъ недостаточно, ибо въ каждомъ изъ нихъ есть несомнѣнные пропуски; поэтому приходится привлекать по возможности бо̀льшее число и разныхъ другихъ источниковъ; но, конечно, достигнуть совершенной полноты и точности тутъ очень трудно, и мы не убѣждены твердо, что нами не пропущенъ ни одинъ городъ, или не внесенъ въ списокъ городовъ XVI в. какой нибудь городъ по неточнымъ свѣдѣніямъ; мы рѣшаемся, однако, представить свой списокъ, во-первыхъ, какъ необходимое дополненіе къ нашему изслѣдованію, во-вторыхъ потому, что доселѣ число городовъ въ XVI в. иные ученые считаютъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности [3]). Въ свой списокъ мы вносили лишь города Европейской части тогдашней Россіи, совершенно оставляя въ сторонѣ города Сибирскіе; при тѣхъ городахъ, имена которыхъ есть и въ завѣщаніи Грознаго, и въ Книгѣ Большого Чертежа, и у Неволина, мы не дѣлаемъ никакихъ замѣчаній; въ другихъ же случаяхъ отмѣчаемъ, на основаніи чего мы внесли данный городъ въ свой списокъ; курсивомъ напечатаны имена городовъ, которыхъ описанія дошли до насъ въ писцовыхъ или другихъ подобныхъ книгахъ.

---

[1]) *Неволинъ*, Общій списокъ русскихъ городовъ, — Пол. собр. соч., т. VI, 27—96.

[2]) Д. А. И., I, № 222, 1572—1578.

[3]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 82: «всѣхъ городовъ по Судебнику Іоанна III было 63, по Судебнику Іоанна IV—68; въ 1610 г. ихъ было 138»; *Соловьевъ* считаетъ въ началѣ XVI в. въ Моск. государствѣ всего 96 городовъ, т. V, изд. 4, 178—179.

Алатъ [1]).—Алатырь.—Алексинъ.—Андреевъ [2]).—Арзамасъ.—Арскъ [3]).—Архангельскъ.—Астрахань.

Балахна.—Болховъ [4]).—Борисовъ.—Борисовъ [5]).—Боровскъ.—Брянскъ [6]).—Буй.—Бѣжецкій Верхъ [7]).—Бѣлая [8]).—Бѣлгородъ [9]).—Бѣлгородъ на Волгѣ [10]).—Бѣлевъ.—Бѣлоозеро [11]).

Важскій посадъ (?) [12]).—Валуйки [13]).—Васильгородъ.—Велижъ [14]).—*Велье* [15]).—*Веневъ*.—Верея.—Владимиръ.—Вологда.—*Володимерецъ* (Псковскій).—Волокъ-Ламскій.—Воро-

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1583 г.

[2]) По Неволину уп. подъ 1508 г. «въ Мещерѣ»; въ завѣщаніи нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Большого Чертежа (М. 1846) и въ завѣщаніи нѣтъ; Неволинъ отмѣчаетъ его существованіе и въ дальнѣйшее время; въ завѣщаніи упоминаются при Витской землѣ Арскіе князья.

[4]) Въ завѣщаніи не упомянутъ; но въ Разрядахъ (Древняя Россійская Вивліоѳика, XIII, XIV) идутъ указанія воеводъ въ немъ въ 1556, 1559, 1563 и т. д. до 1572 г.; «въ 1565 г. ханъ подступалъ къ Болхову, но тамъ были воеводы съ ратными людьми и не дали татарамъ сжечь даже посада»—*Соловьевъ*, т. VI, изд. 4. 255.

[5]) Одинъ на р. Протвѣ, другой близъ Донца, основаны въ 1599, 1600 г., Нов. лѣтописецъ, 53—54.

[6]) Въ завѣщаніи читаемъ подрядъ: «Велижъ, Заволочье, Себежъ, Поповичи, Холмъ, Велье, *Буецъ*, Невль, Острое, Торопецъ» и т. д.; но болѣе нигдѣ городъ Буецъ не указанъ, и во всякомъ случаѣ вся эта область была вскорѣ утрачена.

[7]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ.

[8]) Въ книгѣ Большого Чертежа и у Неволина нѣтъ; въ завѣщаніи идетъ въ такомъ порядкѣ: «Можайскъ, Вязьма, Козловь, Дорогобужъ, Бѣлая, Смоленскъ».

[9]) Основанъ въ 1599 г.—Новый лѣтописецъ (М. 1853), 53.

[10]) Въ книгѣ Большого Чертежа не упомянутъ; у Неволина отмѣченъ въ слѣд. періодѣ уже несуществующимъ; въ завѣщаніи упомянутъ въ такомъ ряду: «Юрьевъ Польскій, Бѣлгородъ, Городецъ, Романовъ на Волгѣ»; Бѣлгородъ подъ Тверью упоминается въ лѣтописяхъ—П. С. Р. Л., IV, 70, подъ 1375 г. и др.

[11]) Въ книгѣ Большого Чертежа не упомянуто.

[12]) Вѣрнѣе, что это былъ не городъ, а, какъ онъ и назывался всегда, посадъ. Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; у Неволина отмѣчена Вага 1137 г., и указано ея существованіе до 1780 г., когда Вага переименована въ Шенкурскъ—см. Карамзинъ, X, пр. 25.

[13]) Основанъ при Осодорѣ Ивановичѣ—Нов. лѣтописецъ, 40.

[14]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; у Неволина отмѣченъ въ Россіи въ періодъ времени 1536—1582.

[15]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; по Неволину принадлежалъ Россіи въ періодъ времени 1536—1582.

нежъ [1]).—*Вороноч*ъ.—Воротынскъ.—*Врев*ъ [2]).—*Выборъ*.—Высокое [3]).—Вычегда [4]).—Вышгородъ (на Поротѣ).—*Вышгород*ъ [5]) (Псковскій).—Вязьма.

Галичъ.—*Гдов*ъ.—Городецъ [6]).—Городецъ (на Мологѣ) [7]).—Гороховецъ [8]).

Деманъ [9]).—Дмитровъ.—Донковъ.—Дорогобужъ.—*Дубков*ъ.—*Дѣдилов*ъ [10]).

Елабуга (?) [11]).—Елатьма [12]).—Елецъ.—Емецкій городокъ.—*Епифань* [13]).

---

[1]) Основанъ въ 1586 г.—Городскія поселенія Россійской имперіи, I, 420; Неволинъ, кажется, ошибочно отмѣчаетъ непрерывное существованіе Воронежа со времени перваго его упоминанія подъ 1177 г.

[2]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; кромѣ упоминанія его въ завѣщаніи, у Ильинскаго читаемъ: «Демань и Высокое въ продолженіе всего почти XVI в. слыли подъ названіемъ городовъ» (Ж. М. Н. Пр., ч. CLXXXV, 212), причемъ указана даже рукопись, содержащая его описаніе.

[4]) Въ книгѣ Б. Ч. города такого нѣтъ, есть только рѣка; по Судебнику ѣзду 7 рублей; Неволинъ въ періодъ времени 1462—1689 отмѣчаетъ только «Вычегда» и даже не указываетъ существованія ея далѣе.

[5]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[6]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; въ завѣщаніи Іоанна III данъ великому кн. Василію при Тарусѣ (С. Г. Гр. и Д., I., № 144, 1504)—вѣроятно, его имѣлъ въ виду Неволинъ, указывая Городецъ въ нынѣшней Калужской губ.

[7]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; вѣроятно, это Городецъ на Мологѣ, указываемый Неволинымъ и въ завѣщаніи упоминаемый рядомъ съ Микулинымъ.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[9]) Въ завѣщаніи названъ городомъ, но въ книгѣ Б. Ч. отмѣченъ монастыремъ; а тогда дѣйствительно нерѣдко монастыри назывались городами — см. объ этомъ у *Неволина*, Полное собраніе сочиненій, VI, 27—28 и у *Оглоблина*: «Обозрѣніе историкогеографическихъ матеріаловъ XVII и XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа»—въ четвертомъ томѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.», 201.

[10]) Въ завѣщаніи нѣтъ; хотя по Никоновской (ч. VII, 214—215) и Львовской (V, 36) лѣтописямъ основанъ въ 1554 г.; замѣтимъ кстати, что Львовская лѣтопись сравнительно чаще прочихъ говоритъ объ основаніи городовъ

[11]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину городъ Елабуга существовалъ съ 1708 по 1780 г.; но въ Городскихъ поселеніяхъ, II, 14, сказано, что основанъ въ 1552 г.

[12]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но въ А. Ю. № 161 упоминается отъ 1426 до 1584; также подъ 1542 г. въ Царственной книгѣ, 106.

[13]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но существуетъ писцовая книга Епифани, составленная въ 1571—1572 гг.

Заволочье.—Зарайскъ [1])—Звенигородъ. — Зубцовъ [2]).—*Иванъ-городъ.—Изборскъ.*

Кадомъ.—*Казань.* — Кай [3]). — Калуга. — Канкоръ [4]). — Карачевъ.—*Каргополь* [5]). —Касимовъ [6]).—Кашинъ.—*Кашира.*—Кергеданъ [7]). — Кинешма [8]). — Клинъ. — *Кобылье.* — Козельскъ. — Кокшенга [9]).—Кола [10]).—*Коломна.—Копорье.* — Копье [11]).— *Корела.* — Коряковъ [12]).—Кострома.—Кошкинъ [13]).—Крапивна [14]).—*Красный.* —Кромы—Курескъ (на Ловати). [15]).—Курмышъ [16]).—Курскъ [17]).—

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ, но въ Царственной книгѣ, 107, подъ 1542 г. упоминается, что подъ Зарайскъ приходили крымцы; по Разрядамъ воеводы тутъ упоминаются съ 1556 г.; отъ 1598 г. сохранилась его платежная книга.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1581 г.

[4]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; поставленъ, съ Кергеданомъ, Строгановыми въ 1559—1564 гг.; Кергеданъ былъ со стѣнами всего въ 30 саженъ—*Соловьевъ*, т. VI, изд. 4, 367.

[5]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но Каргопольскій намѣстникъ упоминается подъ 1546 г., А. А. Э., I., № 211; отъ 1561—1564 г. существуетъ его переписная книга—Олонец. Губ. Вѣд., 1854 г., №№ 23—31. Карголомъ не внесенъ нами въ списокъ, ибо ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч. не упомянутъ, по Неволину упоминается подъ 1487 г. (по Архангелогородскому же лѣтописцу подъ 1389).

[6]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но имя это появляется и идетъ непрерывно съ 1471 г.—*Вельяминовъ-Зерновъ*, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I, 41.

[7]) См. примѣчаніе о г. Канкорѣ.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упоминается въ 1536 г.; въ наказѣ посламъ въ Литву велѣно говорить о кн. И. П. Шуйскомъ, что онъ живетъ у себя на отчинѣ въ Кинешмѣ, что это «городъ у него большой на Волгѣ, государь ему пожаловалъ за Псковскую осаду»—*Соловьевъ*, VII, изд. 4, 1879 г., 236.

[9]) Поставленъ въ 1574 по Разрядамъ и при Ѳ. Ив. по Новому лѣтописцу, 94; Неволинъ принимаетъ 1574 г.

[10]) По Неволину основанъ въ 1264 г.; въ завѣщаніи нѣтъ.

[11]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; поставленъ въ 1567 г.—П. С. Р. Л., IV, 317.

[12]) По Неволину уп. подъ 1536 г.; ни въ завѣщаніи, ни въ кн. Б. Ч. нѣтъ.

[13]) Въ кн. Б. Ч. нѣтъ; въ завѣщаніи въ числѣ Новгородскихъ пригородовъ.

[14]) Въ завѣщаніи есть «городъ на Плавѣ и Соловѣ»; по книгѣ Б. Ч. это и есть Крапивна; Неволинъ же говоритъ о г. Плавѣ: «тамъ, гдѣ нынѣ г. Крапивна, или близъ», Крапивну же считаетъ основанною въ 1654 г.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[16]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; но упоминается въ завѣщаніи и у Соловьева (VII, изд. 4, 254) подъ 1563 г.; Неволинъ отмѣчаетъ первое упоминаніе подъ 1586 г.

[17]) Въ завѣщаніи нѣтъ; Соловьевъ (т. VII, 4 изд., 347) говоритъ, согласно

Ладога.— *Лагшевъ* [1]).— Ливны [2]).—Лихвинъ [3]).— Луки Великія.—Лухъ [4]).—Любимъ [5]).

Мглинъ [6]).—Медынь.—Мезень [7]).—Мезецкъ [8]).—Микулинъ [9]).—Михайловъ [10]).—*Можайскъ.* —Мокшанскъ [11]). — Молога [12]). — Мосальскъ.—Москва. — Мстиславль [13]).— *Муромъ.*— Мценскъ. — Мѣщовскъ [14]).

Невль.—Нерехта [15]).—Нещерда [16]).—Новгородъ Великій.—Новгородъ Нижній.—Новгородъ Сѣверскій.—Новосиль.

новому лѣтописцу, что Курскъ построенъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ; но въ А. И., I, № 154, XX, уже подъ 1582 г., говорится, что ябедниковъ написать въ казаки въ Сѣвскъ и въ Курскъ.

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но по Никоновской (VII, 284) и Львовской (V, 130, 172) лѣтописямъ построенъ въ 1557 г.; отъ 1565—57 гг. сохранилось его описаніе.

[2]) Построены при Ѳедорѣ Ивановичѣ,—Нов. лѣтоп., 40.

[3]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упоминается съ 1565 г.; по свидѣтельству Городскихъ поселеній Россійской имперіи (II, 365) тутъ еще въ XVI в. были значительныя укрѣпленія.

[4]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается въ А. А. Э., I, № 9, 1384—1404, въ С. Г. Гр. и Д. I, № 141, 1504; по Неволину упоминается съ 1426 г. и далѣе.

[5]) Плѣнный гросмейстеръ Фюрстенбергъ получилъ въ кормленіе мѣстечко Любимъ въ Костромской области, въ 1560 г.—*Соловьевъ*, VII, изд. 4, 214; по свидѣтельству Городскихъ поселеній основанъ до 1546 г., т. V, ч. II, 461.

[6]) По свидѣтельству Неволина, былъ во власти Россіи отъ 1500 до 1618.

[7]) Основана въ 1600 г., по Неволину.

[8]) Не упоминается ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч., ни у Неволина; но по Судебнику 1550 г. до него ѣзду 40 алт.

[9]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[10]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Царственной книгѣ (181) и по Никоновской лѣтописи (VII, 85) поставленъ въ 1551 г., по Разрядамъ показаны воеводы между 1556 и 1566 гг.

[11]) Въ завѣщаніи, повидимому, скрывается подъ именемъ города Мещеры; по Неволину основанъ въ 1536 г.

[12]) Въ завѣщаніи Грознаго нѣтъ; по Неволину упоминается съ 1148 и далѣе, но не далѣе 1689 г.; затѣмъ онъ отмѣчаетъ основаніе города Мологи въ 1777 г.; упоминается въ завѣщаніи Іоанна III, С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504

[13]) По Неволину утраченъ въ періодъ 1230—1462; но нѣсколько разъ онъ находился и въ власти Московскаго государства—напр. 1532, А. А., Э, I. № 175; въ завѣщаніи и книгѣ Б. Ч. упоминается.

[14]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается подъ 1504 г. въ С. Г. Гр. и Д., I, № 144; съ 1584 г. укрѣпленъ—Городскія поселенія, II, 373.

[15]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину существуетъ съ 1425 г.

[16]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ Разрядахъ есть упоминаніе, что въ 1570 г. городъ на Нещердѣ ставили: по Неволину упоминается въ 1579 г.

Оболенскъ[1]).—Одоевъ.—Озерищи[2]).—*Олонецъ*[3]) (?).—*Опочка*.—Орелъ[4]). — Орловецъ[5]). — *Орѣшекъ*. — Осколъ[6]). — *Островъ*.—Острое[7]).

Перевитскъ[8]).—Перемышль.—Переяславль Залѣсскій.—*Переяславль Рязанскій*.—Пермь[9]).—Пинега[10]).—Плесъ[11]).—Полоцкъ.—Полчевъ[12]). — Поповичи. — *Порховъ*.— Почапъ.—*Пронскъ*[13]). — *Псковъ*.—Пустозерскъ[14]).—Путивль.

Ржева Володимерская.—Ржева Пустая.—Романовъ.—Рославль.—Ростовъ.—Руза[15]).—*Руса Старая*.—Рыльскъ.—Ряжскъ[16]).

Самара[17]). — Саратовъ[18]).— *Свіяжскъ*. — *Себежъ*[19]).— Сер-

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину пріобрѣтенъ въ 1498 г.; по Судебнику 1550 г. опредѣленъ ѣздъ до него.

[2]) У Неволина этого города нѣтъ.

[3]) Не упомянутъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину существуетъ съ 1577 г., причемъ другого года обращенія его въ городъ указомъ не приведено; въ М. Г. А. М. И. Д., Олонецъ, I, IX, 4,—есть описаніе Олонца 1556 г.—но это селеніе на городъ не похоже и не названо городомъ.

[4]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ Разрядахъ воеводы указаны въ 1566—1574 гг., по Неволину существуетъ съ 1565 г.

[5]) Въ завѣщаніи указано просто «Вятка со всѣми городы;» уп. Д. А. И., I. № 117, 1564.

[6]) Основанъ при Оедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 40.

[7]) Въ книгѣ Б. Ч. и у Неволина нѣтъ; въ завѣщаніи идетъ въ такомъ ряду: В. Луки, Невль, Острое, Торжокъ, Ржева Пустая. Не помѣщаемъ въ нашъ списокъ Осташкова, неупоминаемаго ни въ книгѣ Б. Ч., ни въ завѣщаніи, а по Неволину упоминаемаго съ 1200 г. до періода 1462—1689, при чемъ, однако, указано, что сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Осташковъ въ 1770 г.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; уп. С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504; по преданію, его жители были переселены въ Свіяжскъ (*Перетятковичъ*, Поволжье въ XV—XVI в., 192), но уп. и въ книгѣ Б. Ч.

[9]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Царственной книгѣ (47) въ 1535 поставленъ тутъ городъ, ибо старый сгорѣлъ.

[10]) По Неволину основана въ 1600 г.

[11]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[12]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ.

[13]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается въ лѣтописяхъ часто, напр. П. С. Р. Л., VIII, 292, 1536 г., Царственная кн., 95, 1541 и др.

[14]) По Неволину основанъ въ 1597.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ; уп. въ 1504 г.—С. Г. Гр. и Д., I, №№ 141 и 144; по Неволину непрерывно существуетъ съ 1328 г.

[16]) Рязань тогда называлась Переяславль Рязанскій.

[17]) Основана въ 1586,—какъ согласно показываютъ Неволинъ и Перетятковичъ (Поволжье въ XV и XVI в., 313).

[18]) Основанъ, по Неволину, въ 1591, по Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в.) въ 1590.

[19]) Въ завѣщаніи упомянутъ не въ числѣ Псковскихъ пригородовъ, а отдѣльно.

пейскъ.—*Серпуховъ.* — Ситная [1]). — Слободской [2]). — Смоленскъ.— Соколъ [3]). — Соликамскъ [4]). — Соль Вычегодская [5]). — Старица.— Стародубъ Ряполовскій [6]).—Стародубъ Сѣверскій [7]).—Судиславль [8]).— Суздалъ [9]).—Суходолъ [10]).—Сѣвскъ [11]).

Тверь.—Темниковъ.—Тетюши [12]).—Торжокъ.—*Торопецъ.* — Торуса [13]). — Тотьма [14]). — Трубчевскъ [15]). — *Тула.* — Турчасовъ посадъ [16]).—Туровля [17]).—Тѣшиловъ [18]).

Ула [19]).—Унженскъ.—Уржумъ [20]).—Усвятъ [21]).—Устюгъ Великій.—*Устюжна.*—Уфа [22]).

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. подъ 1576 г.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину существуетъ съ 1546 г.

[3]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1566, уничтоженъ въ 1579.

[4]) По Неволину существуетъ съ 1504 г., въ завѣщаніи нѣтъ.

[5]) Не помѣщаемъ въ нашъ списокъ Соболина, единственное упоминаніе котораго (1513) мы встрѣтили у Неволина.

[6]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Судебнику 1550 г. до него ѣзду 1½ р.

[7]) По Неволину былъ во власти Моск. государства съ 1500 по 1618 г.

[8]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[9]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[10]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч., по Неволину упоминается лишь подъ 1328 г.; но въ А. А. Э, I, № 115, 1486 г., упоминается, какъ тянущій въ Москвѣ, а въ 1504 г. (С. Г. Гр. и Д., I, № 144) упоминается при Боровскѣ.

[11]) См. примѣчаніе о г. Курскѣ.

[12]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Разрядамъ поставленъ въ 1570 г., по Неволину—около 1578.

[13]) По Неволину упоминается съ 1536 г.; ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[14]) Въ завѣщаніи нѣтъ, въ книгѣ Б. Ч. указано Тарусское городище, по Неволину уп. съ 1260 до 1689 г., потомъ послѣ 1762 г.; но по Судебнику 1550 г. опредѣленъ ѣздъ; по Разрядамъ тутъ съ 1556 по 1574 г. часто стоятъ воеводы; въ Городскихъ поселеніяхъ (II, 381) находимъ замѣчаніе, что въ XVI в. тутъ были значительныя укрѣпленія.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину пріобрѣтенъ въ 1500 г.; въ Разрядахъ указаны воеводы въ 1556, 1559, 1564, 1565 гг.

[16]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. въ 1568 г.

[17]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. въ 1576 г.

[18]) По Неволину упоминается лишь въ 1376 г.; но уп. и въ завѣщаніи Грознаго и въ завѣщаніи 1504 г. С. Г. Гр. и Д., I., № 144.

[19]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину построенъ около 1556.

[20]) Основанъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 24.

[21]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину основанъ около 1566 г.

[22]) По Неволину и Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в., 314) поставлена въ 1586 г.

Хлепня [1]).—Хлыновъ [2]).—Холмогоры.—Холмъ Красный. — Холопій городокъ [3]).—Хотунь [4]).

Царицынъ [5]).—Царево Сапчурскъ [6]).—Цивильскъ [7]).

Чебоксары.—Чердынь [8]).—Чернь.—Чухлома.

Шацкъ.—Шестаковъ [9]).—Шуя.

Юрьевецъ.—Юрьевъ Польскій [10]).

Яма.—Ярославль.—Ярославецъ Малый.

Всего въ нашемъ спискѣ 220 городовъ; но можно сказать положительно, что никогда въ теченіе всего XVI ст. одновременно не существовало столько городовъ: около 20-ти основаны только уже въ послѣдніе годы вѣка; нѣкоторые же, наоборотъ, въ теченіе его исчезли или были утрачены; во всякомъ случаѣ, имѣя описанія сорока одного города, мы располагаемъ свѣдѣніями, большею частью очень точными, почти о пятой части всѣхъ существовавшихъ тогда городовъ; такое отношеніе числа тѣхъ городовъ, положеніе которыхъ можетъ быть изучаемо нами очень обстоятельно, и тѣхъ, такое изученіе которыхъ намъ недоступно, можно считать вполнѣ благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что для изученія соціально-экономическаго положенія городовъ вполнѣ возможно удовлетвориться свѣдѣніями и не обо всѣхъ городахъ, ибо факты такого рода обусловливаются непремѣнно причинами, дѣйствительными для довольно обширныхъ районовъ, и потому немогутъ, въ общихъ, главныхъ чертахъ, рѣзко различаться въ городскихъ поселеніяхъ не особенно удаленныхъ другъ отъ друга. Точно такъ же не можетъ имѣть особеннаго значенія и то, что изучаемыя нами описанія относятся не къ одному году, а прибли-

---

[1]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину пріобрѣтена въ 1492 г., но въ періодѣ 1689—1762 уже не указана.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ А. А. Э., I, № 305, уп. подъ 1580 г.

[3]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[4]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; у Неволина отмѣченъ подъ 1410 и въ періодѣ 1462—1689; уп. въ С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504, по Судебнику опредѣленъ ѣздъ, въ Разрядахъ упом. подъ 1570 г.

[5]) По Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в., 317) поставленъ въ 1589 г., по Неволину въ 1600.

[6]) Поставленъ въ 1584, *Карамзинъ*, X, 15.

[7]) Поставленъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 24.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упомин. съ 1472 г., по Архангелогородской лѣтописи, 209, въ 1504 г. поставленъ снова послѣ пожара.

[9]) Въ завѣщаніи не упомянутъ; поставленъ немного ранѣе 1546 г. А. А. Э., I. № 210; также и у Неволина.

[10]) Въ книгѣ Большаго Чертежа нѣтъ.

зптельно къ одному полустолѣтію [1]), ибо соціально-экономическіе факты не мѣняются быстро, да и никакихъ рѣзкихъ, крупныхъ событій въ теченіе XVI в. относительно городовъ не совершилось; къ тому же, обыкновенно въ книгахъ находимъ сравненіе описываемаго состоянія города съ прежнимъ его положеніемъ. Но, конечно, всетаки, имѣя описанія не всѣхъ городовъ, мы можемъ отъ извѣстныхъ намъ заключать о неизвѣстныхъ лишь съ нѣкоторою вѣроятностью, степень которой будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе процентъ городовъ извѣстной мѣстности доступенъ нашему изученію. Совершенно неизвѣстны намъ соціально-экономическія отношенія въ городахъ сѣверовосточныхъ, заволжскихъ, въ областяхъ Двинской и Камской: до насъ не дошло описанія ни одного города этой области, а между тѣмъ они не только вѣроятно, но даже навѣрно, во многомъ отличались отъ городовъ другихъ областей, ибо стояли въ совершенно отличныхъ условіяхъ: не говоря уже о разницѣ физическихъ, естественныхъ условій, тутъ, напр., вовсе не было опасности непріятельскаго нападенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ шелъ богатый, важный торговый путь къ Бѣлому морю, подобнаго которому не было въ другихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Исключая поэтому и города этой области, вмѣстѣ съ городами только что основанными или не долго находившимся во власти Московскаго правительства, мы получимъ, что имѣемъ свѣдѣнія о 41 городѣ изъ 170 приблизительно, т. е. почти о четвертой части всѣхъ городовъ. Изъ всѣхъ областей Россіи наиболѣе точно можетъ быть изучаемо положеніе городовъ въ областяхъ Новгорода и Пскова, ибо описаны всѣ города послѣдней и болѣе половины городовъ первой; затѣмъ, съ очень большою увѣренностью можемъ мы дѣлать выводы о положеніи городовъ по южной и восточной границѣ, ибо имѣемъ свѣдѣнія объ одиннадцати городахъ этой области, причемъ ясно выступаютъ общія всѣмъ имъ черты, къ тому же черты, естественнымъ образомъ вытекающія изъ ихъ положенія и отличающія Тулу и Дѣдиловъ отъ Коломны или Серпухова болѣе, чѣмъ отъ Казани и Свіяжска; наконецъ, съ меньшею уже увѣренностью можемъ мы дѣлать свои выводы о городахъ центральныхъ, въ

[1]) Всѣ описанія городовъ, извѣстныя въ настоящее время, относятся ко второй половинѣ XVI в., за исключеніемъ описанія Торопца и Новгородскихъ пригородовъ: описанія Ямы, Ладоги, Копорья, Ивана, Корелы и Орѣшка относятся къ 1500 году, но затѣмъ изъ Разряднаго и Разметнаго списка (А. А. Э., I, № 205) узнаемъ о положеніи ихъ, а также Русы и Порхова, въ 1545—1546 г.; Торопецкая книга относится къ 1540—1541 г.

области между Окою и Волгою, ибо имѣемъ точныя свѣдѣнія лишь о четырехъ городахъ ея; но и здѣсь очень близкое сходство всѣхъ ихъ между собою даетъ полное основаніе думать, что по описанію ихъ мы узнаемъ существеннѣйшія характерныя черты положенія всѣхъ вообще городовъ этой области.

Какъ мы уже выше говорили, описанія разныхъ городовъ дошли до насъ въ документахъ, носящихъ разныя названія: книги писцовыя, приправочныя, переписныя, переписныя окладныя, платежныя, просто книги и сотныя [1]). Тщательно разобравши ихъ со-

---

[1]) Вотъ списокъ описаній разныхъ городовъ, которыя послужатъ главнымъ матеріаломъ для нашего изслѣдованія.

1500 г. Описаніе г. Орѣшка — въ Переписной окладной книгѣ Вотской пятины,—Временникъ, XI, 111—115.

1500. Описаніе г. Корелы — продолженіе той же книги, Временникъ, XII, 1—7.

1500. Описаніе гг. Копорья, Ладоги, Ямы и Ивана—въ «Новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ», т. III, 494, 879—886, 957—960, т. IV, 227—232.

1540—1541. Переписная книга г. Торопца, ркп. М. Г. А. М. И. Д., Писц. кн., IX, 18, лл. 1—31.

1545—1546. Разрядный и разметный списокъ по Новгородской области,—А. А. Э., I, № 205.

1552. Сотная на Серпуховскій посадъ—напечатана у Симсона: «Исторія г. Серпухова и т. д.,» 311—334.

1561—1564. Сотная перепись г. Каргополя—напечатана въ Олонецкихъ Губ. Вѣдом., 1854, №№ 23—31.

1565—1567. Писцовая книга г. Свіяжска, ркп. М. А. М. Ю., № 432, лл. 1—69.

1566—1568. Писцовая книга г. Казани, ркп. М. А. М. Ю., № 646, лл. 1—208.

1566—1568. Писцовая книга г. Лаишева, ркп. М. А. М. Ю., № 646, лл. 479—484.

1568. Книга г. Орѣшка, ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стараго каталога № 7, лл. 206—242.

1568. Книга г. Ладоги,—тамъ же, лл. 290—321.

1568. Книга г. Корелы,—тамъ же, лл. 454—516.

1571—1572. Писцовая книга г. Венева — Писцовыя книги Московскаго государства, изд. Географич. общества, подъ редакціей П. В. Каначова, т. II, 1537—1542.

1571—1572. Писцовая книга г. Епифани,—тамъ же, 1588—1595.

1574. Сотная на Муромскій посадъ—А. Ю., № 229.

1578. Приправочная книга г. Коломны—ркп. М. А. М. Ю., № 200, лл. 1—168,—напечатана, подъ названіемъ писцовой, въ I т. (невышедшемъ) Писц. книгъ Моск. государства, изд. Географ. общ., 291—335.

держаніе, мы должны сказать, что всѣ онѣ сообщаютъ свѣдѣнія однородныя и очень близкія другъ къ другу по степени полноты и подробности; если нѣкоторыя, дѣйствительно, и различаются между собою, то относительно другихъ мы думаемъ, что различіе названій невсегда соотвѣтствовало различію содержанія, а иногда обозначало просто различіе поводовъ и способовъ составленія книгъ; мы думаемъ вообще, что тогда не было еще выработано общаго плана такихъ книгъ и что въ очень многомъ ихъ содержаніе и названіе зависѣло отъ лицъ, ихъ составлявшихъ [2]). Говоря въ дан-

---

1578—1579. Писцовая книга г. Каширы — во II т. того же изданія, 1299—1306.

1585—1588. Описаніе Пскова (неполное) и 14-и его пригородовъ—въ ркп. М. А. М. Ю., № 355, половины 1-ая и 2-ая, и въ копіи съ нея—№ 827. (Мы пользовались, по обстоятельствамъ, сначала подлинникомъ, потомъ копіею—по кн. № 355, пол. 1-ая, лл. 5—66 (Псковъ), 584—587 (Кобылье), 643—661 (Изборскъ), № 355, пол. 2-ая, лл. 557—567 (Красный), 841—878 (Опочка), 899—945 (Себежъ) и по копіи № 827—лл. 43—138 (Псковъ, окончаніе), 405—443, (Гдовъ), 547—572 (Островъ), 643 (Вышгородъ), 671—692 (Вороночъ), 723 (Дубковъ), 732—734 (Выборъ), 744—747 (Вревъ), 752—767 (Вельe), 791 (Володимерецъ).

1588—1589. Приправочная книга Тулы—ркп. Имп. П. Б., Q, IV, 338, лл. 1—64, напечатана такъ же, подъ названіемъ писцовой, въ Писц. книгахъ М. государства, II, 1073—1097, но съ сокращеніями и въ печати неудобна для пользованія.

1588—1589. Приправочная книга Дѣдинова, ркп. И. П. Б, Q, IV, 338, лл. 801—843, напечатана въ II же т. Писц. книгъ М. госуд., 1261—1268.

1595—1597. Платежная книга Зарайска; напечатана послѣдній разъ въ книгѣ: «Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII в.» М. 1883. 1—2.

1595—1597. Платежная книга Пронска, ркп. М. А. М. Ю, № 396, лл. 131—132.

1595—1597. Платежная книга Переяславля Рязанскаго, ркп. М. А. М. Ю., № 396, лл. 1—25.

1596—1598. Книги г. Можайска, рпк. М. А. М. Ю., № 251, лл. 1—179; напечатана (съ сокращеніями) въ I т. Писц. книгъ М. государства, 612—654.

1597. Сотная на Устюжскій посадъ, ркп. М. Г. А. М. И. Д., Приказныя дѣла, связка 3, № 2, лл. 1—77.

1598. Приправочная книга Пронска, ркп. М. А. М. Ю., № 354, лл. 1—22.

Конца XVI в. Отрывокъ какого-то описанія Переяславля Рязанскаго, ркп. М. А. М. Ю., № 354, лл. 343—346.

[1]) Совершенно то же самое—существованіе различій въ совершенно одинаковыхъ по названію документахъ—указываетъ и г. Оглоблинъ, относительно нѣкоторыхъ дѣлъ Разряднаго приказа,—см. «Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа», въ IV т. «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.», 182, 186, 269.

номъ случаѣ не обо всѣхъ подобныхъ документахъ [1]), а о находящихся въ нашемъ распоряженіи писцовыхъ книгахъ городовъ XVI в., мы должны сказать слѣдующее: наиболѣе подробныя свѣдѣнія даютъ намъ книги писцовыя, приправочныя и просто книги; документы со всѣми этими названіями относительно городовъ даютъ свѣдѣнія совершенно однообразныя и столь разностороннія, что мы думаемъ, что болѣе подробныхъ описаній городовъ и не было; переписныя окладныя книги, всѣ описывающія новгородскіе пригороды, сообщаютъ въ общемъ почти тѣ же данныя, что и писцовыя; главное ихъ отличіе это то, что въ нихъ нѣтъ только описанія укрѣпленій города, его церквей и торга; переписная книга г. Торопца (1540—1541 г.) еще ближе стоитъ къ писцовымъ, ибо даетъ и описаніе церквей и укрѣпленій и торга, но описаніе укрѣпленій и церквей сокращенное; во всякомъ случаѣ эти переписныя книги стоятъ несравненно ближе къ писцовымъ и приправочнымъ книгамъ XVI в., чѣмъ къ переписнымъ книгамъ XVII в., которыя даютъ главнѣйшимъ образомъ, иногда даже исключительно, только перечень людей и обыкновенно съ указаніемъ даже ихъ лѣтъ [2]); наши же переписныя книги XVI в. сообщаютъ только число людей самостоятельныхъ, взрослыхъ, но зато говорятъ и о ихъ землѣ, а иныя и о торгѣ, чего въ переписныхъ книгахъ городовъ XVII в. не имѣемъ. Книги платежныя извѣстны въ слишкомъ небольшомъ числѣ, чтобы положительно говорить о ихъ содержаніи; несомнѣнно все-таки, что онѣ сообщаютъ не всѣ данныя о городѣ; поэтому, имѣя о какомъ нибудь городѣ только платежную книгу, мы можемъ съ увѣренностью говорить лишь о податяхъ и пошлинахъ

---

[1]) О томъ же подробнѣе въ нашей статьѣ: «Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в.»—въ журналѣ «Библіографъ», за 1889 г., № 2, 41—61.

[2]) Мы не имѣемъ начала документа, содержащаго описаніе Пскова и его пригородовъ, и потому не можемъ сказать, какъ онъ назывался; по характеру своихъ данныхъ и изложенія онъ ближе всего къ обыкновеннымъ писцовымъ книгамъ, хотя въ немъ тоже нѣтъ описанія укрѣпленій и церквей.

[3]) Масса переписныхъ книгъ съ совершенно яснымъ такимъ характеромъ напечатана въ продолжающемся изданіи (московскаго купечества) матеріаловъ для исторіи разныхъ городовъ; доселѣ изданы, насколько намъ извѣстно, матеріалы для исторіи Торопца, Устюга Великаго, Зарайска, Тулы, Рязани, Бѣлева, Переяславля Залѣсскаго, Углича, Иркутска, Тобольска, Кунгура и (въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ: «Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи) Якутска, Селенгинска и Нерчинска; съ такимъ же характеромъ переписныя книги во II приложеніи къ I т. Матеріаловъ для исторіи Московскаго купечества; впрочемъ, нужно сказать, что и тутъ попадаются доку-

съ жителей его, но никакъ не о составѣ ихъ и ихъ занятіяхъ. Наконецъ, сотныя даютъ всѣ свѣдѣнія о томъ сословіи, о томъклассѣ, которому выданы; слѣдовательно по нимъ мы можемъ судить съ полною подробностью, но только объ одномъ классѣ; впрочемъ, и въ разныхъ сотныхъ встрѣчаются нѣкоторыя, но неважныя особенности [1]).

Писцовыя книги XVI в. никогда не даютъ намъ не только полной цифры населенія мужескаго и женскаго, но даже и полной цифры мужчинъ: онѣ всегда приводятъ цифры лишь такъ сказать представителей дворовъ, главъ семействъ [2]), о женщинахъ же говорятъ лишь тогда, когда приходится описывать дворы, занятые вдовами, и только при имени вдовъ и рѣже—при имени отцовъ упоминаютъ и о дѣтяхъ [3]). Поэтому, чтобы по даннымъ писцовыхъ книгъ узнать полное число населенія, нужно сообщаемыя ими цифры въ нѣсколько разъ увеличить; и мы попытаемся теперь опредѣлить, съ возможной точностью, во сколько же разъ нужно увеличить ихъ. Современная статистика принимаетъ среднимъ счетомъ на дворъ по 4 человѣка [4]), но, по вѣрному замѣчанію одного нѣмецкаго изслѣдователя положенія средневѣковыхъ германскихъ городовъ, нельзя прямо переносить средніе цифры нашего времени на средневѣковое общество [5]). И мы должны сами, на основаніи русскихъ документовъ, относя-

менты, названные также переписными книгами, но неимѣющіе ничего общаго по содержанію съ большинствомъ переписныхъ книгъ,—таковы переписная книга Кунгура и «Переписныя книги г. Москвы 1665—1676 г.» М. 1886, 238 стр.

[1]) См. объ этомъ въ нашей статьѣ «Начало въ Россіи переписей»,—«Библіографъ» 1889, № 2, 59, а также у *Неволина* въ статьѣ «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II», Полн. собр. соч., VI, 469—470.

[2]) Мы сказали бы дворохозяевъ, если бы не встрѣчали во многихъ городахъ довольно большого числа людей, неимѣвшихъ своихъ дворовъ, каковы напр. дворники, подсусѣдники.

Первый намъ извѣстный, по времени документъ, содержащій перечисленіе не однихъ только взрослыхъ мужчинъ, а и женщинъ и дѣтей—это устройная книга 1601 г. одного яма въ Новгородской области— въ рки. И. П. Б. Q, IV, 261, лл. 222—240; затѣмъ опять свѣдѣній о женщинахъ не находимъ до начала XVIII в., къ которому относится нѣсколько документовъ съ подобными данными — напечатаны въ вышеуказанныхъ изданіяхъ Московскаго купечества.

[4]) *Dr. Bücher.* Zur mittelalterlichen Bevölkerungstatistick mit besonderer Rücksicht auf Frankfurt a. M.—въ Zeitschrift für die gesam. Staatswissensch. 1881, b. 37, 558.

[5]) Тамъ же, 544.

щихся къ прошлымъ вѣкамъ, опредѣлить, сколько же приходилось тогда среднимъ числомъ на дворъ. Прямымъ путемъ для такого опредѣленія было бы собрать массу точныхъ данныхъ о полномъ населеніи дворовъ и вывести среднюю цифру; но, какъ мы сказали, такой путь, по характеру источниковъ, невозможенъ; мы можемъ, однако, придти къ тому же выводу другимъ путемъ, путемъ, конечно, менѣе точнымъ—быть можетъ, мы и ошибемся на нѣсколько десятыхъ—но лучше принять такой выводъ, чѣмъ не знать средняго числа людей на дворъ даже въ единицахъ. Такъ какъ нашъ выводъ является только приблизительнымъ, то мы подробно изложимъ, какимъ путемъ мы дошли до него, чтобы всякій могъ судить, насколько наши цифры заслуживаютъ довѣрія [1]) Мы можемъ значительно приблизиться къ изучаемому нами времени, взявши переписныя книги XVII в., которыхъ напечатано уже множество; но нельзя, опредѣливши изъ нихъ среднюю цифру людей на дворъ прямо принимать ее за достаточно вѣрную и для XVI в., ибо въ теченіе вѣка могли значительно измѣниться и даже несомнѣнно измѣнились разнообразныя экономическія и общественныя условія, вліяющія на то, какіе люди живутъ вмѣстѣ, въ одномъ дворѣ: на соборѣ 1619 г. было указано, что многіе люди, покинувши свои дворы, начинаютъ селиться въ чужихъ дворахъ, чтобы менѣе платить государевыхъ податей, раскладывавшихся по дворамъ [2]); многія переписныя книги 1646 и 1677 годовъ содержатъ напоминанія писцамъ слѣдить, чтобы не сходились въ одинъ дворъ люди со многихъ дворовъ [3])—ясное указаніе, что такое явленіе наблюдалось; и по источникамъ мы можемъ убѣдиться, что оно даже постепенно усиливалось [4]); какъ увидимъ далѣе, въ XVI в. въ этомъ отно-

---

[1]) *Соколовскій*, въ своемъ «Очеркѣ экономическаго положенія», 18, говоритъ даже: «нѣтъ данныхъ для опредѣленія количественнаго состава дворовъ».

[2]) Книги разрядныя I, 613: «а изъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ посадцкіе многіе люди, льготя себя, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городамъ у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ».

[3]) Во многихъ книгахъ, изданныхъ Московскимъ купечествомъ, также и въ другихъ — см. напр. «Переписныя книги 1676 — 1688 г.», изданныя Е. Е. Замысловскимъ, въ VIII т. Лѣтописи занятій Археографической комиссіи и отдѣльно, стр. 12 и др.

[4]) Вотъ небезынтересныя цифры по этому вопросу, выведенныя нами по изданнымъ книгамъ.

шеніи существовало различіе: на сѣверѣ, въ старыхъ городахъ, мы встрѣтимъ часто не по одному человѣку на дворъ, а въ городахъ въ центрѣ и по южной и восточной окраинѣ напротивъ, преобладали дворы съ однимъ взрослымъ мужчиной, и что это не слѣдствіе различія лишь въ документахъ, а отраженіе дѣйствительно существовавшаго факта—доказывается тѣмъ, что постоянно во дворахъ людей одного разряда оказывается жителей больше, чѣмъ во дворахъ другого разряда и еще тѣмъ, что книги Можайска и Устюжны, по времени составленія очень близкія и носящія нѣкоторыя имъ только свойственныя общія черты, въ этомъ отношеніи рѣзко различаются — именно, въ Устюжнѣ преобладаютъ дворы не съ однимъ взрослымъ мужчиной, а въ Можайскѣ — съ однимъ. Поэтому-то мы и не можемъ взять прямо среднія цифры изъ книгъ XVII в. и примѣнять ихъ къ XVI в.; намъ нужно иначе подойти къ опредѣленію числа людей на дворъ въ XVI в. Намъ кажется, что весьма близко можно подойти къ этому слѣдующимъ путемъ: мы должны по переписнымъ книгамъ XVII в. просто разсчитать, сколько приходилось тогда дѣтей мужескаго пола на 1,000 взрослыхъ мужчинъ, а тогда уже легко будетъ опредѣлить, и приблизительно довольно вѣрно, число жителей въ городахъ со всякимъ составомъ дворовъ; въ отношеніи же числа взрослыхъ къ числу дѣтей цифры не могли измѣняться очень быстро, потому что тутъ онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ

На 100 дворовъ приходилось людей:

по переписнымъ книгамъ:	1625 г.	1646 г.	1677 г.
Въ Бѣлевѣ	—	210,1	280,3
» Вяткѣ	—	323,7	289,0
» Зарайскѣ	—	236,3	285,8
» Кунгурѣ	—	—	264,7
» Переяславлѣ Зал.	—	—	280,5
» Ростовѣ.	—	274,4	310,2
» Рязани	—	—	308,7
» Торопцѣ	—	303,9	270,9
» Тулѣ	156,4	295,2	328,2
» Устюгѣ	121,7	—	343,0
Среднимъ числомъ. . . .	139,0	273,9	296,2.

Вообще къ концу вѣка видимъ въ общемъ возрастаніе числа людей на дворъ — въ общемъ на 8,1%; уменьшеніе замѣчаемъ лишь для двухъ городовъ, и именно для тѣхъ, гдѣ въ 1646 г. приходилось людей на дворъ гораздо больше, чѣмъ въ остальныхъ; въ одномъ случаѣ это увеличеніе достигло 33%; напомнимъ, что эти цифры даютъ лишь число мужчинъ.

естественныхъ причинъ, мѣняющихся, конечно, чрезвычайно медленно: отъ смертности вообще и смертности дѣтей въ особенности: затѣмъ тутъ играетъ большую роль возрастъ брачущихся, — но извѣстно, что въ этомъ отношеніи не произошло важныхъ измѣненій въ XVII в. сравнительно съ XVI [1]). Такимъ путемъ мы узнаемъ сначала число жителей, взрослыхъ и дѣтей, мужескаго пола; чтобы опредѣлить общее число жителей нужно полученную цифру умножить еще на два; извѣстно, что вообще число женщинъ близко къ числу мужчинъ, но въ общемъ нѣсколько выше его [2]); поэтому можетъ показаться, что, умножая лишь на два, мы получимъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало; но, не имѣя никакой возможности точнѣе опредѣлить число женщинъ, мы можемъ ограничиться помноженіемъ на два, тѣмъ болѣе, что въ числѣ людей, описанныхъ во дворахъ, мы всегда встрѣчаемъ нѣсколько вдовъ, приблизительно $^0/_0$ 5, 6, такъ, что слѣдовательно, помножать на два будемъ число нѣсколько большее, чѣмъ было въ томъ или другомъ городѣ мужчинъ, и такимъ образомъ нѣсколько парализуемъ возможную неправильность въ опредѣленіи общаго числа жителей города. Конечно, мы никакъ не станемъ утверждать точности нашихъ цифръ въ десятыхъ доляхъ, но увѣрены, что во сколько нибудь крупную неточность, идя такимъ путемъ, мы не впадемъ.

Матеріаломъ для нашего разсчета послужатъ намъ переписныя книги 1677 г. городовъ Бѣлева, Вятки, Зарайска, Кунгура, Переяславля Залѣсскаго, Ростова, Рязани, Устюга и переписныя книги Московской мѣщанской слободы 1684 г. [3]). Въ этихъ доку-

---

[1]) И въ XVI и въ XVII в. одинаково предѣльнымъ возрастомъ, ранѣе котораго нельзя было вѣнчать, считалось 15 л. для жениха и 12 л. для невѣсты; но дѣвицъ считалось необходимымъ выдавать замужъ пятнадцати лѣтъ— Д. А. И., I, № 52, XXVI, XXXV, XXXVI, 1555; по указу 1607 г. если кто держалъ рабу до 17 л. въ дѣвицахъ, вдову послѣ мужа больше двухъ лѣтъ, парня холостаго до 20 лѣтъ и не женилъ и не давалъ воли, то такимъ должны были давать отпускныя грамоты административныя власти—см. *Соловьевъ*, т. VIII, изд. 3, 297.

[2]) Этотъ выводъ провѣренъ въ нѣмецкой ученой литературѣ относительно нѣсколькихъ городовъ въ средніе вѣка, и цифры получились близкія къ теперешнимъ, но нѣсколько выше ихъ,—см. *Bücher*, Zur mittelalterlichen Bevölkerungstatistik—въ Zeitschrift für die gesamm. Staatsw., b. 37, 1881, 571—576; о томъ же у *Prof. Paasche*, Die Städtische Bevölkerung früherer Jahrhunderte—въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1882. Neue folge, V b., 348.

[3]) Мы не воспользовались для своего разсчета данными описи городовъ, вѣдаемыхъ въ Разрядѣ (Д. А. И., IX, № 106), и данными о городахъ, напе-

ментахъ перечислены всѣ мужчины, причемъ лѣта старшихъ представителей семей никогда не отмѣчаются [1]), а лѣта другихъ показываются, но не всегда одинаково: лѣта дѣтей до четырнадцати лѣтъ включительно всюду отмѣчены, а далѣе въ однихъ показаны лѣта всѣхъ неженатыхъ, въ другихъ—лишь до 15 лѣтъ включительно, въ третьихъ наконецъ—вообще лѣта выше четырнадцати не отмѣчены. Такое описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что съ 15 лѣтъ позволялось уже и жениться и съ 15-лѣтнихъ уже начинали брать подати [2]). Изъ всѣхъ вышепоименованныхъ книгъ мы подведемъ два итога: одинъ—въ который войдутъ всѣ люди безъ обозначенія лѣтъ и обозначенные 15-лѣтними, другой—въ который войдутъ дѣти, начиная съ четырнадцати лѣтъ и ниже; получимъ въ первомъ итогѣ, т. е. взрослыхъ—8,468 чел., во второмъ, т. е. дѣтей—5,368 [3]); а отсюда выхо-

---

чатанными въ приложеніяхъ къ XIII т. Исторіи Соловьева, потому, что данныя эти недостаточно для нашей цѣли опредѣленны: не только не обозначенъ точно возрастъ дѣтей и даже не указано, какой возрастъ сосчитанъ тутъ гранью между взрослыми и дѣтьми, но часто даже вмѣстѣ указаны всѣ люди, жившіе при другихъ, не въ своихъ собственныхъ дворахъ, такъ что тутъ, слѣдовательно, возможно предполагать не только взрослыхъ братьевъ, и зятей, но даже и тестей; эти данныя, драгоцѣнныя для опредѣленія средней цифры людей на дворъ въ XVII в., для нашего разсчета не даютъ ничего.

[1]) Кромѣ двухъ, кажется, случаевъ въ описаніи Московской мѣщанской слободы, когда своимъ дворомъ живетъ 15-тилѣтній и когда описывается дворъ малолѣтнихъ сиротъ.

[2]) Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Соловецкаго монастыря Сумской волости—А. А. Э., I., № 269, 1564—постановляется сбирать съ дѣтей и племянниковъ, поспѣвшихъ промышлять звѣря, птицу, рыбу или хоть ягоды и грибы «противъ казаковъ, кто чего стоитъ;... а кому меньше 15-ти лѣтъ, и тѣ бы старостѣ не давали ничего».

[3]) Вотъ подробности:

	Выше 14 лѣтъ, (взрослые)	14-ти л. и ниже. (дѣти)	На 1000 человѣкъ взрослыхъ приходится дѣтей.
Въ Устюжнѣ	2439	1124	461
» Вяткѣ	1177	1078	916
» Ростовѣ	1062	510	489
» Москов. слободѣ	908	531	585
» Переясл. Зал.	735	528	718
» Зарайскѣ.	664	338	500
» Рязани.	653	582	889
» Бѣлевѣ.	540	461	853
» Кунгурѣ	290	216	744
Всего . . .	8468	5368	

дитъ, что на 1,000 человѣкъ взрослыхъ приходилось 633 чел. дѣтей. Что цифры, полученныя нами при этомъ счисленіи, близко выражаютъ нормальныя отношенія, мы убѣждаемся изъ слѣдующаго: существуютъ переписныя книги 1646 г. городовъ Зарайска и Вятки, въ которыхъ указанъ возрастъ дѣтей лишь отъ 10 лѣтъ и ниже, старшіе же сосчитаны вмѣстѣ съ остальными взрослыми; всего тутъ взрослыхъ 2,391 чел., а дѣтей—1,092 чел.,—т. е. на 1,000 мужчинъ съ 11 лѣтъ включительно, и выше, приходится дѣтей мужескаго пола 10-ти лѣтъ и ниже 457 чел.; если же мы теперь произведемъ такой разсчетъ для вышепоименованныхъ восьми городовъ и слободы по книгамъ 1677 и 1684 гг., то получимъ дѣтей десяти лѣтъ и ниже—4,362 чел., а старше этого возраста—9,474 чел., т. е. на 1,000 чел. мужескаго пола старше 10 лѣтъ—дѣтей мужескаго же пола десяти лѣтъ и ниже получимъ 463 чел.; такимъ образомъ получились числа, различающіяся одно отъ другого меньше, чѣмъ на $1^1/_2$ %.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ достаточною степенью точности принимать, что на 1,000 взрослыхъ мужчинъ (считая отъ 15 л. и выше) приходилось дѣтей мужескаго пола 633 чел.; слѣдовательно, для опредѣленія всего числа жителей мужескаго пола какого-нибудь города нужно число взрослыхъ мужчинъ его умножить на 1+0,633, а затѣмъ, полученное число нужно увеличить вдвое, и тогда получится общее число всѣхъ жителей извѣстнаго города; т. е., мы принимаемъ, что на 1,000 взрослыхъ мужчинъ приходилось еще 633 чел. дѣтей мужескаго пола и 1633 женщинъ, взрослыхъ и дѣвочекъ; такимъ образомъ, слѣдовательно, въ городѣ съ 1,000 взрослыми мужчинами общее число жителей нужно считать не менѣе 3,266 чел.; иначе говоря, для опредѣленія общаго числа жителей города нужно цыфру взрослыхъ мужчинъ умножить на 3,266. Нужно только непремѣнно помнить, что помножать на этотъ множитель нужно не число дворовъ, а число указанныхъ въ городѣ мужчинъ; поэтому, естественно, число людей на дворъ въ разныхъ городахъ можетъ и довольно значительно различаться: оно, конечно, будетъ гораздо больше въ Устюжнѣ и Торопцѣ, гдѣ на 100 дворовъ приходится 150—180 взрослыхъ мужчинъ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ на 100 дворовъ приходится взрослыхъ мужчинъ 120—130.

Повторяемъ въ заключеніе, что и сами считаемъ свой разсчетъ только приблизительнымъ; мы и изложили его подробно именно для

того, чтобы дать всякому возможность судить, на сколько можно на него полагаться; но установить хотя приблизительно среднюю цифру людей на дворъ намъ казалось совершенно необходимымъ для нашей задачи—разсмотрѣть положеніе города главнымъ образомъ какъ культурнаго центра, какъ фактора общественной жизни.

ГЛАВА I.

Пригороды Новгородской области.

Наше изученіе городовъ XVI в. мы начнемъ съ группы исторически старѣйшей и намъ извѣстной по наиболѣе раннему описанію—именно съ пригородовъ новгородскихъ.

Основными источниками послужатъ намъ тутъ описанія городовъ Корелы, Орѣшка, Копорья, Ямы, Ладоги и Ивана въ переписныхъ окладныхъ книгахъ 1495—1500 г. [1]), разрядный и разметный списокъ по Новгородской области 1545—1546 гг. [2]), сотная перепись Каргополя 1561—1564 гг. [3]) и описанія городовъ Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г., заключающіяся въ «Новгородскаго уѣзда Вотскія пятины книгѣ разныхъ погостовъ помѣщиковымъ дворомъ и крестьянамъ по именамъ» [4]). Всѣ эти источники отличаются отъ другихъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ нѣсколько особымъ характеромъ и свѣдѣнія сообщаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неполныя. Переписныя книги этихъ городовъ даютъ перечень людей, и обыкновенно съ раздѣленіемъ ихъ на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, и затѣмъ—общее количество платимаго ими оброка, безъ всякихъ указаній о распредѣленіи его не только между отдѣльными плательщиками, но даже между раз-

---

[1]) Описаніе Орѣшка и Корелы напечатаны Бѣляевымъ въ XI и XII книжкахъ Временника, (XI, 111—115, XII, 1—7), Копорья, Ямы и Ладоги—въ III т. Новгородскихъ Писцовыхъ книгъ, изд. Арх. Комиссіей, 494, 879—886, 957—960, и Ивана—тамъ же, т. IV, 227—232.

[2]) А. А. Э., I, № 205, 1545—1546.

[3]) Олонецкія губ. вѣдомости, 1854, №№ 23—31.

[4]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., № 7 стараго каталога (временно находятся въ С.-Петербургѣ, въ Археографической Комиссіи), лл. 206—242, 290—321 и 454—516.

рядами лучшихъ, середнихъ и молодчихъ людей; оброчныхъ же статей города—лавокъ, ивъ и поженъ, онѣ не описываютъ вовсе, хотя полнаго отсутствія тѣхъ и другихъ допустить очевидно невозможно; къ тому же, по описанію Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г.—лавки оказываются во всѣхъ этихъ городахъ. Сколько можно судить по тому, что въ этихъ книгахъ находимъ людей самыхъ различныхъ классовъ, а также по сравненію ихъ итоговъ съ итогами разряднаго и разметнаго списка, въ этихъ книгахъ дано перечисленіе всѣхъ жителей того или другого города. Слѣдовательно, по переписнымъ книгамъ 1500 г. мы можемъ опредѣлить количество и составъ населенія, затѣмъ ремесленную его дѣятельность; другія же его занятія, а такъ же распредѣленіе между отдѣльными членами оброчныхъ статей и денежныхъ оброковъ остаются намъ неизвѣстными. Разрядный и разметный списокъ—это есть документъ о дѣятельности новгородскихъ дьяковъ по сбору съ Новгородской области людей и денегъ для похода на Казань; въ немъ сначала приведены, по порядку ихъ полученія, всѣ указы и распоряженія изъ Москвы, а далѣе сообщается число дворовъ въ разныхъ городахъ и рядкахъ по прежней ихъ описи и по вновь произведенному письму, причемъ тутъ же и высчитано, сколько именно человѣкъ должно поставить то или другое поселеніе. Такимъ образомъ, изъ этого документа мы узнаемъ лишь цифры дворовъ людей разныхъ разрядовъ, рѣшительно безъ всякихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о населеніи. Но тѣмъ не менѣе документъ этотъ представляетъ большой интересъ, ибо дастъ возможность сравнить положеніе нѣкоторыхъ городовъ въ самомъ началѣ и въ серединѣ XVI в. Описанія Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г. очень близки по содержанію ко всѣмъ другимъ книгамъ—писцовымъ и приправочнымъ XVI в.. сколько-нибудь значительное ихъ отличіе состоитъ въ томъ, что въ нихъ указана всегда мѣра дворовъ и огородовъ; относительно оброка также указана общая сумма его; замѣтимъ еще отсутствіе всякихъ сравненій съ прежнимъ письмомъ. Каргопольская сотная не имѣетъ начала; въ ней имѣемъ перечисленіе людей въ дворахъ, съ указаніемъ ихъ занятій ремеслами, затѣмъ перечисленіе дворовъ, данныхъ на оброкъ и льготу, мѣсть дворовыхъ пустыхъ, никѣмъ на оброкъ невзятыхъ, и перечисленіе пожень каргопольцевъ посадскихъ людей.

Самымъ значительнымъ изъ новгородскихъ пригородовъ въ началѣ XVI в. является Корела, какъ по числу жителей, такъ и по разнообразію ихъ состава. Въ самомъ городѣ находились лишь

дворъ великаго князя и пустой дворъ владычень; все населеніе жило на посадѣ. Главную массу его составляли «рядовые люди и рыболовы», дѣлившіеся каждые на лучшихъ и молодшихъ; повидимому, ихъ всѣхъ можно объединить подъ именемъ городчанъ, ибо въ этой книгѣ, при описаніи своеземцевъ въ ихъ собственныхъ дворахъ и дворниковъ въ дворахъ другихъ своеземцевъ, сказано: «а оброкъ съ городчаны тянутъ же»; въ описаніи другихъ городовъ этой же области найдемъ и прямо такое обозначеніе городскихъ жителей. Всего въ Корелѣ было лучшихъ людей 42 чел. въ 30 дв. (пополамъ люди рядовые и рыболовы) и 181 чел. молодшихъ въ 147 дворахъ, (38 ч. въ 32 дв. рядовые, 123 ч. въ 95 дв. рыболовы и 23 ч. въ 20 дв. «безъ промысла»)—всего слѣдовательно въ 177 дворахъ 223 человѣка; какъ прямо сказано въ книгѣ, въ оброкъ къ этимъ дворамъ приданъ еще находившійся очевидно рядомъ съ городомъ волочекъ Свапскій, купленный великимъ княземъ у Валаамскаго монастыря; въ немъ было 67 чел. въ 55 дворахъ (33 чел. въ 26 дв. рядовыхъ людей и 34 чел. въ 29 дв.—рыбные ловцы). Затѣмъ въ Корелѣ были еще своеземцы,—въ одномъ мѣстѣ ихъ описано 13 человѣкъ, владѣвшихъ 6-ю дворами, въ другомъ—не менѣе 20 человѣкъ [1]), владѣвшихъ 11-ю дворами, въ двухъ изъ которыхъ жили сами владѣльцы, а въ остальныхъ 16 дворниковъ; о первыхъ 13-ти сказано: «а живутъ на городскихъ мѣстѣхъ, на тяглыхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ», а объ остальныхъ: «да на посадѣ жъ дворы своеземцевъ Корельскихъ, а въ нихъ живутъ сами и дворники»... «а дворники съ городчаны въ оброкъ тянутъ»; далѣе находимъ въ Корелѣ еще «дѣтей боярскихъ, служилыхъ людей, москвичъ», имѣвшихъ на посадѣ 3 двора и 1 мѣсто (въ одномъ дворѣ у нихъ дворникъ),— затѣмъ 5 священнослужителей (отъ трехъ церквей) и одного сторожа церковнаго, имѣвшихъ каждый по двору, наконецъ 9 пищальниковъ и 8 воротниковъ, имѣвшихъ вмѣстѣ 9 дворовъ и 4 мѣста дворовыя. Такимъ образомъ, считая все населеніе города, находимъ тяглыхъ людей (считая всѣхъ, кромѣ ратныхъ и духовныхъ и дѣтей боярскихъ)—340 чел., петяглыхъ 23 чел. и служилыхъ дѣтей боярскихъ 5 чел., т. е. всего 368 чел. въ 267 дворахъ. Подробнѣе

[1]) Говоримъ «не менѣе» такого-то числа тогда, когда въ перечисленіяхъ людей встрѣчаемъ указанія «съ дѣтьми», «съ братьею»—мы принимаемъ тутъ возможный minimum—т. е. предполагаемъ по двое дѣтей или братьевъ, хотя, конечно, возможно, что ихъ было и болѣе.

о состояніи каждаго изъ этихъ разрядовъ людей скажемъ ниже, сразу относительно всѣхъ этихъ городовъ [1]).

Слѣдующимъ послѣ Корелы по величинѣ городомъ была Яма. Изъ описанія ея мы узнаемъ, что въ самомъ городѣ былъ дворъ намѣстника, дворъ городчика, въ которомъ и жилъ городчикъ, и 8 осадныхъ дворовъ двадцати трехъ человѣкъ жителей Ямы, имѣвшихъ дворы на посадѣ; въ этихъ дворахъ 8 дворниковъ, о которыхъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній кромѣ именъ собственныхъ и указанія въ одномъ случаѣ ремесла дворника и замѣчанія, что дворникомъ состоитъ братаничъ владѣльца двора—въ другомъ; затѣмъ главную массу жителей составляли своеземцы и люди городскіе, дѣлившіеся на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, изъ которыхъ одни жили на посадѣ, а другіе въ городѣ, причемъ, однако, ихъ дворы не названы осадными. Всего тутъ своеземцевъ было: 59 лучшихъ, имѣвшихъ 30 дворовъ на посадѣ и 2 дв. въ городѣ, 69—середнихъ, имѣвшихъ 47 дв. на посадѣ и 3 дв. въ городѣ, и

---

[1]) У насъ итоги тутъ получились отличные отъ итоговъ книги, хотя ихъ можно, пожалуй, свести; въ итогахъ книги, повидимому, что-то спутано; странно уже и то, что помѣщены они не въ концѣ описанія, а въ серединѣ, такъ что, напр., цифры о Сванскомъ волочкѣ введены въ итогъ прежде, чѣмъ въ описаніи хоть словомъ объ этомъ волочкѣ упомянуто. Въ книгѣ итогъ помѣщенъ (Временникъ, кн. XII, 4) послѣ описанія дворовъ городчанъ и 13-ти своеземцевъ и читается такъ: «и всѣхъ дворовъ въ Корелѣ на посадѣ и внутри города своеземцевыхъ и рядовыхъ людей и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ по старому письму 183, и съ тѣми шестью дворы, что на Балакшинскихъ мѣстѣхъ; а людей въ нихъ своеземцевъ и рядовыхъ и рыболовей 357 чел. и съ Балакшинскими семью поземщики. А великаго князя оброка давали полчетвертанадцата рубля, и съ тою полтиною, что давали съ Балакшинскихъ мѣстъ. А по новому письму въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ и рядовыхъ людей и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ тяглыхъ 188 дворовъ, а людей въ нихъ своеземцевъ и рядовыхъ людей и рыболовей тяглыхъ 232 чел. А великаго князя оброку положено на нихъ полъодиннадцата рубля денегъ. А придалъ имъ въ тотъ оброкъ князь великій волочекъ Сванскій, что купилъ князь великій у Валаамскаго монастыря». По цифрамъ людей подходитъ къ нашему итогу первый, т. е. *не тотъ*, который названъ итогомъ по новому письму: и у насъ будетъ 357 чел. если мы сосчитаемъ всѣхъ, кромѣ духовныхъ; но число дворовъ и тутъ не сходится; итогъ же по новому письму совершенно не соотвѣтствуетъ тексту. Быть можетъ, недоразумѣнія разъяснились бы при изученіи подлинной рукописи: возможно, что тутъ перепутаны листы или что въ рукопись, съ которой документъ изданъ, внесенъ итогъ какого-то другаго письма; но, впрочемъ, мы должны сказать, что неточности и даже явныя ошибки мы еще не разъ встрѣтимъ въ итогахъ писцовыхъ книгъ.

85—молодыхъ, имѣвшихъ 59 дв. на посадѣ и 8 дв. въ городѣ, и городчанъ: 14 лучшихъ, имѣвшихъ 7 дв. на посадѣ и 1 въ городѣ, 28 середнихъ, имѣвшихъ 19 дв. на посадѣ и 2 въ городѣ, и наконецъ—69 городчанъ молодыхъ, имѣвшихъ 50 дв. на посадѣ и 6 въ городѣ; слѣд., всего своеземцевъ тутъ 213 чел., имѣвшихъ 133 дв. на посадѣ и 13 въ городѣ, и городчанъ—111 чел., имѣвшихъ 76 дв. на посадѣ и 9 въ городѣ; всего же съ дворниками 332 чел. въ 239 дв., считая съ осадными Кромѣ этихъ людей, никакихъ другихъ въ книгѣ не упомянуто.

Въ Орѣшкѣ главную массу населенія составляли также своеземцы и городчане, люди лучшіе и молодые; именно, тутъ было городчанъ лучшихъ 20 чел. въ 12 дворахъ, молодыхъ 144 чел. въ 124 дворахъ; своеземцы и тутъ описаны въ двухъ мѣстахъ: первый разъ въ самомъ началѣ книги 25 чел. лучшихъ въ 12 дворахъ (двое изъ нихъ имѣли еще по двору въ городѣ) и затѣмъ 24 чел. своеземцевъ, имѣвшихъ 10 дворовъ на посадѣ и 7 въ городѣ, описаны уже послѣ итога; на ихъ дворахъ жили 18 дворниковъ, о которыхъ сказано: «съ городчаны тянутъ»; точно такъ же «пынѣ приданы въ тотъ же оброкъ въ восемь рублей» еще два поземщика великаго князя (въ 2-хъ дворахъ), и «въ оброкъ и во всѣ потуги тянутъ съ городчаны» еще два человѣка, жившіе въ поземныхъ дворахъ великаго же князя. Большинство этого населенія и большинство дворовъ на посадѣ: въ городѣ изъ этого числа лишь 5 дворовъ шести молодшихъ городчанъ и семь дворовъ, съ семью же дворниками, своеземцевыхъ; затѣмъ внутри же города нетяглыхъ—6 священнослужителей (отъ трехъ церквей) и 1 сторожъ въ семи дворахъ и 6 пищальниковъ и 3 воротника въ 9 дворахъ; внутри же города пустой дворъ намѣстника; затѣмъ еще пустыхъ 5 дв. не менѣе, чѣмъ десяти человѣкъ, и на посадѣ 5 дв. пустыхъ шести человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ изъ Корельскаго города; на посадѣ же еще 4 м. пустыхъ четырехъ человѣкъ и мѣсто, данное помѣщику Ив. Вчеркову съ дѣтьми. Всего, слѣд., въ Орѣшкѣ 245 чел. тяглыхъ въ 174 дв. и 16 нетяглыхъ въ 16 же дворахъ; кромѣ того, еще не менѣе 23 чел. владѣли 10 пустыми дворами и 5 мѣстами [1]).

[1]) И въ описаніи Орѣшка книга даетъ два итога, съ которыми не совсѣмъ сходится нашъ, полученный на основаніи счета дворовъ и людей, поименованныхъ въ текстѣ; странно еще то, что здѣсь ближе подходитъ итогъ по новому письму, тогда какъ въ описаніи Корелы ближе подходилъ къ нашему итогу итогъ стараго письма. Послѣ описанія всѣхъ дворовъ городчанъ

Ладога имѣла въ 1500 г.: нетяглыхъ дворовъ дворъ намѣстника, дворъ тіуна, три двора трехъ поповъ и осадный дворъ своеземца, въ которомъ жили дворникъ съ сыномъ, тянувшіе, однако, въ оброкъ съ городчанами; затѣмъ на посадѣ жили, тутъ безъ дѣленія на своеземцевъ и городчанъ, 14 чел. людей лучшихъ въ 9 дворахъ, 21 чел. середнихъ въ 15 дворахъ и 60 чел. молодшихъ въ 53 дворахъ [1]); далѣе съ обозначеніемъ «молодшіе жъ» перечислено 38 чел., въ 30 дворахъ, поземщиковъ пяти церквей,— въ числѣ ихъ попъ, дьячекъ и сторожъ церковный; всего слѣд. въ Ладогѣ, съ дворниками и священнослужителями — въ 111 дворахъ 138 чел.

Въ Иванѣгородѣ были въ самомъ городѣ 4 двора «купецкіе» («дв. Ив. Дехтеревъ, москвитинъ, дв. Якушъ Напруцкій, москвитинъ же, дв. Андреянко Анцифоровъ бѣлочникъ, дв.. .. (полняло) хлопецъ новгородецъ») и нетяглый дворъ попа; затѣмъ 27 дворниковъ въ 27 же дворахъ и 169 чел. въ 135 дворахъ, описанные подъ такимъ заголовкомъ: «торговые люди и казаки», причемъ при именахъ встрѣчаются лишь указанія ремесла или мѣста происхожденія, и никогда—указанія, кто же именно этотъ человѣкъ—торговый или казакъ; тутъ не видимъ дѣленія не только на своеземцевъ и городчанъ, но даже на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ.

Наконецъ, въ Копорьи находимъ всего: въ самомъ городѣ дв. великаго князя, дв. намѣстничъ, дворъ тіунскій, дв. Бѣлосельскаго пустъ, 4 двора 4 воротниковъ, сторожей городныхъ, и на посадѣ еще 2 двора двухъ воротниковъ, 1 дворъ пищальника и 12 дворовъ двѣнадцати же городскихъ людей, о которыхъ и здѣсь не сказано, лучшіе, середніе или молодшіе они люди.

и части дворовъ своеземцевыхъ читаемъ (Временникъ, XI, 113): «и всѣхъ дворовъ въ Орѣшкѣ по старому внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городскихъ людей тяглыхъ 163, а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 300 безъ 3 человѣкъ. А великаго князя оброку 10 р. давали. А по новому письму дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ тяглыхъ 139 дв., а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 189 чел. тяглыхъ. А великаго князя оброку положено на нихъ 8 рублевъ». Въ той части текста, послѣ которой помѣщенъ итогъ, и по нашему счету описано 189 чел., только въ 138. а не въ 139 дворахъ; но мы для своего итога въ текстѣ считали необходимымъ присоединить и всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ сказано, что они тянутъ съ городчаны.

[1]) И тутъ у насъ различіе съ напечатаннымъ итогомъ (Новг. Писц. книги, III, 960, 1—8), гдѣ значится 108 дворовъ, а людей въ нихъ 137 чел.; но нашъ счетъ сходится съ текстомъ.

И во второй половинѣ XVI в. наиболѣе значительнымъ городомъ была Корела. По описанію 1568 года въ ней было дворовъ нетяглыхъ: дворъ воеводскій, дворъ намѣстничъ, 2 двора доводчиковъ — въ трехъ послѣднихъ три дворника, дворъ пустой тіунскій, м. дв. князя Сем. Путятина, 7 дв. и 2 м. дв. не менѣе какъ за 25-ю чел. земцами, 2 двора и 1 мѣсто трехъ пушкарей и 3 дв. и 1 м. четырехъ воротниковъ; тяглыхъ дворовъ — 407, въ нихъ 581 чел.; тутъ, какъ еще въ Ладогѣ, не указано дѣленія на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ; только въ концѣ описанія города 46 чел. въ 39 дворахъ обозначены молодшими, объ остальныхъ же подобныхъ замѣчаній нѣтъ. Попрежнему при г. Корелѣ описанъ и Свапскій волочекъ, на которомъ было 67 чел. тяглыхъ людей въ 53 дв., всего, слѣд., считая вмѣстѣ и земцевъ, въ Корелѣ и Свапскомъ волочкѣ указано 683 чел. и 482 дв. и мѣстъ. Въ книгахъ 1568 г. при каждомъ дворѣ, за самыми немногими исключеніями, указанъ и огородъ, причемъ даются и измѣренія то отдѣльно двора и огорода, то вмѣстѣ; но мы, поэтому, можемъ считать площади, занятыя дворами и огородами только вмѣстѣ. Всего въ Корелѣ подъ дворами и огородами было немного менѣе 7 дес. и въ Свапскомъ волочкѣ—ровно десятина; затѣмъ кореляне посадскіе люди пахали еще 45 десятинъ и жители волока—11 дес. и косили первые—500 и вторые 150 копенъ сѣна; амбаровъ и щербетей было въ Корелѣ 22, на волочкѣ 4, каждый не менѣе 1 с. съ локтемъ и не болѣе $2^1/_2$ саж.; наконецъ, жители Корелы и волочка промышляли рыбною ловлею и имѣли 6 мельницъ, 3 толчеи. И оброки, кромѣ оброковъ съ земли, мельницъ и рыбныхъ ловель, платили кореляне и жители Свапскаго волочка вмѣстѣ—именно за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ откупу въ государеву казну 160 р. да пошлинъ съ этого оброку 9 р. 25 алт. 2 д., затѣмъ пищальныхъ денегъ 180 р. 5 алт. и прибавки къ нимъ 12 р. 10 а.; таможенныхъ доходовъ сбиралось тутъ ежегодно 191 р. 6 а 4 д.; съ амбаровъ и щербетей платилось тутъ, какъ и въ Орѣшкѣ и Ладогѣ, по описанію 1568 г., посаженно—съ сажени по 10 д.; съ рыбныхъ ловель кореляне платили 98 р. да пошлинъ по 10 д. съ рубля, а жители волочка 28 а.; всего, слѣд., жители Корелы платили не менѣе 660 р. Въ Корелѣ, наконецъ, упомянуто 4 монастыря и церковь, причемъ у двухъ монастырей было по двору, въ одномъ изъ коихъ жили монастырскіе слуги, у двухъ монастырей было 19 четей пашни и 135 копенъ сѣна въ обжи не положенныхъ, 2 мельницы и 2 толчеи безоброчныхъ и толчея и двѣ

мелеи (sic), съ которыхъ шло оброку по 1 р. въ годъ; на землѣ одного монастыря стояли 31 амб., съ которыхъ оброку государю не шло, а монастырь получалъ съ каждаго амбара по 1 алт.

Въ Орѣшкѣ по описанію его въ 1568 г. были нетяглые дворы намѣстничъ, городового прикащика и монастырскій; затѣмъ 2 двора, въ которыхъ жили священникъ съ братомъ и просвирня, 2 двора, въ которыхъ жили два воротника, дворъ и мѣсто двухъ пушкарей и $^1/_2$ двора толмача; тяглыхъ было всего 207 дв.: 173 дв. молодшіе и середніе (описаны вмѣстѣ), въ нихъ 285 человѣкъ, 30 дворовъ добрыхъ, въ нихъ 57 чел., и 4 двора, въ нихъ 4-же священника, безъ обозначенія, какими нужно считать ихъ—добрыми, середними или молодшими, — у одного изъ тяглыхъ былъ еще подсусѣдникъ—всего, слѣдовательно, указано въ Орѣшкѣ 352 чел. и 216 дв. и м. При каждомъ дворѣ указанъ огородъ; здѣсь огороды занимаютъ сравнительно бо́льшія пространства, чѣмъ въ Корелѣ, и всего подъ огородами и дворами черными болѣе 25 дес., пашни зато уже не указано, но указано 60 дес. лугу; размѣры огородовъ очень различны; но въ общемъ огороды людей добрыхъ болѣе чѣмъ въ полтора раза обширнѣе, чѣмъ огороды людей молодшихъ и середнихъ [1]). Амбаровъ и щербетей тутъ 15, оплачивались они такъ же, какъ въ Корелѣ; наконецъ, у жителей было довольно много мѣстъ для рыбной ловли. Оброковъ всего жители Орѣшка платили «государева оброку» 17 р. 9 а. 2 д., да пошлинъ съ него 28 а. 5 д., пищальныхъ денегъ и съ прибавочными—48 р. $7^1/_2$ д., да пошлинъ 8 а., мѣховой пошлины 36 а., и таможенныхъ денегъ сбиралось на государя ежегодно около 65 р.; съ рыбныхъ ловель платилось тутъ ежегодно 12 р. 2 а. всего, слѣд., до 150 р. Въ Орѣшкѣ упомянута лишь одна церковь.

Въ Ладогѣ было всего нетяглыхъ дворовъ: дворъ намѣстника, дворъ зелейный, на которомъ жилъ дворникъ, и дворъ, въ которомъ жилъ священникъ; тяглыхъ дворовъ было тутъ 112, въ нихъ 148 чел.; затѣмъ, на шести дворахъ было еще 6 подсусѣдниковъ, которые въ разсчетъ для итога людей, жившихъ во дворахъ, непринятыи. Огородовъ тутъ опять значительно меньше, чѣмъ въ Орѣшкѣ, именно всего около 6 дес., зато является снова пашня—$39^2/_3$ дес. и 5 дес. сѣнокосу и довольно значительныя рыбныя ловли; амбаровъ и щербетей тутъ 33, затѣмъ

[1]) На дворъ добрый приходится огородной земли въ Орѣшкѣ среднимъ числомъ по 950 кв. с., а на дворъ середній и молодшій—по 580 кв. с.

еще 12 амбаровъ на землѣ монастырской, причемъ посаженная плата 10 денегъ съ сажени шла, повидимому, и съ тѣхъ и съ другихъ, кромѣ того, что съ монастырскихъ шло въ монастырь по 2 алт. съ амбара. Оброковъ съ ладожанъ шло: пищальныхъ денегъ 36 р. 26 а. 5½ д., да пошлинъ 6 а., да «оброку» 3 р. 8 а., «съ двора по 1 алт.», да пошлинъ 5 а. 2½ д., да за намѣстничъ откупъ 25 р., да пошлинъ съ него 1½ р., съ рубля по 2 алт., да за пашню и пожни — 63 алт. 1½ д., да пошлинъ 7 д., да за рыбною ловлю разныхъ сборовъ—54 р. 25 а., всего 120 р. Въ Ладогѣ упомянуто 4 монастыря, у двухъ изъ которыхъ ½ дес. огороду, ½ дес. покосу и небольшой участокъ для рыбной ловли, съ котораго платилось 30 а.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія собственно о количествѣ и составѣ населенія этихъ городовъ, какія заключаются въ извѣстныхъ намъ книгахъ; о Корелѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ въ книгахъ 1500 г. приведены еще сравненія со старымъ письмомъ; итоги эти относительно Корелы и Орѣшка неясны и трудно съ увѣренностью сказать, какъ нужно понимать ихъ; относительно же Ямы и Ладоги видно, что въ обоихъ этихъ городахъ населеніе и число дворовъ увеличилось: въ Ямѣ было прежде дворовъ 201, людей 257, а въ Ладогѣ—дворовъ 84, а людей въ нихъ 174. Мы видимъ такимъ образомъ, что эти города полны жителями — пустыхъ дворовъ и мѣстъ въ нихъ очень немного Замѣчательно, что до самой половины XVI в. колебанія числа жителей каждаго изъ этихъ городовъ очень незначительны; и по переписнымъ книгамъ количество населенія по старому письму не рѣзко отличается отъ количества его по новому и точно также въ Разрядномъ и разметномъ спискѣ указаны въ Ладогѣ 106 дворовъ, а въ ссылкѣ на старое письмо—именно, какъ по книгамъ 1500 г. — 111; въ Ямѣ въ 1545—1546 гг. было тяглыхъ 177 дв., а въ ссылкѣ на старое письмо указано, какъ у насъ, 239 дв.; въ Орѣшкѣ было по разрядному списку 107 дв. живущихъ и 98 пустыхъ, а по старому письму 172 (мы видѣли въ немъ 190 дворовъ); о Корелѣ въ спискѣ 1545—1546 г. нѣтъ цифры, относящейся къ этому времени, а по старому письму общее число дворовъ 279 оказывается очень близкимъ къ найденному нами (267); по книгамъ же 1568 г. мы видимъ даже увеличеніе населенія въ этихъ городахъ. Такое незначительное колебаніе числа жителей въ періодѣ почти полувѣка является одною изъ отличительныхъ чертъ положенія этихъ городовъ сравнительно съ городами другихъ мѣстностей. Замѣчателенъ также одно-

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

образный посадскій характеръ населенія этихъ городовъ: людей, нетянувшихъ съ посадскими, во всѣхъ ихъ очень немного, считая даже съ духовенствомъ и ратными людьми: именно первые составляли около $1^1/_2$, а вторые—$4^1/_2{}^0/_0$ всего числа жителей, такъ что тянувшіе тягло составляли 94% всего городскаго населенія; замѣчательно такъ же ничтожное число въ каждомъ городѣ людей изъ другихъ городовъ: только въ Ивангородѣ встрѣчаемъ среди жителей 4 псковитиновъ и новгородца, да къ числѣ владѣльцевъ купецкихъ дворовъ — двухъ москвитиновъ и новгородца и затѣмъ въ Орѣшкѣ—двухъ изъ Корелы.

О г. Каргополѣ въ началѣ второй половины XVI в. мы узнаемъ немного: у сотной его утрачено, повидимому, около половины: по итогу въ Каргополѣ было тяглыхъ дворовъ 476, а людей въ нихъ 523 чел.—описано же только 297 чел. въ 256 дворахъ, затѣмъ идутъ два двора и три мѣста, данные на льготу четыремъ человѣкамъ, и далѣе—50 м. дв. и 13 дв. пустыхъ, никѣмъ на оброкъ и льготу невзятыхъ; въ заключеніе указаны пожни каргопольцевъ посадскихъ людей; находимъ еще нѣсколько данныхъ объ оброкахъ съ жителей, которыя и разсмотримъ ниже; относительно же населенія можемъ только замѣтить, что и здѣсь пустоты, сравнительно съ живущимъ, очень немного; мы видѣли это-же явленіе и относительно другихъ новгородскихъ пригородовъ въ теченіе всей первой половины XVI в., далѣе увидимъ то же и въ псковскихъ пригородахъ при ихъ обычномъ положеніи; это есть тоже, какъ увидимъ, одинъ изъ существеннѣйшихъ отличительныхъ признаковъ городовъ сѣверозападной части Московскаго государства въ XVI в.

Въ описаніи Корелы, Ямы и Орѣшка въ книгахъ 1500 г. мы видѣли дѣленіе жителей на городчанъ и своеземцевъ; въ книгахъ тѣхъ же городовъ 1568 г. уже нѣтъ особыхъ итоговъ земцевъ, а только при описаніи того или другого отдѣльнаго двора отмѣчается, что въ немъ живетъ земецъ; но тождество терминовъ «земецъ» и «своеземецъ» не можетъ подлежать сомнѣнію: въ Корелѣ, напр., по описанію 1568 г. являются земцами люди съ тѣми же самыми фамиліями, съ какими въ книгѣ 1500 были люди, названные своеземцами [1]). Книги того и другого города не выдѣляютъ ничѣмъ рѣшительно земцевъ отъ городчанъ: и тѣ и другіе называются вообще черными тяглыми людьми, дворы тѣхъ и другихъ входятъ въ итогъ черныхъ тяглыхъ дворовъ, тѣ и другіе дѣлятся на луч-

[1]) То земцами, то своеземцами находимъ нѣсколькихъ Ракульскихъ.

шихъ, середнихъ и молодшихъ, какъ дѣлились только тяглые люди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ по книгамъ 1568 г. очевидно, что земцы— не просто только черные тяглые люди: земцы бывали городовыми прикащиками, они имѣли чаще нетяглые дворы съ дворниками, они, наконецъ, выдѣлены ясно отъ крестьянъ, когда сказано въ описаніи рыбныхъ ловель корелянъ, что ловли эти «за Корелины за посадскими людьми, за старостою (...и т. д.) и за всѣми посадскими людьми Корельскаго городка, да Корельскаго-жъ городка за игумены...., да Корельскаго-жъ присуда Воскресенскаго погоста за кн. Сем. Путятинымъ, да за Третьякомъ Петровымъ Рокульскимъ и всего Воскресенскаго погоста *за дѣтьми боярскими и за земцы и за ихъ крестьяны...*» и т. д. [1]). На основаніи этихъ данныхъ и припоминая еще и грамоты въ Новгородъ, въ которыхъ приказывается земцевъ и помѣщиковъ извѣстить, что они должны явиться на ратную службу [2]), мы думаемъ, что земцы были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тотъ же фактъ, что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тѣмъ, что, поселившись почему-либо въ городѣ, на общинной городской землѣ, они принимали участіе и во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ. Мы сейчасъ скажемъ еще о нѣкоторыхъ совершенно аналогичныхъ фактахъ именно въ этихъ же городахъ, а пока замѣтимъ только, что нигдѣ въ другихъ городахъ, кромѣ изучаемыхъ нами теперь городовъ сѣверо-западной части тогдашняго Московскаго государства, мы не видимъ участія дѣтей боярскихъ въ общинномъ тяглѣ; повсюду люди служилые, получая въ свое владѣніе участки общинной земли, немедленно же обѣляютъ ихъ. Мы имѣемъ относительно этихъ земцевъ вообще очень мало свѣдѣній, и изслѣдователи не сходятся въ опредѣленіи, кто такіе они были; но несомнѣненъ фактъ, что къ концу вѣка они исчезли— и по нашимъ книгамъ въ 1500 г. ихъ видимъ болѣе, чѣмъ въ 1568 г. [3]).

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7, л. 507.

[2]) Д. А. И., I, № 65, 1555.

[3]) *Соколовскій* (Очеркъ экономич. быта, 4) говоритъ: «На сѣверозападѣ, въ областяхъ Новгорода и Пскова, былъ еще классъ мелкихъ собственниковъ земли—своеземцевъ. Одни изъ нихъ обработывали свои участки сами, иногда съ помощью наемныхъ работниковъ – захребетниковъ и подворниковъ,— другіе сдавали ее крестьянамъ изъ извѣстной доли продукта на одинаковыхъ

Затѣмъ, очень интереснымъ является тотъ фактъ, что жители городовъ Новгородской области, и своземцы, и городчане, люди тяглые, частью сами обработываютъ землю, частью владѣютъ въ уѣздахъ населенными землями и получаютъ съ живущихъ на нихъ крестьянъ оброкъ [1]). Мы, однако, по плану и размѣрамъ своей работы, не можемъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, такъ

условіяхъ съ остальными землевладѣльцами: вообще этотъ классъ занималъ середину между крестьянами и землевладѣльцами. Въ продолженіе XVI в. онъ постепенно исчезаетъ.» *Блюменфельдъ* (О формахъ землевладѣнія, 143) говоритъ: «въ Новгородской землѣ въ концѣ XV и въ XVI в. удерживался еще немногочисленный классъ крестьянъ собственниковъ, такъ называвшихся «своеземцевъ». Такіе вотчинники или сами обработывали свои участки, или принимали на свои земли крестьянъ, составляя переходный типъ къ помѣстному классу». *Владимірскій-Будановъ* говоритъ о нихъ такъ: («Обзоръ исторіи русскаго права», вып. I, изд. 1886 г., 109—110): «лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сельскій тяглый человѣкъ могъ достигать такой имущественной состоятельности, что не нуждался въ занятіи ни общиннаго участка, ни участка въ землѣ частновладѣльческой, а владѣлъ какъ собственникъ землею на частномъ (тягломъ, а не служиломъ) правѣ. Это такъ называемые *своеземцы*, замѣчаемые въ прежнихъ владѣніяхъ В. Новгорода (на сѣверѣ Россіи). Обыкновенно такія земли составляли результатъ первоначальной расчистки и владѣльцы ихъ были колонизаторами дикихъ и пустыхъ мѣстъ, невходившихъ ни въ какую волость и ни въ чью вотчину... этотъ видъ тяглой собственности, уцѣлѣвшій только на сѣверѣ, въ остальныхъ мѣстахъ исчезъ безслѣдно; своеземецъ, подавленный тяжестью налоговъ, продавалъ свой участокъ служилому владѣльцу или бросалъ его въ пользу общины. Уцѣлѣло только оброчное владѣніе частными лицами изъ крестьянъ.» Но *Соловьевъ* правильно считаетъ земцевъ мѣстными помѣщиками: «въ Новгородской области, говоритъ онъ (VII, 19—20), сохранилось еще различіе между земцами и выводными изъ низовыхъ областей служилыми людьми»...; въ Д. А. И. I, № 65, 1555, читаемъ «писали есмя къ вамъ напередъ сего, да и грамоты во всѣ пятины къ Новгороду помѣщикомъ и земцемъ къ вамъ послали, а велѣли вамъ тѣ грамоты къ нимъ разослати, да и отъ себя вамъ велѣли есмя къ нимъ грамоты послати, чтобъ они и съ людьми, и съ коньми, и съ доспѣхомъ на нашу службу были готовы. И вы бъ нынѣ во всѣ пятины ко всѣмъ Новгородцкимъ помѣщикомъ и къ земцомъ, по нашему слову, грамоты разослали часа того», и т. д.; въ А. И., I, № 140, 1539, въ отрывкѣ розыскного дѣла о побѣгѣ Фрязина упоминаются «два сына боярскіе земцы» въ Новгородской области. Но въ вопросѣ объ этихъ земцахъ такъ и остается много еще неяснаго; не указаны ихъ юридическія отличія отъ прочихъ дѣтей боярскихъ, совершенно не опредѣлено ихъ число, число у нихъ крестьянъ и повинности крестьянъ по отношенію къ нимъ, равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія исчезновеніе этого класса или превращеніе его въ другой.

[1]) Напр., въ описаніи г. Ямы, въ числѣ дворовъ людей городскихъ середнихъ, читаемъ: «дв. вдова Анна Гридинская жена»—а послѣ описанія города, подъ заголовкомъ: «въ Ямскомъ же уѣздѣ, въ Окологородьѣ, сельца и

какъ это заставило бы насъ привлечь къ изслѣдованію массу новаго матеріала—мы должны были бы тщательнѣйшимъ образомъ изучить всѣ новгородскія писцовыя книги, ибо имѣя хотя бы одинъ случай, что житель одного города имѣетъ землю въ уѣздѣ другого, мы должны допустить возможность и другихъ подобныхъ случаевъ [1]) и, слѣдовательно, для полнаго рѣшенія этого вопроса намъ пришлось бы изучить всѣ писцовыя книги новгородскія, что далеко выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія. Поэтому здѣсь мы только указываемъ этотъ фактъ и отмѣчаемъ еще, что землями въ уѣздѣ владѣли и своеземцы, и городчане [2]), такъ что въ этомъ отношеніи между ними было, повидимому, развѣ только количественное, но не качественное различіе; количественное же различіе находимъ между ними и въ томъ, что въ Ямѣ изъ 38 ремесленниковъ только трое, а въ Орѣшкѣ (по письму 1568 г.)—

деревни городскихъ людей и (?) Ямлянъ» читаемъ: «Захара да Демида Яковлихъ дѣтей съ братьею, да Ив. Кузмина да *Анны Гридины жены* деревня Клинъ Кряково... 6 дворовъ, а въ нихъ 6 человѣкъ, сѣютъ ржи 16 коробей, а сѣна косятъ 70 копенъ, 4 обжи, соха съ третью; а доходу Ямлянамъ четверть изъ хлѣба»—Новг. Писц. книги III, 881, 35 и 886—887; точно также одинаковыя имена въ числѣ людей лучшихъ или середнихъ и владѣльцевъ земли, получавшихъ съ крестьянъ оброкъ, напр. 879, 38 и 889, 28; 881, 15 и 887, 4 и др. Во Временникѣ (XI, 104) читаемъ, напр.: «въ Михайловскомъ же погостѣ деревни своеземцевы. Кондрата Захарова да его братаничевъ Гриди да Ивашка Ивашковыхъ. Въ вел. князя въ дер. въ оброчной въ Волкинѣ въ Палкинской Мѣдяева; на своеземцевыхъ жеребьяхъ въ двѹ дворахъ сами живутъ своеземцы; сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ; 3 обжи соха». «На сѣверѣ еще удержался порядокъ (и въ XVII в), по которому посадскіе люди могли владѣть вотчинами»—*Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, 143.

[1]) Напр. въ описаніи Каргалскаго погоста въ Капорьскомъ уѣздѣ, читаемъ: «отдана *Иваногородцамъ* Якушу Ильину да его дѣтямъ Палкѣ да Онтонцу Лукинскимъ людемъ Ѳедорова» (Новг. Писц. кн. III, 495, 28—30)—и дѣйствительно Палка Яхновъ встрѣчается въ описаніи Ивангорода; тамъ же, 6, строки 25—33, т. е. въ книгѣ Вотской пятины, читаемъ: «Въ Кречневскомъ же погостѣ деревни своеземцевы. Онтоманка да Степанка, Микулиныхъ дѣтей Юшкова: Д. на ручью на Горньцѣ: дв. Давыдко Тимохинъ, с. его Якушъ, сѣетъ ржи 5½ коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, обжа, треть сохи; а дохода своеземцамъ деньга, поклону пятокъ льну, а изъ хлѣба половье; а сами живутъ въ Шелонской пятинѣ.

[2]) Такъ что Соловьевъ былъ неправъ, сказавши (VII, 396): «въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; землевладѣльцами были государство, церковь, служилые люди—отчинники»—ибо нѣкоторые изъ этихъ землевладѣльцевъ были земледѣльцами.

только одинъ изъ своеземцевъ, всѣ же остальные—городчане; наконецъ, въ книгѣ г. Корелы подъ заголовкомъ «мѣста своеземцевъ» находимъ мѣсто человѣка, описаннаго ранѣе въ числѣ лучшихъ рядовыхъ людей [1]), и это даетъ основаніе думать что между двумя этими разрядами по крайней мѣрѣ по ихъ отношенію къ городу рѣзкаго различія не было. Особенностью городовъ изучаемой теперь нами области является значительное количество дворовъ, въ которыхъ указано не по одному человѣку, а по нѣскольку; что это не всегда родственники, поименованные лишь потому, что документъ нашъ есть книга переписная, т. е. что это не есть особенность книги, а особенность городовъ изучаемой области, доказывается частью отчествами и фамиліями, главнымъ же образомъ тѣмъ, что постоянно приходится людей всего болѣе на дворъ лучшій, менѣе на дворъ середній и всего менѣе на дворъ молодшій, причемъ цифры разныхъ городовъ сходятся очень близко. Именно, по писму 1500 г., на 100 дворовъ добрыхъ приходится въ Ямѣ 182 ч., въ Ладогѣ—155, въ Орѣшкѣ 153, въ Корелѣ 140; на 100 дворовъ середнихъ—въ Ямѣ 136 ч., въ Ладогѣ—140, и на 100 дворовъ молодчихъ—въ Ямѣ 128, въ Корелѣ 123, Орѣшкѣ 120 и Ладогѣ 113 ч.; на 100 дворовъ поземщиковъ въ Ладогѣ приходится 128 ч.; въ Ивангородѣ, гдѣ раздѣленія на лучшіе, середніе и молодые не указано, приходится на 100 дворовъ 125 чел.; мы думаемъ, что здѣсь, въ Ивангородѣ, были все люди молодые—они названы «люди торговые и казаки», а на сѣверѣ слово «казакъ», обозначая наемнаго рабочаго, приближалось по значенію къ слову бобыль [2]). По писму же 1568 г. въ Орѣшкѣ на 100 дв. лучшихъ приходилось 190 чел., а на 100 дворовъ молодшихъ и середнихъ (вмѣстѣ)—158 чел. Въ описаніи Ивангорода все его населеніе обозначено словомъ «люди торговые»; но невѣроятно предположеніе, чтобы всѣ они торговали: по нашему мнѣнію, мы и здѣсь видимъ терминъ «люди торговые» для обозначенія вообще людей низшаго сословія, въ противополож-

---

[1]) Дворъ и мѣсто Карпа Искры—Временникъ, XII, матеріалы, 6—7.

[2]) *Соловьевъ*, VII, 53: «кромѣ названія «наймитъ» для обозначенія вольнонаемнаго работника, въ томъ же смыслѣ продолжаемъ встрѣчать слово «казакъ», преимущественно, когда дѣло идетъ о промышленности неземледѣльческой»; въ уставной грамотѣ Сумской волости крестьянамъ Соловецкаго монастыря 1564 г. (А. А. Э., I., № 269) читаемъ: «а у которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будутъ поспѣли промышляти звѣрь, и птицу, и рыбу ловити, и ягоды, и грибы брати и вы бъ на тѣхъ клали противъ казаковъ, по разсужденію, кто чего достоинъ».

ность людямъ высшаго сословія, служилымъ; примѣры этого увидимъ еще болѣе ясные ниже. Относительно дѣленія на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ можемъ отмѣтить, что о какомъ-либо различіи въ экономическомъ положеніи людей лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, хотя бы даже о различіи оброка, мы не находимъ никакихъ указаній; въ одномъ случаѣ видимъ, что названы записанными въ середнихъ двое, въ самомъ текстѣ занесенные въ число молодыхъ [1]); вѣроятнѣе всего, тутъ какая-нибудь ошибка или описка книги; но нельзя считать совершенно невозможнымъ предположеніе, что это дѣленіе значило такъ мало, что было можно одного и того же человѣка въ одномъ случаѣ счесть середнимъ, въ другомъ—молодымъ. И дальше мы будемъ еще имѣть нѣсколько разъ случай указать, что иногда человѣкъ молодшій платилъ болѣе, чѣмъ иной середній и даже добрый; а это служитъ доказательствомъ, что не на денежныхъ податяхъ, платимыхъ разными людьми, основывалось ихъ дѣленіе на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, а конечно на тяглѣ, какое тянулъ тотъ или другой, на различіи въ количествѣ исполняемыхъ тѣмъ или другимъ натуральныхъ повинностей; и мы видѣли уже выше, что въ Орѣшкѣ (по письму 1568 г.) огородной земли напр., приходилось на дворъ лучшій значительно болѣе, чѣмъ на дворъ молодшій. Тогда является вполнѣ естественнымъ и указанное нами выше явленіе, что на дворъ добрый приходилось людей всего болѣе, а на дворъ молодшій—всего менѣе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ въ одномъ дворѣ по нѣсколько человѣкъ, не должно одного изъ нихъ считать за хозяина двора, а другихъ за сусѣдей, подсусѣдниковъ или вообще зависимыхъ людей, а нужно считать ихъ всѣхъ за полноправныхъ и равныхъ людей, отчасти уже по одному тому, что часто такими совмѣстными владѣльцами дворовъ являются отцы съ дѣтьми или братья съ братьями, особенно же потому, что встрѣчаемъ другое, особое выраженіе, обозначающее людей, находящихся въ нѣсколько особенномъ положеніи относительно хозяина двора—это или «захребетникъ», или «подсусѣдникъ», или «въ дворѣ у такого-то такой-то»; но, какъ и въ небольшихъ псковскихъ пригородахъ, и здѣсь такихъ зависимыхъ людей мы встрѣчаемъ немного—по письму 1500 г. только два—три раза, по письму же 1568 — болѣе, но тоже всего человѣкъ 10; интересно при этомъ, что тутъ подсусѣдники не сосчитаны въ общемъ итогѣ черныхъ людей, тогда какъ далѣе уви-

[1]) Новг. Писц. Кн., III, 881—14 и 882,4.

димъ, что и ихъ считали иногда; мы далѣе скажемъ подробнѣе о положеніи ихъ; теперь же только упомянемъ, что въ числѣ подсусѣдниковъ былъ одинъ дьяконъ [1]). Въ этихъ городахъ мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о «концахъ», но, повидимому, въ смыслѣ чисто топографическомъ, ибо они постоянно называются по именамъ церквей и рѣшительно ничто не указываетъ на какое либо административное ихъ значеніе; подобныя же упоминанія о концахъ встрѣчаемъ еще напр., въ Устюжнѣ, въ Тулѣ, не говоря уже о Псковѣ; только разъ, въ Ладогѣ, отмѣченъ староста и то безъ указаній на его отношенія къ какому-либо концу; еще въ Орѣшкѣ указанъ разъ подвойскій [2]).

Какъ мы уже видѣли выше, главную массу населенія этихъ городовъ составляли люди тяглые; вмѣстѣ со всѣми прочими тяглыми записаны въ черныхъ дворахъ въ Орѣшкѣ, Ладогѣ и Корелѣ, по письму 1568 г. 18 чел. священно- и церковнослужителей и 7 чел. пушкарей въ 24 дворахъ; такъ же 3 разсыльщика (въ Орѣшкѣ) и биричъ (въ Ладогѣ) въ 4-хъ дворахъ; затѣмъ въ Корелѣ половина двора тяглаго десятильника; всѣ они несли тягло и платили оброкъ: объ тяглѣ читаемъ, когда говорится, что поземщики и дворники «съ городчаны въ оброкъ и во всѣ потуги тянутъ» [3]), о тяглѣ мы и имѣемъ только такія упоминанія, а о размѣрахъ и видахъ его изъ книгъ 1500 г. не узнаемъ ничего, въ книгѣ же 1568 г. имѣемъ упоминанія о видахъ повинностей недостаточно ясныя; что же касается оброка, то хотя точно указаны его цифры, но все-таки и относительно его наши свѣдѣнія недостаточно подробны и точны. Уже одно то обстоятельство, что иногда денежный оброкъ указывается непосредственно за итогомъ, помѣщеннымъ посреди описанія города, причемъ за нимъ слѣдуетъ еще перечисленіе дворниковъ, или поземщиковъ, или рядовичей, о которыхъ замѣчено, что они «съ городчаны тянутъ же», лишаетъ насъ возможности сказать съ полною увѣренностью—указанный оброкъ платятъ

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7, л. 301.

[2]) См., напр., Писцовыя книги Московскаго государства, изд. подъ редакціей Калачева, II, 1087; Новг. писц. книги, III, 957, 21; Временникъ, XI, матеріалы, 113. «Города въ древней Руси вообще дѣлились на большія части или кварталы, называвшіяся концами»—*Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 87; онъ признаетъ, что даже во Псковѣ устройство кончанскаго управленія неясно—тамъ же, 158.

[3]) Временникъ, XI, 113.

ли всѣ жители города или только тѣ, которые описаны до упоминанія объ оброкѣ. Сомнѣнія не разрѣшаетъ и сравненіе размѣровъ оброка, приходящагося въ разныхъ городахъ со двора или съ человѣка, ибо мы придемъ тутъ къ одному выводу, что платили очень неравномѣрно,—будемъ ли мы разсчитывать оброкъ на всѣхъ жителей города или только на тѣхъ, которые описаны до указанія его. Такъ, по первому разсчету придется съ человѣка въ Корелѣ 6,2 деньги, по второму—9,8; въ Орѣшкѣ по первому 7, по второму 9,1; тутъ еще цифры сходятся близко; но ни къ той, ни къ другой не подходятъ цифры, 3,9 и 2,4 деньги, получаемыя нами изъ книгъ Ямы и Ладоги, гдѣ къ тому же оброкъ указанъ лишь по разу, уже послѣ описанія всего города; если мы станемъ дѣлать разсчетъ оброка не по людямъ, а по дворамъ, то найдемъ для Корелы и Орѣшка по 12 д., для Ладоги 3 и для Ямы—5,4.: видимъ, что въ Ямѣ и Ладогѣ оброкъ сравнительно съ прежнимъ уменьшенъ,—именно, въ Ямѣ прежде приходилось съ человѣка по 6,6 ден., а со двора—8,6; въ Ладогѣ же—съ человѣка 4,3, а со двора по 9 денегъ; въ Корелѣ же и Орѣшкѣ прежде приходилось съ человѣка по 8,1 и 7,3 д.; но мы не можемъ съ увѣренностью сказать, уменьшился или увеличился тутъ оброкъ, ибо не знаемъ, съ цифрою оброка по какому разсчету нужно эту цифру сравнивать, а видя такое значительное различіе оброка въ Корелѣ и Орѣшкѣ съ одной стороны, и въ Ладогѣ и Ямѣ съ другой, мы не рѣшаемся отъ уменьшенія оброка въ двухъ послѣднихъ городахъ заключить, что онъ уменьшился и въ двухъ первыхъ; но къ концу вѣка оброкъ во всякомъ случаѣ возросъ, хотя тогда онъ замѣнилъ, какъ извѣстно, кормы; достигъ онъ, однако, въ Орѣшкѣ среднимъ числомъ 50 д. съ человѣка, а въ Корелѣ даже превысилъ 100 д. и очень приблизился къ оброку съ каргопольскихъ посадскихъ людей. Объ оброкѣ въ 1560 годахъ въ каргопольской сотной читаемъ: «всего въ Каргополѣ тяглыхъ дворовъ 476, а людей въ нихъ 523 чел., а давати имъ оброка за намѣсничій откупъ 240 рублевъ, да пошлинъ 14 р. 13 а. 2 д., съ рубля по 2 алт. И всего оброку и пошлинъ 254 р. 13 а. 2 д.; а верстатись имъ тѣмъ оброкомъ межъ себя по своимъ животомъ и по промысломъ». Сотная оканчивается описаніемъ пожень посадскихъ людей, на которыхъ всего 533 копны сѣна; оброку съ нихъ «2 р. 22 а. 1 д., съ копны по деньгѣ»,—отсюда видимъ, что тутъ уже деньги считаются на московскій рубль, въ 200 д., или десять гривенъ, а не на новгородскій рубль, заключавшій въ себѣ 216 денегъ, какимъ производится

разсчетъ въ переписной окладной книгѣ [1]); слѣдовательно, въ Каргополѣ оброку приходилось въ серединѣ XVI в. со двора среднимъ счетомъ по 100 денегъ (100,8), а съ человѣка—по 90 денегъ (91,7), кромѣ того, что еще нѣкоторые люди платили отдѣльно за сѣнокосы, какъ прямо указано, а можетъ быть и еще другіе какіе-нибудь поборы.

Всѣ жители этихъ городовъ перечисляются всегда такъ: «во дв. такой-то» или «дворъ такой-то» (имя живущаго въ именительномъ падежѣ); «дворъ такого-то» говорится только о тѣхъ дворахъ своеземцевъ, въ которыхъ живутъ дворники и еще такъ же описываются всегда дворы государевы, намѣстничьи, владычни и тіунскіе; ниже мы скажемъ, что обозначаютъ, по нашему мнѣнію, та и другая формула. Встрѣчаемъ случаи, что какой-нибудь человѣкъ живетъ дворомъ на землѣ, ему не принадлежащей, причемъ замѣчается слѣдующее: если такой фактъ встрѣчается въ описаніи самаго города, то читаемъ лишь замѣчаніе: «а мѣсто подъ нимъ (дворомъ, потому что такъ же говорится и тогда, когда во дворѣ перечислено нѣсколько человѣкъ) такого-то» [2]); если же дѣло идетъ о такихъ дворахъ на посадѣ, то обыкновенно люди, въ нихъ живущіе, называются поземщиками и платятъ владѣльцу поземъ, хотя очень невысокій—не имѣемъ указаній его выше, чѣмъ въ 2 ден. со двора; такихъ поземщиковъ находимъ въ Ладогѣ 38 чел. въ 30 дв., всѣ церковные, и въ Орѣшкѣ четверыхъ въ четырехъ дворахъ—великаго князя [3]); разъ однако и о посадскомъ дворѣ сказано только «а мѣсто подъ нимъ такого-то» [4]). Отмѣтимъ, наконецъ, что въ Корелѣ три двора перемѣнили своихъ владѣльцевъ безъ всякаго указанія—какимъ образомъ, и что въ Ладогѣ поручено какому-то Семену Порожскому Мартынову сыну Апаткина давать мѣста ладожанамъ городскимъ людямъ, вдоль по 15 и поперегъ по 10 саженъ [5]).

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію данныхъ нашихъ книгъ о занятіяхъ жителей этихъ пригородовъ. По описанію 1500 г., въ Корелѣ 178 рыболововъ (въ томъ числѣ 21 чел. лучшихъ) особо и описаны; за исключеніемъ же ихъ вообще здѣсь ремесленниковъ и промышленниковъ очень мало: всего мы находимъ ихъ въ Ивангѣ—

---

[1]) *Бѣляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ,—Временникъ, XI, 80.

[2]) Новгородскія писц. книги, III, 884; Временникъ, XII, 4.

[3]) Новг. писц. книги, III, 958—959; Временникъ, XI, 113, 114.

[4]) Новг. писц. книги, III, 958, 25.

[5]) Новг. писц. книги, III, 960, 22 и слѣд.

39 чел., въ Ямѣ 36, Корелѣ 10, Ладогѣ 5, Копорьѣ 4 и въ Орѣшкѣ 2, т. е. всего менѣе 8% общаго числа населенія (въ Иванѣ—23%, въ Орѣшкѣ же всего 1%); изъ нихъ въ Ямѣ 3 середнихъ своземца, 11 середнихъ городчанъ и 22 мол. городчанъ; въ Иванѣ — двое изъ воротниковъ, всѣ же остальные были молодшіе городчане. Ремесла и занятія ихъ имѣютъ цѣлью удовлетвореніе лишь самыхъ первыхъ потребностей: ремесленниковъ, производящихъ предметы питанія, находимъ всего (кромѣ рыболововъ въ Корелѣ) 17 чел. [1]), производящихъ предметы одежды, вооруженія и конской сбруи—18 [2]), производящихъ предметы, необходимые въ домашнемъ обиходѣ—25 [3]), и затѣмъ отдѣльно стоятъ: 5 пастуховъ [4]), 2 извощика, 7 перевощиковъ и по одному—банникъ, дрягиль и учанникъ [5]) и наконецъ 3 строя (?) [6]) и 14 скомороховъ [7]). Въ другихъ нашихъ описаніяхъ городовъ мы найдемъ вообще ремесленниковъ значительно болѣе—обыкновенно около 20% всего числа населенія; незначительный же % ихъ здѣсь объясняется, вѣроятно, частью близостью такихъ большихъ торгово-промышленныхъ центровъ, какими несомнѣнно были Новгородъ и Псковъ,—частью же, вѣроятно, и большею древностью времени, къ которому относится описаніе всѣхъ этихъ городовъ—въ Каргополѣ, по сотной 1560 годовъ, находимъ 77 ремесленниковъ, въ числѣ тѣхъ 297 чел., которые поименованы въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ документа, что составляетъ 27,3% всего числа перечисленныхъ людей, въ Орѣшкѣ—27, если не считать рыболововъ и 69 съ ними, въ Ладогѣ 38 и въ Корелѣ 54 чел., что составляетъ для перваго города 7%, для второго —21% и для третьяго—8½%. Намъ приходится поэтому сказать, что по переписнымъ книгамъ въ Корелѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ, Иванѣ и Копорьи на рубежѣ XV

---

[1]) 7 мясниковъ (1 въ Ямѣ, 6 въ Иванѣ), 2 рыболова (въ Ямѣ), 8 калачниковъ и хлѣбниковъ (1 въ Ямѣ, 7 въ Иванѣ).

[2]) 2 сапожника (въ Ямѣ), 3 москотинника (2 въ Ямѣ, 1 въ Иванѣ), 2 кожевника (въ Ямѣ и Ладогѣ), 6 портныхъ (4 въ Ямѣ, по одному въ Иванѣ и Ладогѣ), 1 скорнякъ (въ Ладогѣ), 1 колпачникъ, 1 сѣдельникъ (въ Копорьи), 1 овчинникъ, 1 тарочешникъ (въ Иванѣ), 1 лучникъ (въ Ямѣ).

[3]) 8 кузнецовъ (по 3 въ Ямѣ и Иванѣ, 2 въ Корелѣ), 9 плотниковъ (5 въ Иванѣ, 3 въ Ямѣ, 1 въ Ладогѣ), 2 гончара, 1 ковшечникъ, 1 дегтярь (въ Ямѣ), 2 огородника, 1 гребенникъ и 1 жерновникъ (въ Иванѣ).

[4]) 4 въ Ямѣ и 1 въ Орѣшкѣ.

[5]) Два перевощика въ Корелѣ, всѣ остальные въ Ивангородѣ.

[6]) Въ Ямѣ, Ладогѣ, Копорьи.

[7]) 7 въ Ямѣ, 6 въ Корелѣ, 1 въ Копорьи.

*

и XVI вв. ремесленная дѣятельность была развита весьма слабо, а въ серединѣ XVI в., по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ пригородовъ, она значительно сильнѣе. Всего въ Каргополѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ и Корелѣ встрѣчаемъ до 44 названій ремеслъ; занимались приготовленіемъ предметовъ питанія 48 чел., одежды - 54, предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ—38 и предметовъ не первой необходимости—51 [1]).

Изъ разрядная и разметнаго списка мы уже привели нѣсколько данныхъ—именно о Ямѣ, Ладогѣ, Корелѣ и Орѣшкѣ; въ немъ же находимъ еще краткія свѣдѣнія о самомъ Новгородѣ, о Старой Русѣ и Порховѣ. Изъ нихъ видно, что въ Новгородѣ считалось тогда черныхъ тяглыхъ дворовъ 4,355, бѣлыхъ нетяглыхъ 293 (точнѣе—чьихъ—не сказано), гостинныхъ 244 и 1 корчемной; пипицальниковъ и пушечниковъ 45 дворовъ и 158 дв. духовенства—всего, слѣдовательно, 5,096. Дворы царя и великаго князя, намѣстника, дьяковъ и т. п. лицъ, очевидно, обозначены подъ общимъ именемъ бѣлыхъ; изъ духовныхъ—въ 54 дворахъ ружные и въ 104—неружные. Изъ всѣхъ городовъ, о которыхъ мы имѣемъ подобныя данныя отъ XVI в., Новгородъ является самымъ населеннымъ; общее число его жителей вѣроятно превышало двадцать тысячъ. Довольно значительнымъ городомъ является Старая Руса, въ которой 1,473 (съ половиною) двора тяглыхъ, 9 дворовъ намѣстника, тіуна, доводчика и т. п. и 63 дв. монастырей и духовенства, т. е. всего 1,545 дв. Всѣ остальные города населены уже значительно менѣе; обо всѣхъ ихъ мы находимъ данныя по двумъ

---

[1]) Хлѣбниковъ 15
рыболововъ 10 (52)
мясниковъ. 10
калачниковъ 8
кисельниковъ 2
пивоваровъ 1
хмѣльниковъ..... 1
орѣщниковъ 1
сапожниковъ.....13
портн. мастеровъ...14
овчинниковъ..... 9
скорняковъ 8
кожевниковъ..... 4
швецовъ. 2
рукавичниковъ..... 1
колпачниковъ..... 1
красильниковъ 1
кузнецовъ 10
плотниковъ 12
бочарниковъ 6
горшечниковъ..... 5
котельниковъ 2
ведерниковъ 1
рѣшетниковъ..... 1
извощиковъ.....11
молодожниковъ..... 8
перевощиковъ. 4
свѣчниковъ 4
серебрянниковъ..... 3
скомороховъ 3
гусельниковъ..... 2
домерниковъ 1
пѣсенниковъ..... 1
зелейниковъ 2
пастуховъ 2
смольниковъ 2
мыльниковъ. 2
щепетинниковъ.... 1
лодочниковъ 1
стекольниковъ..... 1
коноваловъ 1
мельниковъ 1
огородниковъ..... 1
казаковъ..... 1;
затѣмъ:
палачей 2
толмачей 2
земскихъ дьячковъ. 1

переписямъ; изъ сравненія данныхъ этихъ двухъ переписей замѣчается, что населеніе начало уже уменьшаться, хотя въ общемъ очень еще незначительно; притомъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, въ промежуткѣ между двумя переписями, результаты которыхъ намъ сообщаются, населеніе временно повидимому увеличивалось, а потомъ снова уменьшилось: въ нѣкоторыхъ городахъ число находящихся налицо жилыхъ дворовъ и число дворовъ пустыхъ и пустыхъ мѣстъ вмѣстѣ, болѣе числа дворовъ, указанныхъ по первой переписи. Наиболѣе населеннымъ городомъ въ 1545 — 1546 г. является Корела, въ которой, по послѣднему письму—188 дворовъ тяглыхъ и 55 дв. на Свапскомъ волокѣ [1]); нетяглыхъ—монастырскихъ, помѣщиковыхъ и воротниковыхъ—30 дворовъ, дворовъ духовныхъ лицъ — 5 и 1 сторожа, всего слѣдовательно 279 дв., а въ 1500 г., какъ мы видѣли, было 267 дв., такъ что если не населеніе, то по крайней мѣрѣ число дворовъ здѣсь возрасло; въ 1568 г. мы видѣли въ Корелѣ еще болѣе дворовъ и людей; за Корелой идетъ г. Яма, въ которомъ въ 1545 г. было 177 дв. тяглыхъ и 66 м. дв., вмѣсто бывшихъ прежде 239 дворовъ; въ Орѣшкѣ въ 1545 г. было 93 дв. тяглыхъ и 98—мѣстъ дворовыхъ и дворовъ пустыхъ и 14 дв. нетяглыхъ, вмѣсто прежнихъ 139 дв. тяглыхъ и 33 нетяглыхъ; въ Ладогѣ было 103 дв. тяглыхъ людей и церковныхъ и 3 двора намѣстника, тіуна и церковный нетяглый, вмѣсто прежнихъ 111—но въ томъ и другомъ городѣ по письму 1568 г. дворовъ и жителей было еще болѣе; наконецъ въ Порховѣ 68 дв. тяглыхъ, въ томъ числѣ и дворы духовныхъ и ратныхъ людей [2]) и 3 двора намѣстника и городчиковъ, прежде же было 68 дв. черныхъ тяглыхъ, 11 дв. пустыхъ и 1 м. дв. тяглыхъ, и нетяглыхъ 7 дв. церковныхъ и 1 намѣстника.

Разрядный и разметный списокъ обрывается на полуслонѣ среди описанія рядковъ Деревской пятины. Относительно рядковъ установлено уже мнѣніе въ статьѣ Ильинскаго, что это были поселенія, приближавшіяся къ городамъ, ибо жители ихъ преимущественно

---

[1]) Въ А. А. Э. читаемъ «Еванскомъ», — но это очевидно ошибка: при Корелѣ указанъ волочекъ Сванскій и во Временникѣ, и въ ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7.

[2]) «А съ тѣхъ деп дворовъ — читаемъ въ описаніи Порхова въ Разрядномъ и разметномъ спискѣ—съ попова, и съ дьякопова, и съ воротниковыхъ, и съ пищальниковыхъ изъ старины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деп тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ, на посадской на тяглой, и тянутъ съ черными людьми.»

занимались не земледѣліемъ, а торговопромышленною дѣятельностью [1]); и это мнѣніе должно признать вполнѣ справедливымъ: помимо довольно яснаго отличія рядковъ, отъ селъ и деревень по занятіямъ ихъ жителей, мы видимъ, что рядки эти описаны въ документѣ, заключающемъ производство дѣла о сборѣ ратныхъ людей съ городовъ, слѣдовательно, считались ближе къ городамъ, чѣмъ къ уѣзднымъ поселеніямъ. Нашъ документъ никакихъ подробностей о ихъ населеніи не даетъ, ограничиваясь лишь дѣленіемъ на тяглыхъ и нетяглыхъ. Разсматривая данныя о 20 рядкахъ, пяти погостахъ и о Новой Руси, приведенныя тутъ, мы должны повторить замѣчаніе Ильинскаго, что и въ рядкахъ этихъ съ половины XVI в. населеніе уменьшается [2]): всего въ рядкахъ и погостахъ по новому письму видимъ тяглаго населенія 756 дв. и 192 дв. п., вмѣсто бывшихъ прежде 889 дв. и 3 дв. п. [3]); повидимому, было время, когда и тутъ число жителей, хотя и незначительно, но превышало число ихъ по прежней переписи.

---

[1]) *Ильинскій*, Городское населеніе въ Новгородской области въ XVI в.—Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль; такое же мнѣніе о рядкахъ уже высказано было, впрочемъ, еще *Бѣляевымъ:* онъ говоритъ о слободахъ, что онѣ «преимущественно населялись ремесленниками и разными торговыми людьми... были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями... свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано; онѣ упоминаются еще въ духовной Калиты... А въ Новгородской землѣ онѣ встрѣчаются еще и раньше и называются или слободками или рядками»—О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ,—Временникъ, XI, 40; тоже повторено въ его же «Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства», 315—316. Еще у Соловьева, т. V, изд. 1, 234, читаемъ: «селенія, состоявшія изъ людей, не занимавшихся хлѣбопашествомъ, назывались рядками»; Ильинскій же впервые подробно разсмотрѣлъ ихъ положеніе.

[2]) Статья *Ильинскаго*, въ Ж. М. Н. Пр., 1876, іюль, 277.

[3]) Цифры прежняго письма тутъ не совсѣмъ полны: во 1) вовсе нѣтъ данныхъ о прежнемъ положеніи одного рядка, въ которомъ по Разр. и разм. списку 31 дв. тягл., 5 нетягл. и 15 дв. п.; во 2) въ описаніи очень многихъ рядковъ по прежнему письму ничего не сказано о числѣ дворовъ нетяглыхъ, церковныхъ, равно какъ лишь одинъ разъ указано по старому письму число пустыхъ дворовъ. Вотъ свѣдѣнія, заключающіяся въ Разр. и разм. спискѣ: въ Вотской пятинѣ описано 8 рядковъ, въ нихъ 114 дв. тягл. и 66 дв. тяглыхъ пустыхъ—прежде было 129 дв. тяглыхъ; въ Вѣжецкой пятинѣ 5 рядковъ, въ нихъ 262 дв. чер. тяглыхъ, 44 дв. нетяглыхъ. 39 дв. пустыхъ; было же въ четырехъ рядкахъ, въ которыхъ теперь 231 дв. тягл., 39 дв. нетяглыхъ и 24 дв. тягл. пустыхъ (объ одномъ цифръ прежняго письма нѣтъ)—249 дв. тягл. и 10 нетяглыхъ—но нетяглые упомянуты при

И такъ, вотъ что, въ главныхъ чертахъ, находимъ мы о городахъ Новгородской области, свѣдѣнія о которыхъ, впрочемъ, наименѣе полны: во 1) города эти населены жителями почти сплошь посадскими, занимающимися какъ ремеслами, такъ и земледѣліемъ, и во 2) что города эти представляются наполненными жителями, и только во второй половинѣ вѣка замѣчаются и тутъ колебанія въ ихъ числѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и начало запустѣнія городовъ.

описаніи не всѣхъ рядковъ; въ Деревской пятинѣ въ 7 рядкахъ — 363 дв. тяглыхъ, 38 дв. нетяглыхъ и 87 дв. тягл. пустыхъ — было въ нихъ прежде 486 дв. тяглыхъ, и 11 дв. церковныхъ — послѣдніе указаны по прежнему письму тоже не во всѣхъ рядкахъ; въ пяти погостахъ—17 дворовъ тяглыхъ, 4 церковные нетяглые,—а было въ этихъ погостахъ 25 дв. тяглыхъ, 3 дв. пуст. и 15 дв. нетягл. Данныя о Новой Русѣ неясны.

ГЛАВА II.

Города Торопецъ и Устюжна.

Положеніе г. Торопца въ серединѣ XVI в. очень полно рисуется намъ въ его описаніи, сохранившемся въ подлинникѣ [1]); современною намъ рукою сдѣлана на этомъ документѣ надпись: «Торопца города переписная книга людямъ, дворамъ, лавкамъ и помѣстнымъ и пашеннымъ землямъ»; но какъ мы уже выше упомянули, по характеру своему документъ этотъ отличается какъ отъ переписныхъ книгъ XVII в., такъ отчасти и отъ писцовыхъ и др. подобныхъ книгъ XVI в., но ближе все-таки къ послѣднимъ; онъ, впрочемъ, и относится къ такому періоду—къ первой половинѣ XVI в.,—отъ котораго только это одно описаніе города и дошло до насъ.

Описаніе идетъ въ этомъ документѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ книгахъ—начинается съ города; первые листы сильно пострадали, но все-таки можно сказать положительно, что укрѣпленія тутъ не были описаны, хотя они существовали, что несомнѣнно какъ по названію только части поселенія «городъ», такъ и по

---

[1]) Рук. М. Г. А. М. И. Д., Писцовыя книги, IX, 18; описаніе города на лл. 1—31. Начало попорчено; вотъ что можно разобрать на обѣихъ страницахъ перваго листа (точками отмѣчаемъ полившіяся мѣста): «Книги Торопецкія письма Александра Давыдовича Ульянова да Тимооея Степанова сына Бибикова лѣта 7000 четыредесятъ восьмого, а въ нихъ писанъ посадъ Торопе... волости черные и помѣчники... внутри городѣ: Ц. Соборная, Егорей Святой. Ц.... начальная. Ц. Оеон... въ городѣ: дв. памѣст...ры осадные отъ ...ой сторонѣ къ ...ки а въ немъ... (об) Гриди Мокѣева да Сенки Есипова, а въ немъ дворникъ Сенка. Дв. Ивашковъ Еремѣева, да Алексѣйка Дороѳѣева, съ братьею, а въ немъ дворникъ Васюкъ Борода. Воротники живутъ у Егорьевскихъ воротъ: Дв. Иванко да Михалко Мачехинъ. Дв. Софронка Дѣдкова» и т. д.

нѣкоторымъ опредѣленіямъ мѣста въ текстѣ книги [1]). Прежде всего названы три церкви въ самомъ городѣ, затѣмъ упомянутъ кратко дворъ намѣстничъ и идетъ описаніе дворовъ осадныхъ въ городѣ; населеніе Торопца по переписной книгѣ 1540—1541 гг. состояло изъ служилыхъ людей, духовенства, людей ратныхъ и людей черныхъ тяглыхъ, съ весьма значительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Размѣщалось оно и въ городѣ, и на посадѣ, но въ городѣ жило очень немного людей, а главная масса населенія сосредоточивалась на посадѣ; и описаніе посада начинается съ перечисленія церквей.

Всего на посадѣ церквей было 10 съ 11-ю престолами и 2 монастыря; при описаніи каждой указано сколько у ней священнослужителей, въ описаніи монастырей—сколько тамъ монашествующихъ; далѣе упомянуто, сколько священнослужителей у тѣхъ трехъ церквей, которыя въ городѣ; въ соборѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ, служба «по вся дни», а въ остальныхъ церквахъ по субботамъ, воскресеньямъ и по праздникамъ; руга указана только Никольскому монастырю: «а идетъ имъ отъ великаго князя руга на братью и на милостыню 70 четв. ржи да 60 четв. овса»; у нихъ же на престолѣ 27 р. денегъ, съ которыхъ ростъ берутъ того монастыря игуменъ и священники; Никольскому же монастырю сообща со священниками двухъ другихъ церквей и дьякономъ третьей принадлежали рыбныя ловли, причемъ замѣчено, что отдаютъ они ихъ ловцамъ изъ шестой рыбы, и что «впередъ тѣ ловли монастырь и попы какъ хотятъ, такъ и ловятъ». По итогу книги «священниковъ служитъ и игуменовъ 18 да 3 дьяконы»; но по поименному перечисленію въ книгѣ видно, что при двухъ церквахъ священниковъ въ моментъ составленія книги не было, а также не было и дьякона въ монастырѣ, гдѣ онъ полагался, но за то при другихъ церквахъ, преимущественно при городскихъ, священнослужителей оказывается болѣе, чѣмъ указано непосредственно послѣ упоминанія той или другой церкви, такъ что всего мы находимъ 19 священниковъ [2]) (шесть у городскихъ церквей и 13 у посадскихъ) и 2 дьяконовъ; затѣмъ очевидно не сосчитаны въ итогѣ, но перечислены въ текстѣ 3 пономаря (отъ городской церкви одинъ), 3 проскурницы (отъ городской церкви тоже одна), 2 игумена, 40 монаховъ и 25 монахинь; игуменовъ два, потому что и въ женскомъ мо-

[1]) Кромѣ упоминанія, выше приведеннаго, о Егорьевскихъ воротахъ, читаемъ еще, какъ опредѣленіе мѣста: «противъ наугольные стрѣльни»—л. 27.

[2]) Одинъ не имѣетъ двора, а живетъ въ монастырѣ.

настырѣ тоже настоятель, а не настоятельница; объ этомъ монастырѣ сказано въ книгѣ: «питаются отъ церквей и отъ міру». При церквахъ на посадѣ 18 старцевъ въ 18-ти кельяхъ, питаются отъ церквей и еще 3 кельи богадѣльныя; въ кельяхъ показаны также пономари (кромѣ одного) и проскурницы, всѣ же остальные живутъ на посадѣ, имѣя каждый свой дворъ, и только разъ два священника, отецъ и сынъ, имѣютъ вмѣстѣ одинъ дворъ; всѣ эти дворы нетяглые; затѣмъ семь священниковъ, дьяконъ и попадья имѣютъ части въ городскихъ дворахъ, вмѣстѣ съ посадскими людьми; одинъ попъ, имѣющій дворъ на посадѣ и часть во дворѣ городскомъ вмѣстѣ съ посадскими людьми, живетъ тѣмъ не менѣе въ городѣ, но во дворѣ двухъ посадскихъ людей; и въ этомъ можно, кажется, видѣть подтвержденіе того, что и наша книга, какъ другія писцовыя перечисляетъ не всѣхъ даже взрослыхъ людей, а лишь представителей семействъ или дворовъ—очевидно, что и другой дворъ этого священника, на посадѣ, занятъ какими нибудь взрослыми членами его семьи; мы видимъ еще и здѣсь близкія связи у духовенства съ посадскими людьми, примѣръ чего укажемъ и ниже; доказательствомъ такихъ связей нужно считать и совмѣстное владѣніе дворами, а кромѣ того встрѣчаемъ въ фамиліяхъ почти несомнѣнныя доказательства родства между духовными лицами и посадскими [1]); относительно занятій духовныхъ не находимъ въ нашей книгѣ данныхъ; у духовныхъ не указано ни лавокъ, ни пивъ.

Вслѣдъ за описаніемъ церквей на посадѣ описаны дворы подъ рубрикой «на посадѣ дворы боярскіе»; изъ этого надписанія и по фамиліямъ очевидно, что тутъ описываются дворы людей служилыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ; по фамиліи указываютъ исключительно на роды, никогда недостигавшіе боярства; терминъ «боярскій» въ такомъ болѣе широкомъ значеніи встрѣчается [2]), но появленіе его именно въ такомъ смыслѣ въ нашемъ источникѣ, документѣ оффиціальномъ, даетъ намъ право не относиться съ полнымъ довѣріемъ къ его терминологіи, не придавать буквальнаго значенія каждому его слову, ибо очевидно, что о совершенной точности своихъ терминовъ писцовая книга не особенно заботится.

Всего въ числѣ владѣльцевъ такихъ дворовъ перечислено не

---

[1]) «Во дв. Борисоглѣбскій попъ Володимеръ Голубевъ; во дв. попъ Шестой Меркурей Андреевъ сынъ Голубевъ;» въ описаніе тяглыхъ дворовъ на посадѣ: «дв. Васка Андреевъ Голубевъ, да въ избѣ братъ его Тишко». лл. 13—14, 27.

[2]) См. объ этомъ, между прочимъ, *Ключевскій*. Боярская дума, изд. 2, 122.

менѣе 66 человѣкъ; имъ принадлежали 37 дворовъ и 4 мѣста; въ 35 дворахъ было по дворнику; изъ числа этихъ же владѣльцевъ 11 человѣкъ и еще не менѣе 18 лицъ служилаго класса имѣли въ городѣ 20 дворовъ осадныхъ и 1 м. дв.; кромѣ того, на мѣстахъ, сильно пострадавшихъ отъ сырости, описано еще не менѣе 2-хъ дворовъ, а очень можетъ быть и болѣе; но нельзя съ увѣренностью сказать, что это дворы именно людей служилыхъ, потому что въ городѣ ихъ дворы идутъ въ перемежку съ дворами другихъ владѣльцевъ, и только фамиліи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ опредѣленій «черный человѣкъ», «крестьянинъ»,—указываютъ, что это дворы людей служилаго сословія. И въ этихъ дворахъ жили дворники, но рѣже—именно всего шесть; изъ числа дворовъ въ городѣ 3 принадлежали городовому приказчику и одинъ намѣстнику: есть также еще въ городѣ дворъ десятильничій, въ которомъ дворникъ, по имени десятильника не указано. Вообще о лицахъ служилаго сословія мы имѣемъ лишь сейчасъ приведенныя немногочисленныя данныя; книга не говоритъ прямо, живутъ ли они тутъ или нѣтъ; но, какъ увидимъ далѣе, обыкновенно прямо указывается, когда сынъ боярскій или дворянинъ живетъ самъ во дворѣ, и никогда не указывается дворникъ въ томъ дворѣ, гдѣ живетъ самъ его владѣлецъ; поэтому, нужно предположить, что сами служилые люди тутъ не жили. Объ обязанностяхъ дворниковъ и ихъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ дворовъ и къ посадскому населенію здѣсь не имѣемъ никакихъ указаній; только разъ сказано «дворникъ человѣкъ его» (хозяина двора). Кромѣ этихъ дворниковъ, т. е. жившихъ на дворахъ служилыхъ людей, есть еще 16 дворниковъ и 3 дворницы и на осадныхъ дворахъ нѣкоторыхъ посадскихъ людей, такъ что тутъ всего 60 дворниковъ; изъ книги не выступаетъ никакого различія между дворниками дѣтей боярскихъ и дворниками посадскихъ людей; ниже, послѣ описанія пограничныхъ городовъ, гдѣ дворники встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ, мы приведемъ основанія, на которыхъ считаемъ дворниковъ стоявшими въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ или даже, пожалуй, холоповъ, т. е. вообще зависимыми отъ владѣльца дворовъ людьми; теперь же лишь отмѣтимъ, что указанный выше фактъ, что въ новгородскихъ пригородахъ черные посадскіе люди владѣли землями, на которыхъ жили крестьяне, платившіе имъ оброкъ, даетъ полное основаніе не считать существованія дворниковъ здѣсь у посадскихъ людей за нѣчто такое, что противорѣчитъ нашему предположенію о состояніи дворниковъ.

Послѣ описанія дворовъ служилыхъ людей перечислены нетяглые же дворы сначала пушкарей и пищальниковъ, затѣмъ—воротниковъ и плотниковъ. Пушкарей тутъ было 5 человѣкъ, пищальниковъ 24 и еще 1 вдова пищальника съ сыномъ—всего, слѣдовательно, 30 чел. въ 30 дворахъ; два пушкаря и пищальникъ имѣли еще по двору въ городѣ; одинъ пушкарь и одинъ пищальникъ изъ перечисленныхъ въ описаніи дворовъ и одинъ пищальникъ, имени котораго нѣтъ въ перечисленіи пищальниковъ, жившихъ своими дворами, имѣли по лавкѣ въ большомъ ряду; точно оброкъ съ ихъ лавокъ не указанъ, потому что тутъ разводили оброкъ сами торговые люди; есть еще въ городѣ дворъ какихъ-то пищальниковъ посадскихъ, но ихъ именъ нѣтъ въ перечисленіи пищальниковъ, и потому, не причисляя ихъ сюда, скажемъ о нихъ ниже. Замѣтимъ еще, что книга, повидимому, отождествляетъ наименованія «пушкарь» и «пищальникъ»; «и всѣхъ дворовъ пищальниковыхъ и пушкарскихъ 30, а пищальниковъ въ нихъ 30 чел.», говоритъ книга [1]), хотя собственно пищальниковъ, какъ мы видѣли, 25 (одна вдова) и 5 пушкарей Плотниковъ тутъ было 2 двора, изъ которыхъ въ одномъ жила вдова плотника со своимъ сыномъ, и 13 дворовъ, съ 13-ю же людьми, воротниковъ; одинъ воротникъ еще, неимѣвшій двора на посадѣ, показанъ участникомъ въ городскомъ дворѣ: одинъ плотникъ и 3 воротника имѣли еще по двору въ городѣ; одинъ изъ этихъ именно воротниковъ и еще четвертый воротникъ имѣли части въ городскихъ дворахъ; одинъ воротникъ имѣлъ лавку. Больше ничего о ратныхъ и служившихъ людяхъ не сказано; никакихъ свѣдѣній о ихъ поземельныхъ участкахъ книга не представляетъ.

Существеннѣйшую часть книги г. Торопца составляетъ описаніе тяглыхъ дворовъ на посадѣ. Ихъ перечислено тутъ 402, при этихъ дворахъ 15 лавокъ и амбаровъ; людей въ этихъ дворахъ 445 чел., и у нихъ же на дворахъ жили еще 136 чел., обозначенные разными наименованіями, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, но сосчитанные въ одномъ общемъ итогѣ съ остальными тяглыми; въ соху положено тутъ по 46 дворовъ, и сошнаго письма всего 9 сохъ [2]).

---

[1]) Л. 17.

[2]) Мы приводимъ тутъ цифры, полученныя нами по нашему счету; онѣ нѣсколько не сходятся съ итогомъ книги, какъ разъ сходящимся съ росписаніемъ по сохамъ, и слѣд.—вѣрнымъ: по итогу книги дворовъ тутъ тяглыхъ 415 и 1 м. дв., людей въ нихъ 597 чел., (лл. 28 об., 29)—по нашему же счету дворовъ 402, людей 581 чел.; возможно, что въ книгѣ утраченъ листъ

Изъ числа людей, имѣвшихъ дворы на посадѣ, 197 чел. имѣли части въ городскихъ дворахъ; изъ числа жившихъ у другихъ имѣли части въ городскихъ дворахъ 7 чел.; затѣмъ имѣли еще части въ городскихъ дворахъ 8 чел., которые на посадѣ имѣли лишь лавки, и 211 чел., которые при описаніи посада вовсе не упомянуты; въ виду обозначенія ихъ одними уничижительными именами и отсутствія у нихъ почти поголовно фамилій, а также отсутствія обозначенія у нихъ сословія, мы должны считать ихъ тяглыми. Въ городѣ обыкновенно дворъ составлялъ собственность не одного человѣка, а нѣсколькихъ, такъ что этимъ 416 владѣльцамъ принадлежало 120 дв., или немного болѣе [1]). Мы, впрочемъ, не рѣшимся положительно утверждать, что въ число этихъ 211 чел. не попалъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые владѣютъ дворами на посадѣ: при обозначеніи въ документахъ XVI в. людей одними лишь именами чрезвычайно трудно установить относительно каждаго даннаго случая—встрѣчался ли уже ранѣе тотъ или другой человѣкъ или нѣтъ, ибо, какъ извѣстно, тогда имена подвергались самымъ прихотливымъ измѣненіямъ, и кромѣ того рядомъ съ именемъ крещенымъ человѣкъ назывался иногда еще и другимъ какимъ-нибудь именемъ изъ святцевъ и еще чаще получалъ какое-нибудь прозвище, какую-нибудь кличку, къ которымъ, тѣмъ не менѣе, приставлялось отчество. Сколько возможно было, мы старались опредѣлять, не встрѣчался ли уже намъ въ описаніи посада тотъ или другой владѣлецъ городского двора и напримѣръ, встрѣчая въ городѣ Андрея Окулина да брата его Васка Окулина, а въ описаніи посада—Андрея Лукьянова Коровина да Василья Лукьянова Коровина, мы считали этихъ людей за однихъ и тѣхъ же, потому что замѣна имени Лукьянъ прозвищемъ Окулъ весьма вѣроятна для XVI в.; или еще, напримѣръ, находя въ описаніи города Макалейка Лумтѣева да братьевъ его Орѣха да Патрика, мы считали несомнѣннымъ, что это одни лица съ «Орѣхомъ Якушевымъ и братомъ его Патрикомъ», которыхъ встрѣчаемъ въ описаніи

или два; возможно конечно, что и въ нашей копіи, снятой съ пострадавшаго оригинала, вкрались ошибки; но возможно и то, что книга въ число тяглыхъ дворовъ помѣщаетъ и нѣсколько дворовъ людей разныхъ наименованій, по причинамъ, яснымъ составителямъ, но не выраженнымъ въ документѣ и потому намъ непзвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ разница очень незначительная—всего на $2^1/_2{}^0/_0$.

[1]) Какъ сказано выше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно разобрать текста по причинѣ ветхости книги.

посада. Но во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что въ числѣ владѣльцевъ дворовъ въ городѣ есть люди, на посадѣ ничего не имѣющіе, какъ на основаніи абсолютнаго господства различій въ именахъ собственныхъ, такъ и потому, что при описаніи дворовъ городскихъ владѣльцы ихъ очень часто оказываются изъ такой то волости, или изъ такой-то перевары [1]) — именно 47 чел., тогда какъ въ числѣ имѣющихъ дворы на посадѣ такихъ только пятеро. Легко могло быть, что владѣльцами городскихъ дворовъ являлись часто тѣ люди, которые жили на посадѣ, но при описаніи этого послѣдняго были сосчитаны въ составѣ семействъ другихъ людей и потому поименно обозначены не были— что наши книги не упоминаютъ такихъ людей, мы уже говорили; мы видимъ здѣсь случаи, что изъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ одного посадскаго двора только одинъ обозначенъ участникомъ въ городскомъ осадномъ дворѣ; но возможно, что и совладѣльцы его по посадскому двору имѣли части въ городскихъ дворахъ, но записанныя за другими представителями однихъ и тѣхъ же семей. Наряду съ приведенными выше опредѣленіями, указывающими на уѣздъ, мы встрѣчаемъ еще тутъ названіе посадскій или посадскій человѣкъ и посадскій крестьянинъ; два первыя примѣнены къ 87 чел. имѣющимъ дворы на посадѣ и къ 87-же неимѣющимъ, а послѣднее — къ 36 имѣющимъ дворы на посадѣ и къ 19 неимѣющимъ; совпаденія этихъ наименованій съ опредѣленіями—изъ такой-то волости, изъ такой-то перевары нѣтъ; повидимому человѣкъ не могъ быть посадскимъ и одновременно значиться въ какой-нибудь волости или

---

[1]) Встрѣчаемъ Порѣцкую перевару и Порѣцкую волость; повидимому, перевара какое-то мѣстное уѣздное дѣленіе; но не ясно, чему она соотвѣтствовала, какъ составлялась и управлялась. *Ивановъ*, «Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи», 145, говоритъ: «въ писцовыхъ книгахъ Корельскаго уѣзда, составленныхъ въ 1595 г., сказано: въ Сакульскомъ (Саккола) погостѣ в. князя деревни оброчныя Мартемьяновскія въ Святской (Шюге-ярви, т. е. Святое озеро) переварѣ деревня Кимерви у озера у Кимерви (Кима ярви); въ Кирьяжскомъ (Курки іёки или Кроноборскомъ) погостѣ в. князя волости: за намѣстникомъ за Корельскимъ Кулолаская перевара. По фински регае край, конецъ, wara—выше и ниже. Слѣд., перевара значитъ конецъ поименованнаго озера. (Взято изъ статьи г. Буткова)». Но намъ это объясненіе кажется и мало вѣроятнымъ само по себѣ и совершенно неудовлетворительнымъ даже для объясненія текстовъ, приведенныхъ Ивановымъ. *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, II, 27, 28, говоритъ, что перевара—это союзъ селеній, занимавшихся исключительно рыбною ловлею и что повидимому это экономическія, бытовыя общины.

переварѣ; но любопытно, что названіе «посадскій крестьянинъ» сравнительно рѣже прилагается къ тѣмъ людямъ, которые не живутъ на посадѣ, но крайней мѣрѣ не имѣютъ тамъ дворовъ. По нашему документу мы не можемъ указать разницы между посадскими и посадскими крестьянами и опредѣлить, почему же при именахъ большинства никакихъ подобныхъ опредѣленій не стоитъ. При изученіи новгородскихъ пригородовъ мы видѣли, что въ городахъ этой полосы существованіе въ городѣ тяглыхъ людей двухъ разрядовъ—тамъ городчанъ и своеземцевъ,—существеннымъ образомъ между собою не различавшихся, есть фактъ несомнѣнный; нѣчто подобное нужно предполагать и здѣсь; но сказать объ этихъ разрядахъ мы можетъ здѣсь еще менѣе, чѣмъ относительно такихъ разрядовъ въ новгородскихъ пригородахъ.

Мы говорили выше, что есть въ Торопцѣ 136 чел., которые живутъ въ чужихъ дворахъ, съ разными обозначеніями. Вотъ эти обозначенія: при посадскихъ дворахъ: «да на томъ же дворѣ»; «да на томъ же дворѣ въ избѣ»; «да въ другой избѣ»; «да у него же въ подклѣтѣ»; «да на томъ же дворѣ себѣ въ избѣ живетъ»; «да у него же на дворѣ»; «да у него же на дворѣ въ избѣ»; «да у него же во дворѣ въ избѣ себѣ»; «да у него же на дворѣ въ избѣ (или избою) живетъ»; «да себѣ въ избѣ»; «да у него же на дворѣ сусѣдъ»; «да у него же на дворѣ себѣ сусѣдъ»; «да у него же на дворѣ шабры»; «да на томъ же дворѣ живутъ шабры въ избѣ»; «да у него же на дворѣ живутъ (себѣ) шабры въ избахъ»; при описаніи города встрѣчаемъ такія выраженія: «да тутъ же въ подворьи шабры» и «на томъ же дворѣ шабры». Всѣ эти замѣчанія относятся къ людямъ, положеніе которыхъ еще мало изучено. Разсматривая ближе данныя, сообщаемыя о нихъ книгой, мы видимъ: во-первыхъ, довольно многіе изъ числа этихъ людей прямо названы сыновьями или братьями того, кто названъ во дворѣ; родственниками оказываются многіе изъ записанныхъ подъ опредѣленіями: «да на томъ же дворѣ въ избѣ», «да въ другой избѣ», «да у него же на дворѣ», «да у него же на дворѣ въ избѣ», «да у него же во дворѣ въ избѣ себѣ», «да у него же на дворѣ въ избѣ (избою) живетъ», «да себѣ въ избѣ», «да у него же на дворѣ себѣ сусѣдъ»; затѣмъ нѣкоторые изъ этихъ людей не только владѣютъ частями городскихъ дворовъ, но въ описаніи ихъ названы даже прямо посадскими людьми, такъ, одинъ человѣкъ, показанный въ описаніи посада у другаго «на дворѣ въ избѣ» въ описаніи город-

ского двора названъ прямо посадскимъ человѣкомъ [1]); встрѣчаемъ еще такое выраженіе: «дв. Андрейко Ивановъ, да въ избѣ Ермола Яковлевъ, да въ третьей избѣ Микита Васильевъ»—изъ этого выраженія ясно, что въ счетъ введены избы, занимаемыя и первыми двумя, такъ что всѣ три избы, въ которыхъ жили эти три человѣка, считаются равными; наконецъ, особенно важно, что всѣ эти люди сосчитаны въ итогѣ посадскихъ тяглыхъ людей, между тѣмъ, какъ мы уже не разъ говорили, что книги, несомнѣнно, перечисляли не всѣхъ людей — слѣд., если записаны въ книгу подсусѣдники, они, значитъ, по своему положенію ближе къ тѣмъ людямъ, которыхъ записывали въ книги, чѣмъ къ тѣмъ, которыхъ не записывали; ничего не упомянуто объ особомъ положеніи ихъ и при упоминаніи о разложеніи въ сохи [2]) Къ сожалѣнію, въ книгѣ нашей нѣтъ раздѣленія земли по участкамъ между разными людьми и указанія оброка съ нея и съ отдѣльныхъ лавокъ, что интересно было бы знать, для изученія экономическаго положенія этихъ людей; но, каково бы оно ни было, изъ всего вышесказаннаго мы должны вывести заключеніе, что предъ лицомъ правительства всѣ эти люди были равны, одни не заслоняли собою другихъ, такъ что личныхъ зависимыхъ отношеній между ними нельзя предполагать. Этому выводу не противорѣчатъ и данныя другихъ источниковъ. Источникомъ, къ которому въ этомъ вопросѣ нужно прежде всего обратиться, является, очевидно, Псковская Судная грамота; она говоритъ отдѣльно объ изорникѣ, сябрѣ и подсусѣдникѣ: и, хотя она даетъ не совершенно полное и ясное представленіе о положеніи ихъ, но все-таки очевидно, что между изорникомъ съ одной стороны и сябромъ и подсусѣдникомъ съ другой существовало нѣкоторое различіе: изъ ста-

---

[1]) Въ описаніи города читаемъ: «дв. Филипка Попова, да Арисга Тимофѣева, да Тишки Копылова, да *Іевка Павлова*, да Іевка Киселева, да.... да..., да..., посадскихъ людей»; а въ описаніи посада: «дв. Гриша Ивановъ, да у него на дворѣ въ избѣ Клиша Андреевъ воротники (sic), да у него жъ на дворѣ въ избѣ *Іевко Павловъ*»—лл. 11 об., 24.

[2]) *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 493, говоритъ: «захребетники, сосѣди и подсусѣдники жили за чужимъ тягломъ и сами не вносились въ городскіе разметы; они не были членами городской общины и не имѣли своей поземельной собственности, а жили какъ наемники или работники на чужихъ земляхъ» Относительно мнѣнія *Хлѣбникова* (О вліяніи обществъ на организацію государства, 59), что «подсусѣдниками были крестьяне непашенные, ремесленники всѣхъ видовъ, которыхъ было не мало въ деревняхъ», мы ничего не скажемъ, ибо въ подробности не разсматривали положенія деревень.

тей объ изорникахъ ясно, что они жили въ селахъ и, главное, находились въ какой-то зависимости отъ своего государя; но этого вовсе не видно относительно сябровъ и подсусѣдниковъ [1]): съ подсусѣдникомъ его государю въ случаѣ тяжбы нужно судиться какъ и со всякимъ другимъ человѣкомъ; въ одной грамотѣ середины XVI в. ручаются по недѣльщикѣ въ перемежку люди, которые говорятъ о себѣ: «живу своимъ дворомъ», и люди, которые говорятъ о себѣ—«живу у такого-то въ сусѣдяхъ» [2]); независимое, самостоятельное положеніе сябровъ совершенно ясно какъ изъ Псковской Судной грамоты, такъ и изъ другихъ актовъ; изъ одной грамоты узнаемъ случай примѣненія на дѣлѣ такого именно порядка судопроизводства относительно сябренныхъ земель, какой постановляется Псковскою Судною грамотою; другія указываютъ, что сябры были самостоятельными, полными хозяевами своихъ долей

---

[1]) «А которой изорникъ поумретъ у государя на селѣ, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени, ино государю такожъ животъ изорничъ съ приставами и съ сторонними людьми попродавать, да за свою покруту понмати, а потому племени изорничи ни брату не сочить двора изорнича.»—«А у котораго человѣка у государя изорникъ помретъ, въ записи въ покрутѣ, а жена у него останется и дѣти не въ записи, но (ино?) изъ оной изорничѣ женѣ и дѣтемъ откличи нѣтъ о государевой покрутѣ, а тамъ покрута платить по той записи; а будетъ не въ записи былъ изорникъ, ино ихъ судити судомъ Псковской пошлинѣ» и еще двѣ подобныя же статьи объ изорникахъ; о сябрахъ же и подсусѣдникахъ читаемъ: «а кто на комъ учнетъ искати сябреннаго серебра или иного чего, опрочь купецкаго дѣла и гостебнаго, да и доску положитъ на то; ино то судить на того волю на комъ ищутъ—хочетъ, самъ поцѣлуетъ или своему истцу у креста положитъ, или съ нимъ на поле лѣзетъ»; «а кто съ кѣмъ растяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старыя и купленую свою грамоту; и его грамоты найдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти и сябри вси станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи, (въ печатномъ изданіи тутъ точка, но по нашему мнѣнію тутъ нужно запятую—слѣдующее слово значитъ «каждый») ктожъ за свою землю, да за борть да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возьмутъ, а той отведетъ у стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть; ино ему правда дати на своей части, а цѣлованью быть одному. А поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ, ино ему и судница дать на часъ, на которой поцѣлуетъ».—«А подсусѣднику на государя ссудьи (ссуды) или иного чего вольно искати, а которому съ кѣмъ суплетка была записью, или закладомъ и потомъ тотъ человѣкъ, который на записи былъ, или закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на томъ же чего искати, ссудьи, или сблюденія или иного чего, по доскамъ, или по торговли, ино то судомъ судити по Псковской пошлинѣ»—Пск. Суд. гр. по изданію *Мурзакевича*, стр. 13—16.

[2]) А. Ю., № 289, 1568.

общаго владѣнія, могли ихъ продавать [1]); поэтому мнѣніе Бѣляева, что сябры были какъ бы акціонерами общаго дѣла [2]), нужно признать совершенно правильнымъ; оно вполнѣ согласно съ древними грамотами, и данныя писцовыхъ книхъ тоже ничѣмъ не противорѣчатъ ему, ибо и по нимъ сябры были совершенно самостоятельны. Какъ и въ другихъ городахъ сѣверной части Россіи мы видимъ и тутъ очень небольшое число приходцевъ—именно, всего 11 человѣкъ; изъ нихъ одинъ посадскій человѣкъ, одинъ посадскій крестьянинъ, два шабра, четыре дворника у служилыхъ людей и о двухъ ничего болѣе не знаемъ; населеніе здѣсь, очевидно, уже прочно осѣло и не бродитъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію занятій жителей г. Торопца, мы почерпаемъ въ своемъ документѣ слѣдующія указанія: всего тутъ 79 лавокъ, изъ которыхъ только 4 принадлежали пушкарю, плотнику и воротнику, всѣ остальныя — посадскимъ тяглымъ людямъ; 40 лавокъ было въ большомъ ряду—«торгуютъ въ нихъ всякимъ товаромъ, сукны, и шелкомъ, и мелкимъ товаромъ щепетильемъ», и 27 лавокъ въ ряду мясномъ и рыбномъ; 12—на Егорьевской землѣ; съ лавокъ двухъ первыхъ рядовъ давали въ казну великаго князя [3]) оброку ежегодно по $6^1/_2$ руб., причемъ оброкъ разводили между собою торговцы, «по торговлѣ и по товару»; кромѣ того, платилось въ казну великаго князя ежегодно по 2 алт. съ каждаго изъ тѣхъ

---

[1]) А. Ю., № 2, 1483; № 90, 1578 г. купчая Кириллова монастыря на дворъ на Пенокоцкомъ посадѣ: «се язъ... продалъ есми... свой дворъ... Да язъ же Павелъ продалъ въ Пеноксѣ... розсолу три двѣнадцатыхъ сугреба четверть варницы, что есми тотъ разсолъ тотъ купливалъ у...; а въ сябрѣхъ тотъ разсолъ съ Семеномъ Григорьевымъ, да съ Васильевыми дѣтьми съ Ѳефилатьемъ, да съ Яковомъ, да съ Степаномъ и съ иными сябры»; послѣднія строки цѣликомъ повторены въ № 95, 1595 г., купчей на седьмую часть соляной варницы въ Неноксѣ же; отсюда видно, что сябренное владѣніе было значительно распространено, а не наблюдалось только въ Псковской области.

[2]) «Сябрами, или, правильнѣе, шабрами назывались владѣльцы общаго капитала по долямъ нераздѣльно, то же, что въ наше время акціонеры компаній. Сябренное владѣніе по псковскимъ законамъ могло быть и въ движимомъ, и въ недвижимомъ имѣніи. Сябренное владѣніе отличается отъ общиннаго, ибо въ общинномъ владѣніи доля общинника не составляетъ его полной собственности; напротивъ въ сябренномъ она составляетъ полную собственность сябра, которую онъ могъ продать, заложить, словомъ имѣлъ право на всякій видъ отчужденія». *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 362—363; *его-же*, Разсказы изъ рус. исторіи, III, 37—38, 53.

[3]) Замѣчательно, что въ этой книгѣ мы ни разу не встрѣчаемъ термина «государь» въ примѣненіи къ московскому государю, а всегда только «великій князь».

15 амбаровъ, которые прямо «изъ дворовъ» и въ которыхъ «торгуютъ всякимъ товаромъ пріѣзжая торговые люди изъ иныхъ городовъ»; относительно распредѣленія лавокъ замѣтимъ, что обыкновенно лавка принадлежала тутъ одному человѣку; всего два-три случая, что одна лавка принадлежитъ двумъ или тремъ; точно также рѣдки случаи, чтобы одинъ человѣкъ владѣлъ нѣсколькими лавками—одинъ человѣкъ имѣлъ 5 лавокъ, одинъ—3 лавки и человѣка три имѣли по 2 лавки. Лавки, стоявшія на землѣ Егорьевской соборной церкви, платили къ церкви—«со всякой лавки по гривенкѣ темьяну, итого 12 гривенокъ, да пошлины церковные св. Егорея сбираетъ староста вѣсчей съ пріѣзжихъ людей съ Литвы съ берковска съ соляного, съ 11 пудъ съ Московскихъ, по 4 д., а съ Московскихъ гостей и съ Новгородскихъ и съ иныхъ съ рубля съ Московскаго по деньгѣ, и того сбираютъ съ году на годъ по 3 р. Московскихъ, а иногды болше, а иногды меньши, а идутъ тѣ деньги на церковную потребу, на воскъ, и на темьянъ, и на просворы и на церковное строеніе, а попомъ того на подѣлъ не идетъ» [1]). Это замѣчаніе даетъ намъ косвенное указаніе на размѣры торговли въ Торопцѣ: отсюда видно, что привозилось сюда товаровъ едва-ли на 600 р. въ годъ [2]); точная цифра тутъ особенно интересна, такъ какъ мы можемъ точно опредѣлить все число жителей Торопца—его надо полагать не ниже 2,400 чел. [3]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію ремесленной дѣятельности жителей Торопца, мы находимъ тутъ 79 ремесленниковъ, изъ которыхъ 64 посадскіе люди, 10—шабры и другіе люди, живущіе на чужихъ дворахъ, и 5 — дворники; только 10 ремесленниковъ не имѣютъ дворовъ на посадѣ и слѣд., можетъ быть, не живутъ въ городѣ; слѣд., если считать отдѣльно людей, несомнѣнно живущихъ въ городѣ, то изъ нхъ числа ремесленниками 10—12%. Сравнительно со многими другими городами, именно городами по южной и восточной окраинѣ и подмосковными, здѣсь посадское населеніе занимается ремеслами значительно менѣе; но сравнительно съ новгородскими пригородами—мы видимъ здѣсь ремесленную дѣятель-

[1]) Лл. 30—31.

[2]) Несомнѣнно, что съ пріѣзжихъ литовскихъ гостей брали сравнительно больше чѣмъ съ московскихъ или новгородскихъ, но и по разсчету сборовъ съ однихъ только послѣднихъ получаемъ, что 3 р. были собираемы съ 600 р.

[3]) Помноживъ цифру всѣхъ жителей Торопца, кромѣ монаховъ и монахинь, на основаніи разсужденій, указанныхъ во введеніи, на 3,266 — получаемъ 2,350; прибавляя сюда монашествующихъ, получимъ 2,400.

ность гораздо болѣе разнообразную; кромѣ людей, приготовляющихъ предметы первой необходимости, тутъ находимъ серебряниковъ, сабельниковъ, сережниковъ, гусельниковъ, игольниковъ, даже кровопуска; всего разныхъ ремеслъ поименовано тутъ 33. Производя и здѣсь разсчетъ по четыремъ группамъ, которыя мы будемъ принимать всегда и далѣе, мы находимъ: ремесленниковъ, изготовляющихъ предметы питанія (I гр.) — 16 чел., т. е. 20% всего числа ремесленниковъ,—ремесленниковъ, изготовляющихъ разныя принадлежности одежды—(II гр.) и изготовляющихъ предметы домашняго обихода (III гр.) — по 20 чел., т. е. по 25% общаго ихъ числа, и наконецъ, занимающихся разными другими ремеслами— 23 чел., т. е. 30% всего числа ремесленниковъ [1]).

Изъ другихъ оброчныхъ статей города, кромѣ лавокъ на торгу, указаны рыбныя ловли, съ которыхъ оброку положено за пять бочекъ щучины $1^1/_2$ р.; о поземельныхъ владѣніяхъ торопчанъ сказано кратко: кромѣ довольно общаго опредѣленія границъ ихъ животинныхъ выпусковъ указано, что они косятъ еще 6,615 копенъ сѣна, за что платятъ $2^1/_4$ р. московскихъ оброку, и пашутъ пашню около города, за что оброку положено за дань 18 р. московскихъ; разводятъ же этотъ оброкъ посадскіе люди сами «по животомъ», или, какъ пояснено немного ниже, «по пашнямъ, и по косьбѣ, и по рыбнымъ ловлемъ»; такимъ образомъ, мы лишены возможности точно опредѣлить количество пашенной земли торопчанъ; но, судя по суммѣ оброка, который къ тому же съ покосовъ взимался въ размѣрѣ низшемъ противъ обыкновеннаго—по деньгѣ съ копны—количество пашенной земли было довольно значительно.

Для изученія положенія г. Устюжны въ XVI в. основнымъ источникомъ долженъ намъ послужить документъ, имѣющій слѣдующее заглавіе и начало: «Списокъ съ сотные письма и мѣры кн. Дмитрія Григорьевича Бѣльскаго съ товарищи Устюжны Желѣзо-

[1]) Мясниковъ 4
колачниковъ 8
рыболововъ 3
овсяниковъ 1
сапожниковъ 8
сыромятниковъ 3
скорняковъ 3
овчинниковъ 2
епанешниковъ 2
шапошниковъ 1
красильниковъ 1
кузнецовъ 7
котельниковъ 2
плотниковъ 2
сѣдельниковъ 2
ведерниковъ 1
гончаровъ 1
бочарниковъ 1
жерновниковъ 1
конюховъ 1
коровій пастухъ 1
серебряниковъ 4
вощечниковъ 3
сережниковъ 2
сабельниковъ 1
рогозниковъ 1
игольниковъ 1
щепетинниковъ ... 1
стружниковъ 1
кровопусковъ 1
гусельниковъ 1
скомороховъ 6
мыльниковъ 1

польскіе, а взяты съ списка у Устюженскаго челобитчика, у Ефремка у Бѣляшпова, а подлинная сотная отдана ему Ефремку назадъ. Л. 7105 г. февраля въ 26 д. дана сотная съ книгъ письма и мѣры кн. Д. Г. Бѣльскаго съ товарищи, Устюжны Желѣзопольскіе посадскимъ людямъ, а на посадѣ соборная церковь...» [1]) и т. д.; въ концѣ документа указано, что при подлинной сотной приложена печать кн. Д. Г. Бѣльскаго. Эти данныя и суть единственныя для опредѣленія времени, когда было составлено описаніе Устюжны: если при выписанной изъ него въ (7105) 1597 г. сотной приложена была печать писца—значитъ описаніе было или только-что окончено, или во всякомъ ужъ случаѣ относилось къ послѣдней четверти XVI в. [2]).

Главное содержаніе этого документа, какъ сотной, составляютъ данныя о тягломъ посадскомъ населеніи и о нѣкоторыхъ церквахъ съ ихъ духовенствомъ; замѣчательно, что обо всѣхъ, упомянутыхъ тутъ церквахъ, кромѣ собора и монастыря, сказано, что онѣ приходныя и что въ нихъ все церковное строеніе посадскихъ людей; изо всѣхъ этихъ церквей только одна ружная, но вм. руги ей дана земля; между тѣмъ въ другихъ городахъ мы встрѣтимъ церкви поставленія не только посадскихъ людей, но и церкви, поставленныя другими людьми, а также и поставленія царя; поэтому возможно, что тутъ, въ сотной, и изъ церквей описаны одни церкви посадскихъ людей, съ присоединеніемъ къ нимъ только собора и монастыря, какъ наиболѣе важныхъ въ городѣ, и можетъ быть оставлены безъ описанія еще нѣкоторыя церкви, къ которымъ посадскіе люди не имѣли ближайшихъ отношеній. Такимъ образомъ, изъ нашего документа мы получаемъ полныя свѣдѣнія о посадскомъ населеніи Устюжны и повидимому только частью—о духовенствѣ въ ней. Приведемъ сначала данныя о духовенствѣ, а затѣмъ—болѣе подробныя и полныя—о черныхъ людяхъ.

Всего въ сотной описаны и упомянуты съ соборомъ и монастыремъ—20 церквей, въ томъ числѣ одна безъ нѣнія; за исключеніемъ еще одной, всегда рядомъ указаны по двѣ церкви—отдѣльныя теплая и холодная, у которыхъ одни и тѣ же священнослужители; престоловъ всего 28, ибо въ соборѣ четыре придѣла и еще четыре же у другихъ четырехъ церквей; священнослужителей тутъ

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д. Приказныя дѣла, связка № 3, 1597 г., 78 л.

[2]) Намъ не удалось найти болѣе точныхъ указаній на годъ этого описанія.

упомянуто 32 и 2 сторожа: 4 черныхъ попа—въ трехъ дворахъ и кельѣ, 8 священниковъ въ 8 дворахъ, причемъ два въ двухъ дворахъ среди посадскихъ тяглыхъ, 2 священника, неуказанные въ дворахъ, по имѣющіе пожни, затѣмъ 2 дьякона, 7 попамарей и 6 церковныхъ дьячковъ, 3 проскурницы,—всѣ они жили каждый въ своемъ дворѣ, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: въ одномъ дворѣ жили вмѣстѣ попомарь и проскурница, дьячекъ и попомарь жили въ одномъ дворѣ со священникомъ своей церкви, одна проскурница жила не во дворѣ, а въ кельи, наконецъ одинъ сторожъ въ перечисленіи дворовъ не упомянутъ, а названъ лишь въ числѣ лицъ, получившихъ огородныя мѣста; кромѣ того, при церквахъ указаны еще 2 двора и 2 кельи проскурницъ и дворъ и келья попомарей, но безъ именъ людей, жившихъ въ нихъ,—вѣроятно, во время описанія они были пусты. Чернаго духовенства тутъ было строитель и 9 братовъ въ 6 кельяхъ въ монастырѣ, 26 келей при соборной церкви, въ которыхъ жили старцы и 1 старецъ по дворѣ среди дворовъ черныхъ тяглыхъ людей. Всего, слѣдовательно, духовенства съ иноками 69 чел., въ 25 дворахъ и 34 кельяхъ, да еще 3 двора и 3 кельи пустыя; старцевъ не менѣе 27 чел.

Какъ мы выше говорили, нѣсколько дворовъ духовныхъ лицъ переписано между дворами тяглыми; по итогу видно, что они сосчитаны вмѣстѣ съ тяглыми, и слѣдовательно, съ нихъ берутся и подати наравнѣ съ прочими; точно также не выдѣлены изъ числа посадскихъ и принадлежавшія церквамъ и духовенству пашни и пожни. Землю у церквей и духовенства находимъ тутъ какъ въ ряду пашенъ и поженъ посадскихъ людей, такъ и въ отдѣльныхъ пустошахъ и деревняхъ; всего земли у церквей и духовенства упомянуто въ нашей сотной: у церквей: $59^{3}/_{4}$ четвертей, о которыхъ прямо сказано, что по столько же и въ двухъ другихъ поляхъ, и 35 четвертей, о которыхъ этого не сказано, сѣна 98 копенъ и лѣсу 6 десятинъ; у отдѣльныхъ духовныхъ лицъ—$82^{3}/_{4}$ четв., о которыхъ сказано, что постольку же и въ двухъ другихъ поляхъ, и $4^{1}/_{2}$ чет., о которыхъ этого не сказано, сѣна 370 копенъ и лѣсу 35 дес.; затѣмъ еще церковному сторожу данъ огородъ въ 24 кв. саж. и крестьянину соборной церкви, неописанному въ ея слободѣ, $3^{1}/_{2}$ чет. земли безъ упоминанія о двухъ другихъ поляхъ. Въ этомъ итогѣ нами сосчитаны и отдѣльныя пожни и земля по тремъ деревнямъ трехъ церквей, обратившимся въ пусто—въ нихъ во время составленія книгъ было 11 м. дв. и въ одной — монастырскій коровій дворъ, на которомъ монастырскій слуга; кромѣ этихъ запу-

стѣвшихъ деревень, находимъ въ Устюжнѣ еще и населенныя деревни и слободы, принадлежавшія церквамъ. Именно, соборной церкви Рождества Богородицы принадлежала слобода, о которой въ книгѣ замѣчено: «живутъ въ ней торговые люди мастеровые»; въ этой слободѣ было 38 дворовъ, въ нихъ 38 чел., въ томъ числѣ двое бобылей, двѣ старицы, пять вдовъ и проскурница; затѣмъ 11 ремесленниковъ и одинъ палачъ; болѣе никакихъ свѣдѣній объ этой слободѣ въ нашей сотной не находится; нѣтъ указаній ни лавокъ, ни поженъ этихъ людей. У монастыря Ильинскаго была деревня, въ которой въ 6 дворахъ 6 человѣкъ крестьянъ, у которыхъ земли худой 15 четвертей [1]), сѣна 250 копенъ, лѣсу пашеннаго 15 десятинъ, непашеннаго—вдоль и поперекъ на версту; объ оброкѣ съ земли и объ обязанностяхъ этихъ крестьянъ къ монастырю ничего не сказано. Наконецъ, среди описанія посадскихъ тяглыхъ дворовъ читаемъ: «въ Ильинской улицѣ слободка, что поставилъ Никольскій игуменъ Іосифъ съ братьею на черныхъ мѣстѣхъ послѣ пожару, послѣ Ильина письма Плещеева, а даны были тѣ мѣста въ руги мѣсто и послѣ того по челобитью посадскихъ людей та слободка приписана къ посадскимъ къ тяглымъ людямъ, а къ Ильѣ пророку даютъ руги по 10 руб., а сами тянутъ государево тягло съ посадскими людьми ровно» [2])—и далѣе, до описанія дворовъ совершенно въ другомъ мѣстѣ («въ Троицкомъ концѣ»), перечислено 10 дворовъ, въ которыхъ 1 церковный дьячекъ, 3 бобыля, 1 убогая вдова и 14 молодшихъ людей, изъ которыхъ одинъ названъ пашеннымъ человѣкомъ, и 11—ремесленниками; и ихъ дворы всѣ сосчитаны въ общихъ итогахъ сотной. Совершенно ясно, что они тянутъ тягло, но не совсѣмъ ясно, кто платилъ въ монастырь 10 р. руги: посадскіе ли люди, по просьбѣ которыхъ приписана эта слобода отъ церкви къ посаду, или эти именно слобожане; прямыхъ указаній для рѣшенія этого нѣтъ, но болѣе вѣроятнымъ представляется первое, потому что 10 р. оброка для 10 дворовъ, которые должны тянуть еще и тягло, было бы слишкомъ тяжело и должно было бы вызвать запустѣніе слободы. Вотъ и всѣ данныя о духовенствѣ и церквахъ, которыя заключаются въ нашей сотной; существеннѣйшее ея содержаніе, какъ сказано, составляютъ данныя о тягломъ населеніи.

---

[1]) Въ подлинникѣ тутъ зачеркнуты слова «въ полѣ»; какъ нужно понять это—въ смыслѣ ли отсутствія двухъ другихъ полей, или въ смыслѣ несомнѣннаго ихъ присутствія—неясно.

[2]) Л. 30—30 об.

На посадѣ, по концамъ и улицамъ—послѣднія называются почти исключительно по именамъ церквей — описаны дворы подъ рубрикою: «на посадѣ же дворы тяглые»; владѣльцы ихъ въ большинствѣ случаевъ, хотя не всегда, отмѣчены словами «молодчій» или «середній» и за исключеніемъ выше отмѣченныхъ духовныхъ и еще нѣкоторыхъ бобылей—никакихъ другихъ людей тутъ владѣльцами дворовъ не указано. Всего дворовъ середнихъ 7, молодшихъ 127, бобылей и вдовъ 76, причемъ о послѣднихъ замѣчено, что они не положены въ сохи за худобою ихъ владѣльцевъ, которые скитаются межъ дворовъ. Обыкновенно во дворѣ указывается не одинъ человѣкъ, а два и даже три; случается, что во дворѣ не-бобылей указаны и бобыли и наоборотъ—у бобылей не-бобыли; но цифра 76 есть число тѣхъ дворовъ, гдѣ бобыли указаны первыми владѣльцами, остальные же дворы, гдѣ являются бобыли и вдовы, но гдѣ ихъ имя является не на первомъ мѣстѣ, сосчитаны въ числѣ тяглыхъ,— счетъ дворовъ сдѣланъ, очевидно, по первому владѣльцу, но люди сосчитаны независимо отъ того, въ какихъ дворахъ они жили, а соотвѣтственно тому, какъ они сами отмѣчены: въ книгѣ сказано: «дворовъ бобылей 76, а людей въ нихъ 124 чел.»—и эта цифра 124 есть число всѣхъ бобылей, какъ живущихъ своими дворами, такъ и живущихъ во дворахъ, первыми владѣльцами которыхъ указаны не бобыли. Счетъ людей у насъ и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, не сходится со счетомъ книги; но тутъ совершенно ясно, что причиною этого является то, что книга не вноситъ въ свои итоги всѣхъ даже взрослыхъ людей: у насъ получилось всего ровно 500 чел., тогда какъ книга даетъ 382 чел. (7 середнихъ, 251 мол. и 124 вдовъ и бобылей), но 118 человѣкъ, являющіеся лишними въ нашемъ итогѣ противъ итога книги,—это какъ разъ тѣ люди, которыхъ мы встрѣчаемъ лишь въ числѣ владѣльцевъ лавокъ и земли, не встрѣчая ихъ въ описаніи дворовъ; изъ ихъ числа 10 названы крестьянами разныхъ деревень, слѣдовательно, относительно ихъ, по крайней мѣрѣ, возможно предположеніе, что они въ Устюжнѣ и не жили; но несомнѣнно, что, владѣя тутъ землею вмѣстѣ съ горожанами, они вмѣстѣ съ ними несли и повинности —иначе ихъ участки не были бы записаны въ посадскую сотную; очевидно, слѣдовательно, что они имѣли частыя и близкія сношенія съ городомъ; потому мы и находимъ болѣе правильнымъ считать ихъ вмѣстѣ съ горожанами. Говоря о тягломъ населеніи, мы всюду употребляемъ, какъ болѣе удобное, выраженіе «владѣльцы дворовъ», хотя тутъ перечисляются не люди, владѣю-

щіе дворами, а дворы, «въ которыхъ живутъ» такіе-то люди. Среди жильцовъ въ посадскихъ тяглыхъ дворахъ 16 названы пашенными, 11 торговыми, 5—особо посадскими и еще посадскими же двое, поименованные только при описаніи земель, одинъ мастеровымъ человѣкомъ и одинъ земскимъ дьячкомъ; всѣ они сосчитаны въ общемъ итогѣ съ остальными жильцами посадскихъ дворовъ; но, какъ увидимъ ниже, торговые не занимаются торговлею болѣе другихъ, равно какъ и пашенные не исключительно и не болѣе другихъ пашутъ. Тяглые люди положены тутъ въ сохи и составляютъ $1^{7}/_{8}$ сохи, слѣдовательно приходится на соху 72 дв. Пустыхъ дворовъ въ Устюжнѣ было 17, мѣстъ пустыхъ 286—въ пустѣ $8^{7}/_{24}$ сохи; и хотя не совсѣмъ ясно, сосчитаны ли запустѣлымъ сошнымъ письмомъ только пустые дворы и мѣста, или и дворы бобыльскіе, о которыхъ тоже сказано, что они въ сохи тутъ не положены, но во всякомъ случаѣ очевидно, что прежде въ соху было положено дворовъ значительно менѣе, чѣмъ по тѣмъ книгамъ, съ которыхъ выписана сотная [1]),—это указываетъ на начавшееся и въ этихъ мѣстахъ къ концу вѣка обѣдиѣніе населенія, а большое число пустыхъ мѣстъ—на бѣгство населенія и отсюда. Въ описаніи посадскихъ тяглыхъ дворовъ читаемъ между прочимъ слѣдующее: «во дв. Мокейко Дмитріевъ калачникъ молодчій, да Семенъ Ивановъ котельникъ молодчій, да Самсонка Семеновъ калачникъ молодчій, да Пятунко Ивановъ Зайцевъ середній; дв. пустъ Пятунки Зайцева»,—т. е. видимъ тутъ ясный случай, что человѣкъ, имѣя свой дворъ, тѣмъ не менѣе бросалъ его и поселялся вмѣстѣ съ другими.

Огородовъ тутъ указано очень немного, настолько даже мало, что мы почти убѣждены, что почему-то указаны не всѣ огороды; притомъ нѣсколько разъ опредѣлены лишь границы ихъ, а не указана величина, но всего не наберется и 300 кв. саженъ; повидимому и здѣсь, какъ увидимъ и въ псковскихъ пригородахъ, полагался

---

[1]) «И всего на Устюжнѣ на посадѣ тяглыхъ середнихъ 7 дворовъ, а людей въ нихъ 7 чел., да молодчихъ кузнецовъ и молотниковъ 115 дв., да пашенныхъ 12 дв., и всего молодчихъ съ пашенными 127 дв., а людей въ нихъ 251 чел., а сошнаго письма въ живущемъ 2 сохи безполу (sic) четверти сохи; да убогихъ больныхъ и вдовъ 76 дв., а людей въ нихъ 124 чел., да 17 дв. пусты, да 286 м. дв., а бобыльскіе дворишки въ сошное письмо не положены для убожества, скитаются по миру. А въ пустѣ сошнаго письма 8 сохъ съ четью и пол-полтрети сохи.»—лл. 73–74; по старому же письму было положено въ соху или 35, или 37, или 41 дв., смотри по тому, что считать въ пустѣ: одни ли м. дв., или съ пустыми дворами, или даже еще съ дворами бобыльскими.

и былъ при каждомъ дворѣ и огородъ [1]); земли пашенной 260 ч., сѣна 5,200 копенъ; изъ этого числа нужно еще исключить 15 четв. земли и 308 копенъ сѣна, принадлежавшихъ духовенству и нами уже особо сосчитанныхъ; о количествѣ полей не сказано; но къ самому концу XVI в., къ которому относится нашъ документъ, трехпольная система, кажется, уже повсемѣстно распространилась; точно также не сказано, какая земля—добрая, середняя или худая; выше, какъ вы видѣли, при описаніи отдѣльныхъ пустошей церковныхъ, въ нихъ земля оказывалась худая. Изъ общаго числа пашни и сѣнокосу принадлежало 10-ти пашеннымъ 25½ четв. земли, 550 копенъ сѣна, 5-ти торговымъ 320 копенъ сѣна, 7 бобылямъ и 4 вдовамъ 9 четв. земли и 415 копенъ сѣна. Изъ этого мы видимъ во-первыхъ, что бобыли и вдовы имѣютъ землю очень немногіе и очень немного, затѣмъ, что пашенные вовсе не исключительно пашутъ, равно какъ торговые—не исключительно торгуютъ.

И здѣсь видимъ, какъ увидимъ и далѣе, особенно въ описаніи псковскихъ пригородовъ, постоянный, преобладающій фактъ, что у нивъ и пожень отмѣчаются два владѣльца: настоящій, во время составленія книги, и прежній. Изрѣдка встрѣчаемъ здѣсь при этомъ слова: «что была отца его, дяди его», но въ огромномъ большинствѣ случаевъ прежній владѣлецъ не былъ по крайней мѣрѣ близкимъ родственникомъ новаго; встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько разъ выраженія «что его же была старая пашня, пожня» [2]),—выраженія, очевидно, намекающія на возможность какой-то перемѣны, даже болѣе, на какую-то перемѣну, при которой то, что было во владѣніи одного человѣка, въ большинствѣ случаевъ переходило къ другому и только въ исключительныхъ оставалось у прежняго, что поэтому особо отмѣчалось; о куплѣ-продажѣ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ встрѣчаемъ упоминанія крайне рѣдко; замѣтимъ, наконецъ, что тутъ видимъ два или три случая, когда прежній владѣлецъ пожни налицо, а его земля находится въ пользованіи другого, безъ всякихъ указаній на основаніи чего. Мы еще остановимся на этихъ отношеніяхъ подробнѣе, когда будемъ разсматривать положеніе псковскихъ пригородовъ, въ описаніи которыхъ очень много подобныхъ фактовъ. Здѣсь же отмѣтимъ еще, что въ описаніи Устюжны не только не видимъ пустыхъ, никѣмъ

[1]) «Дано мѣстечко Андрейку Легкову, что у его двора и огороду нѣтъ»—л. 27 об.

[2]) Лл. 48 об., 55 об., 63.

незапятыхъ нивъ и поженъ, но еще указаны вновь расчищенными 3½ четв. пашни и сѣнокосъ на 445 копенъ.

Лавки въ Устюжнѣ, перечисленныя въ сотной, распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: изъ 100 ровно лавокъ и амбаровъ, 18-ти лавокъ пустыхъ и мѣстъ, данныхъ подъ лавки, шести торговымъ людямъ принадлежали 10 лавокъ и 1 мѣсто, пяти бобылямъ и вдовамъ—6½ лавокъ и 1 мѣсто, одному пашенному человѣку амбаръ, а остальныя 79½ лавокъ, 3 амбара и 16 мѣстъ принадлежали 72 человѣкамъ, о которыхъ ничего не сказано, кромѣ ихъ именъ и отчествъ; другихъ людей въ числѣ владѣльцевъ лавокъ не упомянуто, но вѣроятно лишь потому, что это сотная; намекъ же на то, что были и другія лавки, можно видѣть въ первыхъ же словахъ описанія торга: «на Устюжнѣ на посадѣ лавки въ разныхъ рядѣхъ, а торгуютъ въ нихъ торговые люди всякими разными товарами черезъ лавки, а не ряды, и стулы мясные»—а между тѣмъ, ни одного стула не описано, да и замѣчаніе «черезъ лавки, а не ряды» какъ бы указываетъ, что описаны не всѣ лавки каждаго ряда. Еще о торгѣ читаемъ въ самомъ концѣ сотной, что съ лавокъ оброку 4 р. 24 алт., да пошлинъ съ того оброку 9 а. 5 д., т. е. съ лавки приблизительно по 9½ денегъ, а пошлинъ съ рубля по 10 денегъ, какъ обыкновенно [1]). Болѣе никакихъ свѣдѣній о торгѣ или о предметахъ торговли не находимъ.

Ремесленниковъ упомянуто въ сотной 245 чел.; изъ нихъ 4—неимѣющіе дворовъ на посадѣ, 1 пашенный, 43 бобыля и 1 вдова, 2—названные посадскими людьми, остальные 193 чел.—перечисленные въ описаніи дворовъ тяглыхъ на посадѣ; изъ числа этихъ имѣющихъ дворы 34 имѣютъ еще землю, имъ же принадлежатъ еще 35 лавокъ, 1 амбаръ, 1 мельница и 1 м. лав.; приблизительно въ половинѣ случаевъ ремесленнику принадлежитъ лишь половина лавки, но есть случаи, что у одного ремесленника 2,3 лавки, разъ даже 5 лавокъ и 1 мѣсто. Наибольшее количество ремесленниковъ занималось въ Устюжнѣ и тогда желѣзнымъ дѣломъ, именно 119 чел.; если исключить этихъ 119 чел., какъ такихъ, появленіе которыхъ стояло въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій, то найдемъ, что ремесленниками въ Устюжнѣ были ровно 25% всего числа населенія; изъ нихъ занимались приготовленіемъ предметовъ питанія 51 чел., т. е. 40,5% общаго числа ремесленниковъ, при-

[1]) Лл. 39 об., 75.

готовленіемъ одежды—29 чел., т. е. 23%, приготовленіемъ предметовъ домашней обстановки—31, т. е. 24,6%, и наконецъ разными другими ремеслами—15 чел., т. е. 12% всего числа ремесленниковъ [1]). Можно еще замѣтить, что ни одинъ торговый человѣкъ не названъ ремесленникомъ; по торговыхъ людей тутъ такъ мало, что никакихъ выводовъ отсюда дѣлать нельзя. Наконецъ, изъ нашей сотной узнаемъ, что на площади, гдѣ помѣщался торгъ, были изба губная, возлѣ нея тюрьма въ тыну, изба таможенная и изба земская, «гдѣ судятся посадскіе люди» [2]).

Сверхъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, подобныхъ тѣмъ, какія извлекаемъ мы вообще изъ писцовыхъ книгъ, наша сотная даетъ еще точную цифру денежныхъ доходовъ со всего посадскаго населенія г. Устюжны. Вотъ что читаемъ мы непосредственно вслѣдъ за приведенными уже нами итогами перечисленныхъ дворовъ и людей и свѣдѣніями о разложеніи ихъ въ сохи:

«А государевыхъ доходовъ съ Устюжны:

За намѣстничьихъ пошлинныхъ людей доходовъ [3]) и за присудъ оброку и пошлинъ 17 рублевъ.

---

[1]) Есть случай, что одинъ гвоздарь—купецъ, одинъ судовщикъ еще названъ плотникомъ, и одинъ плотникъ еще сапожникомъ и молотникомъ; въ числѣ ремесленниковъ лишь одинъ средній. Вотъ полный списокъ упомянутыхъ въ сотной ремесленниковъ:

молотниковъ	66	прасоловъ	2	котельниковъ	1
кузнецовъ	34	кисельниковъ	1	сковородниковъ	1
угольниковъ	12	сапожниковъ	12	замочниковъ	1
смоляниковъ	3	портныхъ мастеровъ	8	судовщиковъ	1
желѣзниковъ	1	овчинниковъ	2	драничниковъ	4
укладниковъ	1	сыромятниковъ	1	щепетинниковъ	3
рудометовъ	1	лапотниковъ	1	пастуховъ	2
гвоздарей	1	ветошниковъ	1	перевозниковъ	1
хлѣбниковъ	13	гребенниковъ	1	шапниковъ (?)	1
колачниковъ	11	опоечниковъ	1	кавяковъ	1
мясниковъ	10	чулочниковъ	1	мельниковъ	1
соленниковъ	5	рукавичниковъ	1	серебряниковъ	1
солодовниковъ	4	плотниковъ	23	скомороховъ	1
рыболововъ	3	горшечниковъ	2		
пирожниковъ	2	свѣчниковъ	2		

[2]) Л. 44—44 об.

[3]) Вѣрнѣе, кажется, «за намѣстничь и ихъ пошлинныхъ людей доходъ»—такъ читается, какъ увидимъ далѣе, и въ книгѣ Можайска.

Съ пустоши съ Мальцовы [1]) за намѣстничьихъ людей доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ 1 р. 19 а. А ямскихъ денегъ платити имъ съ дву сохъ безъ получетверти сохи по чему государь укажетъ съ сохи.

Да пищальныхъ денегъ	16 р. 21 а. 2 д.
Таможенныхъ пошлинъ	122 р. съ полтиной.
Свальные пошлины	8 р. 30 а. 2 д.
Да съ животинныхъ выпусковъ да съ пустоши съ Мыльцовы оброку (4 р.) и пошлинъ (2 гр.)	4 р. 2 гр.
Съ рыбныхъ ловель оброку (4 р.) и пошлинъ (2 гр.)	4 р. 2 »
Да конюшенныхъ доходовъ, за сѣно оброку.	10 р. съ полт.
Да полоняничныхъ денегъ съ 2 сохъ безъ получетверти (по 2 р. съ сохи)	3 р. 25 а.
Да съ лавокъ оброку (4 р. 24 а.) и пошлинъ (9 а. 5 д.)	5 р. 3 д.

Пищальныхъ денегъ съ середнихъ дворовъ съ двора по 2 гр., а съ молодчихъ по 4 алт. со двора» [2]).

Подобныхъ данныхъ, рядомъ съ точными свѣдѣніями о числѣ жителей города, дошло до насъ очень немного и потому эти свѣдѣнія представляютъ значительный интересъ, но вслѣдствіе того же полное разсмотрѣніе и разъясненіе ихъ не представляется возможнымъ; поэтому мы и остановимся лишь на нѣкоторыхъ частностяхъ.

Оброкъ съ пожепъ и пашенной земли оказывается, сравнительно съ тѣмъ, что увидимъ мы относительно псковскихъ пригородовъ, очень низкимъ: 4 р. съ 230 четвертей—это среднимъ числомъ по 3,5 деньги съ чети; точно также низокъ оброкъ и съ животинныхъ выпусковъ, каковыми приходится считать здѣсь сѣнокосы, на которыхъ ставится 5,200 копенъ сѣна—по обыкновенному разсчету, по деньгѣ съ копны, нужно бы собирать тутъ съ однихъ сѣнокосовъ 26 р. Оброкъ со 100 лавокъ—944 д. довольно близокъ къ обыкновенному—2 алт., съ лавки, но ниже его. О пищальныхъ

---

[1]) Въ текстѣ сотной мы этого имени не встрѣтили; возможно, что это есть другое названіе одной изъ упомянутыхъ нами выше пустошей.

[2]) Лл. 74—75.

деньгахъ сказано тутъ два раза: сначала приведена общая цифра этихъ денегъ, а затѣмъ въ концѣ указано, поскольку бралось этихъ денегъ со двора середняго и молодшаго; если приложить указанный тутъ размѣръ сбора къ данному въ книгѣ числу дворовъ, то и выйдетъ именно 16 р. 21 а. 2 д. и это именно указываетъ, что платили эту подать, а слѣдовательно, вѣроятно и всѣ другія, т. е. тянули вообще все тягло, и всѣ дворы, перечисленные подъ рубрикою «тяглые», не исключая дворовъ и духовенства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ приведенныя тутъ цифры свальной пошлины и таможенныхъ доходовъ, простирающихся до 131 р. Мы видѣли, что въ Торопцѣ, гдѣ общая цифра населенія достигала 2,400 ч., всего привозилось товаровъ на сумму 600 р., слѣдовательно, абсолютно невѣроятно, чтобы собиралось 131 р. таможенныхъ доходовъ и свальной пошлины въ Устюжнѣ, гдѣ общее число черпаго населенія едва-ли превышало 1,700 чел., если мы не допустимъ, что наша сотная даетъ намъ свѣдѣнія лишь о нѣкоторой части всего ея населенія, а что городъ этотъ заключалъ всего жителей значительно большее число.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ свѣдѣнія, подобныя сейчасъ приведеннымъ, мы находимъ лишь въ книгѣ Можайска [1]), составленной въ то же время, какъ и наша сотная; совершенно такія же данныя заключаетъ еще отрывокъ изъ книгъ г. Вязьмы 7102 и 7103 года [2]); очень недалеко по времени отстоятъ тѣ книги Суздаля, которыя глухо упомянуты въ Суздальской

---

[1]) Книга Можайска въ (невышедшемъ) I т. Писц. книгъ Московскаго государства, изд. Геогр. общ., подъ редакціей Калачева, стр. 630—631.

[2]) Смолен. губ. вѣдомости, 1846, № 7: Взглядъ на уѣздный городъ Вязьму; въ выноскѣ на 2 стр. читаемъ: «въ писцовыхъ книгахъ Василія Волынскаго въ 102 и 103 гг. (1594—1595) написано: въ Вязьмѣ на посадѣ тяглыхъ лучшихъ и середнихъ и черныхъ и молодчихъ людей 500 дв., а людей въ нихъ 575 чел., а сошнаго племя (такъ напечатано, очевидно нужно: письма) было въ живущемъ 6½ сохъ и пол-пол-трети сохи, а пищальныхъ денегъ платили Вязьмичи пос. люди 125 р., со двора по 8 ал. по 2 д., да пошлинъ 20 а. 5 д., съ рубля по деньгѣ, да съ лавокъ и съ полковъ оброку и пошлинъ 10 р. 6 а. 3 д. И всего по Васильевымъ книгамъ Волынскаго Вязьмичи посадс. люди платили пищальныхъ денегъ, опричъ Троицкіе слободки, Ивановскаго монастыря слободки и съ лавокъ и съ полковъ и откупныхъ денегъ, и за намѣстничъ доходъ и за ихъ пошлинныхъ людей и за присудъ и мыту водяного и мѣхового и съ луговъ оброку и пошлинъ и всякихъ четвертныхъ доходовъ 234 р. 24 а. 5 д.».

писцовой книгѣ 1612 года [1]), и въ которыхъ тоже заключаются подобныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, по извѣстнымъ намъ писцовымъ книгамъ оказывается, что въ книгахъ, очень близкихъ къ 7101 году, были помѣщены такія свѣдѣнія, какихъ въ книгахъ ранѣе составленныхъ помѣщаемо не было. А этотъ фактъ получаетъ особый интересъ въ виду того, что въ послѣднее время профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ поставилъ въ связь съ записью ихъ въ книги 7101 года [2]). Приведенные нами факты, конечно, не разъясняютъ ничего прямо по этому вопросу, но не можетъ не привлекать нашего вниманія и тотъ уже фактъ, что книги, ближайшія къ 7101 году начинаютъ отличаться какою-то особенною подробностью, точностью въ опре-

---

[1]) Владим. губ. вѣдомости, 1843. № 25, стр. 101—102, въ статьѣ: «Описи Суздаля»: «пропуская исчисленіе жителей Суздаля по именамъ, выписываемъ здѣсь одинъ итогъ:... а всего по дозору Т. М. Лазарева да подьячаго Д. Жданова въ Суздалѣ на посадѣ, въ острогѣ и за острогомъ жилецкихъ посадскихъ 78 дв., а людей въ нихъ тожъ, да 19 дв., а люди изъ нихъ ходятъ по міру; да на посадѣ-жъ въ острогѣ и за острогомъ 60 м. дв. пустыхъ, а люди изъ нихъ ходятъ по міру, а иные разбрелись по городамъ и по селамъ безвѣстно; да на посадѣ-жъ... 251 м. дв. пустыхъ, а люди изъ нихъ отъ литовскихъ людей побиты и померли. А по старому дозору Я. Наумова съ товарищи *противъ платежныхъ книгъ 81 г.* въ Суздалѣ на посадѣ въ живущемъ было сошнаго письма 2 сохи съ четью сохи, а дворовъ было 414 дв. а денежныхъ доходовъ платили по платежнымъ книгамъ и по сказкѣ старостъ и цѣловальниковъ съ 2 сохъ съ четью сохи въ Большой Приходъ пищальныхъ денегъ 52 р. 32 а. 5½ д., да оброчныхъ денегъ платили въ Большой Приходъ 25 р. 26 а. 1 д., да въ Галицкую четь платили съ 2 сохъ съ четью сохи за присудъ оброку и пошлинъ 27 р. 4 а. И по дозору Т. Лазарева да подьячаго Д. Жданова убыло предъ прежнимп изъ живущаго въ пусто 2 сохи безъ чети сохи, денежныхъ доходовъ убыло въ Большой Приходъ пищальныхъ денегъ 41 р. 6 а. 5½ д.. да оброчныхъ денегъ убыло 21 р. 3 а. ½ д. А затѣмъ осталось въ Суздалѣ на посадѣ сошнаго письма ½ сохи, а денежныхъ доходовъ по новому дозору въ Большой Приходъ по сошному письму доведется имъ платити пищальныхъ денегъ 11 р. 26 а., да оброчныхъ денегъ платити имъ въ Большой Приходъ 5 р. 24 а. 2 д., да въ Галицкую четь платити имъ по новому дозору съ полу-жъ сохи за присудъ оброку и пошлинъ 6 р. 5½ д.».

[2]) «... И впредь прикрѣпленіе должно простираться на тѣхъ крестьянъ, которые «*въ книгахъ 101* (1592 или 1593 г. — въ текстѣ ошибочно 1692 или 1693) положены», чѣмъ указывается и на дату общихъ мѣръ Бориса. Но подъ этими «книгами» можно разумѣть лишь писцовыя книги; Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства».—*Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, I, 118.

дѣленіи повинностей и податей жителей городовъ. Въ виду этого весьма желательно было бы изученіе и уѣздныхъ книгъ писцовыхъ 7101 и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ; сохранилось же ихъ отъ этого времени довольно много—отъ тридцати, приблизительно, уѣздовъ; приведенные же сейчасъ примѣры даютъ надежду, что въ нихъ, быть можетъ, откроются свѣдѣнія, отличащіяся отъ сообщаемыхъ другими писцовыми книгами и быть можетъ — онѣ прольютъ новый свѣтъ на вопросъ о закрѣпощеніи крестьянъ, до сихъ поръ еще неразъясненный окончательно.

ГЛАВА III.

Псковскіе пригороды.

Документъ, содержащій описаніе псковскихъ пригородовъ [1]), отличается нѣкоторыми незначительными особенностями отъ другихъ писцовыхъ книгъ и приближается отчасти къ переписнымъ окладнымъ книгамъ новгородскимъ: онъ точно также не представляетъ описанія укрѣпленій и церквей, такъ что указаніями на нихъ служатъ лишь упоминанія разныхъ лицъ духовнаго званія причемъ всегда указывается, отъ какой церкви тотъ или другой; но описаніе лавокъ въ разсматриваемомъ теперь документѣ есть. Но такъ какъ описаніе псковскихъ пригородовъ составлено въ 1585—1588 гг., т. е. сейчасъ вслѣдъ за опустошеніемъ области Баторіемъ, то естественно рождается вопросъ—можетъ ли онъ дать вѣрное представленіе о положеніи городовъ этой области вообще, въ мирное время, при обыденномъ теченіи жизни? Отвѣтъ на это долженъ быть утвердительный. По нашему документу мы вполнѣ можемъ возстановить обыкновенное положеніе этихъ городовъ, благодаря тому, что книга постоянно сравниваетъ ихъ положеніе въ моментъ описанія съ прежнимъ ихъ состояніемъ, причемъ отмѣчаетъ не только, какое количество дворовъ, лавокъ, а иногда пивъ и огородовъ запустѣло въ послѣднее время, но еще сколько было «старой пустоты», т. е. при прежнемъ письмѣ—слѣд., сколько было пустоты при обыкновенномъ положеніи дѣлъ. Прямо въ нашемъ документѣ не указано, на какое именно письмо онъ ссылается; но въ лѣтописи подъ (7065) 1557 г. сохранилось извѣстіе, что въ это время начато было описаніе Пскова и его пригородовъ [2]). Совершенно помимо вопроса—первое это было опи-

[1]) Ркп. М. А. М. Ю. № 355, половины 1-ая и 2-ая и К. 827.

[2]) «Въ л. 7065. Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды, и земли мѣрити, и оброки велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша». П. С. Р. Л., IV, 309.

саніе или нѣтъ, очевидно, что книга 1585 г. ссылается на послѣднее предъ нею описаніе, а такъ какъ изъ лѣтописи мы узнаемъ, что было описаніе Псковской области въ концѣ 50-хъ годовъ XVI в. [1]), то, несомнѣнно, изучаемый нами теперь документъ ссылается или на него, или на другое какое-нибудь, между 1557 и 1585 годами, и, слѣдовательно, ссылки нашей книги даютъ намъ понятіе о положеніи псковскихъ пригородовъ не ранѣе половины XVI в. По описанію, которое мы теперь будемъ разбирать, всѣ они являются сильно запустѣвшими; что запустѣніе это явилось именно послѣ и вслѣдствіе войны, а не ранѣе отъ какой-либо другой причины, указываютъ нѣкоторые другіе источники: существующія въ рукописи книги устройныя новгородскихъ ямовъ по дорогамъ отъ Новгорода къ Москвѣ, Пскову и Орѣшку постоянно указываютъ на запустѣніе мѣстности именно послѣ прихода литовскаго короля [2]); лѣтопись тоже говоритъ, что во время Ливонской войны Іоаннъ Грозный опустошилъ свои города, переселивши будто бы изъ нихъ жителей въ города, только временно бывшіе въ его власти, а потомъ утраченные [3]); —мы не должны, конечно, принимать этого извѣстія цѣликомъ и считать главною причину, указываемую лѣтописью, но для насъ цѣнно указаніе лѣтописи на время запустѣнія этихъ городовъ.

Теперь мы приведемъ всѣ данныя, сообщаемыя нашимъ документомъ о каждомъ пригородѣ, а затѣмъ сдѣлаемъ общій обзоръ положенія ихъ до и послѣ войны; такой пересказъ документа, думается намъ, совершенно необходимъ въ виду того, что намъ приходится пользоваться источникомъ, доселѣ остающимся въ рукописи, а кромѣ того приводимыя нами цифровыя данныя, быть можетъ.

---

[1]) Д. А. И., I, № 224, 1579, заключаетъ выписку изъ описанія Пскова 1557. Такъ какъ въ 1579 г. ссылаются на это письмо, то очень вѣроятно, что и до 1585 новаго произведено не было.

[2]) Ркп. И. П. Б., Q, IV, 261, лл. 126—130 и далѣе, и др.; опустошенія литовцевъ простирались до Порхова и до второго отъ Новгорода яма по псковской дорогѣ — всего ихъ было пять. См. также *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, т. 2, в. I, 295—299.

[3]) Подъ 7078 г., послѣ краткаго разсказа о погромѣ Новгорода, лѣтописецъ говоритъ: «...и взятъ 24 города Ливонскіе и Вифляндскіе у нѣмецъ и своихъ людей посади съ нарядомъ и съ запасы, а запасы возили изъ дальнихъ городовъ изъ за-московныхъ, и наполни грады чужіе Русскими людьми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь, нѣмцы же собравшеся изъ за моря... всѣ тѣ городы очистиша себѣ и поймаша и людей побиша...» П. С. Р. Л., IV, 318.

послужатъ въ чемъ-нибудь и для другихъ изслѣдователей. Обращаясь теперь къ обзору положенія отдѣльныхъ пригородовъ, мы будемъ слѣдовать въ своемъ изложеніи такому порядку: начнемъ съ сѣвера, съ Гдова, затѣмъ разсмотримъ ближайшіе къ Пскову—Изборскъ и Островъ, затѣмъ—шесть меньшихъ пригородовъ, находившихся приблизительно въ серединѣ Псковской земли и особенно сильно пострадавшихъ, затѣмъ Воронечъ и Велье, тоже значительно, но уже менѣе потерпѣвшіе, и наконецъ — три пригорода юго-западнаго угла Псковской области—Красный, Опочку и Себежъ, изъ которыхъ Красный и Себежъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними по времени основанія [1]).

Населеніе Гдова [2]) составляли въ 1585—1588 гг. всего: 14 молодшихъ людей, 11 чел. дѣтей боярскихъ — въ числѣ ихъ намѣстникъ, воевода и городовой приказчикъ, — 100 стрѣльцовъ, 11 пушкарей, 5 воротниковъ, 1 ямщикъ, 1 тюремный сторожъ, 1 дворникъ на монастырскомъ дворѣ, 5 «людей» разныхъ дѣтей боярскихъ [3]), 3 вдовы, 2 бобыля и богадѣльные старцы въ двухъ избахъ, 3 священника, 1 дьяконъ. По прежнему же письму было во Гдовѣ черныхъ людей 290 дв., духовенства было еще 12 человѣкъ; прежде было еще 2 земскихъ дьячка; число воротниковъ и пушкарей не уменьшилось значительно—по крайней мѣрѣ, только два раза упомянуто о пустыхъ ихъ мѣстахъ. Сотня стрѣльцовъ поселена здѣсь на особомъ мѣстѣ, въ особой слободѣ, между тѣмъ какъ ратные люди другихъ наименованій живутъ въ перемежку съ людьми другихъ сословій; это поселеніе сотни стрѣльцовъ встрѣтимъ мы и въ другихъ пригородахъ Псковской земли: несомнѣнно, оно стояло въ связи съ войною, которая тутъ только-что кончилась; но въ нашемъ источникѣ никакихъ болѣе подробныхъ замѣчаній объ этомъ поселеніи стрѣльцовъ нѣтъ.

У трехъ дѣтей боярскихъ 2 двора и дворъ пустой въ городѣ;

---

[1]) Красный основанъ въ 1464 году—П. С. Р. Л., IV, 228, а Себежъ—въ 1535 г.—П. С. Р. Л., IV, 300 и др. Точнѣе указано мѣстоположеніе каждаго пригорода у *Костомарова*, Сѣверорусскія народоправства, II, 78—81.

[2]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 405—443.

[3]) «Дв. пустъ, а въ немъ Бориско Ульяновъ человѣкъ Русиновъ. Дв. пустъ, а въ немъ Савка Петровъ Русиновъ человѣкъ Елагина. Дв. пустъ, а въ немъ стоятъ Васильевы люди Плещеева...» «Дв. Алексѣя Колычева, а въ немъ Алексѣевъ человѣкъ Якимко Захаровъ...» Ркп. К. 827, лл. 408, 409, 412.; упомянутые тутъ Р. Елагинъ, В. Плещеевъ и А. Колычевъ названы въ описаніи Гдова же въ числѣ дѣтей боярскихъ.

воевода и городовой приказчикъ упомянуты лишь какъ владѣльцы огородовъ; у всѣхъ же остальныхъ, а также и у намѣстника (имѣвшаго уже дворъ въ городѣ) по двору на посадѣ. Черные люди всѣ живутъ во дворахъ на посадѣ; на посадѣ же у нихъ 2 бани; вся слобода стрѣлецкая въ городѣ; дворы четырехъ сотниковъ указаны особо; въ городѣ и на посадѣ у стрѣльцовъ по банѣ; у воротниковъ и у пушкарей въ городѣ 7 дв. и 4 м. и на посадѣ 12 дворовъ; одинъ воротникъ владѣетъ огородомъ, но двора у него не указано; у воротниковъ тоже по банѣ въ городѣ и на посадѣ. У духовныхъ лицъ особый дворъ лишь одинъ, въ которомъ живутъ священникъ и дьячекъ; остальные два священника живутъ, вѣроятно, у одного посадскаго человѣка, который одному изъ нихъ сынъ, а другому отецъ [1]); обѣ избы богадѣльныя помѣщались въ городѣ, въ дѣвичѣ монастырѣ; о сестрахъ въ немъ не упомянуто, но въ немъ есть поварня и пивная; наконецъ, во Гдовѣ видимъ дворъ кабацкій и два монастырскіе пріѣзжіе двора. Всѣ дворы въ городѣ и всѣ 4 бани — бѣлые, нетяглые; черные люди живутъ въ черныхъ тяглыхъ дворахъ; дворы же на посадѣ всѣхъ другихъ людей описаны, подъ заголовкомъ: «во Гдовѣ же дворы дѣтей боярскихъ, пушкарей и воротниковъ, а поставлены на черныхъ мѣстахъ, а на тѣ дворы оброкъ положенъ» [2]) и платятъ оброку—дѣти болрскіе по 50 д., остальные по 40 д. со двора, куда— не сказано.

Главнымъ занятіемъ населенія во Гдовѣ было земледѣліе; изъ всѣхъ людей, находившихся налицо при составленіи описанія, лишь одинъ названъ ремесленникомъ: стрѣлецъ-колачникъ; изъ прежде жившихъ тутъ людей, изъ которыхъ поименно названо болѣе 100 чел., лишь 14 отмѣчены ремесленниками и промышленниками; торговля тоже была развита незначительно — всего было тутъ 11 лавокъ и 9 клѣтей, платившихъ отъ 6 до 9 денегъ, всего 23 а. 2 д. (прежде было 41 л., оброка было 1 р. 15 а. 1 д.); торговали и черные и ратные люди и духовные — у первыхъ было 11 лавокъ и клѣтей, у вторыхъ 5, у духовныхъ, бобылей и богадѣльныхъ старцевъ 4; зато, какъ сказано, очень развито было земледѣліе и огородничество: оброчныхъ огородовъ было 35, почти

---

[1]) Есть посадскій человѣкъ Сава Тимофѣевъ Михновъ и священники— Антонъ Савинъ Михновъ и Тимофей Константиновъ.

[2]) Ркп. К. 827, л. 412.

на 4 десятины; безоброчныхъ—86, почти на 5 десятинъ [1]) (земля въ нихъ выражалась въ саженяхъ, указаніемъ длины и ширины огорода). Опредѣлить точно отношеніе между размѣромъ огорода и платою съ него—невозможно: часто съ огорода меньшаго платится больше чѣмъ съ бо́льшаго; сословіе, къ которому принадлежитъ владѣлецъ огорода, тоже неиграло никакой замѣтной роли,—оцѣнивались, главнымъ образомъ, вѣроятно, достоинство земли или другія какія-нибудь удобства въ хозяйственномъ отношеніи. Собственно говоря, нельзя совершенно точно опредѣлить пространство, занятое огородами оброчными и безоброчными, ибо въ числѣ оброчныхъ многіе огороды составлены изъ прежнихъ нѣсколькихъ, причемъ новый ихъ владѣлецъ долженъ платить оброкъ не со всѣхъ, а лишь съ нѣкоторыхъ, а одинъ или два пахать безоброчно «къ своему двору»—какъ изъ этой книги, какъ и изъ описанія другихъ псковскихъ пригородовъ ясно, что къ каждому двору принадлежалъ непремѣнно безоброчный огородъ, независимо отъ того, гдѣ приходилось ему помѣщаться. Всѣ оброчные огороды, за исключеніемъ одного, въ 1,260 кв. с., (принадлежащаго черному человѣку), оброкъ съ котораго не указанъ при описаніи города, давали 3 р. 4 а. — слѣд. съ чети огородной земли среднимъ числомъ приходилось 93 д. Между людьми разныхъ сословій оброчные огороды распредѣлены были во Гдовѣ слѣдующимъ образомъ: черные люди обработывали 5,400 кв. саж. и 4,140 кв. с. изъ нихъ оплачивали оброкомъ въ 354 д., духовенство, монастыри и церкви владѣли 3,080 кв. саж. земли и платили съ нея 244 д., во владѣніи всѣхъ другихъ людей находилось 1780 кв. с., оплачиваемыхъ 72-мя деньгами; слѣд., чернымъ людямъ принадлежало 58% всего числа оброчныхъ огородовъ, духовенству—33%, всѣмъ остальнымъ — 9%; черные люди платили съ чети приблизительно 105 д., духовные владѣльцы—95 д., всѣ остальные—50 д. Огороды безоброчные распредѣлены были такъ: чернымъ людямъ принадлежало 5,270 кв. с., духовенству 490, церквамъ и монастырямъ 2,600, дѣтямъ боярскимъ 754, стрѣльцамъ 2580, пушкарямъ и воротникамъ 273, бобылямъ и вдовамъ—336, т. е. чернымъ людямъ 43% всего пространства безоброчныхъ огородовъ, духовнымъ владѣльцамъ 25%, стрѣльцамъ 21%, дѣтямъ боярскимъ 6%, всѣмъ остальнымъ—5%. Можно бы еще разсчитать, по скольку приходится тутъ земли въ тѣхъ и

[1]) Первыхъ на 9,260 кв. саж., вторыхъ на 9,547 кв. саж. и еще безоброчныхъ стрѣлецкихъ огородовъ 2,580 кв. саж.

другихъ огородахъ на дворъ и на человѣка, того или другого сословія, но распредѣленіе, даже въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго сословія, такъ неравномѣрно [1]), что средняя цифра ничего не будетъ доказывать.

Наряду съ такимъ значительнымъ пространствомъ огородовъ пашни во Гдовѣ сравнительно немного; оброчныхъ нивъ (двухъ черныхъ людей, воротника и бобылей) всего 4, въ нихъ пашни паханой $4^1/_2$ четв. ($2^3/_4$ доброй и $1^3/_4$ худой), перелогу $3^1/_2$ четв. и 12 копенъ сѣна; оброку съ нихъ шло 1 р. 25 а.; въ пустѣ лежали 5 нивъ черныхъ людей и одна нива монастыря; земли въ нихъ всего 6 четв. доброй и середней, оброку въ пустѣ 2 р. 20 д. Нивъ безоброчныхъ 30, въ нихъ пашни паханой 17 ч. (по 8 добр. и сер. и 1 четв. худой) и перелогомъ $82^1/_2$ четв. ($58^1/_2$ четв. доброй, $10^1/_2$ середней и $13^1/_2$ худой), сѣна 93 копны. Всѣ эти нивы, кромѣ одной небольшой, раздѣлены на 3 поля равной величины каждое; одна же нива псковскаго монастыря заключала по 9 четв доброй земли перелогу лишь въ 2-хъ «слѣтьяхъ», какъ тутъ называются поля, а «третьяго нѣтъ», замѣчено въ книгѣ. Изъ этого числа пять нивъ, заключающія $1^1/_2$ четв. паханой земли и 22 четв. перелогу (почти поровну) въ трехъ поляхъ, принадлежали тремъ псковскимъ церквамъ и монастырямъ; всѣ остальные подѣлены между шестью гдовскими церквами и проскурницей.

Изборскъ мы видимъ [2]) въ состояніи немного меньшаго запустѣнія. Его населеніе составляли 11 черныхъ посадскихъ людей [3]), 20 крестьянъ дворцовыхъ и 10 крестьянъ разныхъ лицъ, 2 дворника, 100 стрѣльцовъ, 2 воротника, 15 пушкарей, 2 бобыля и вдова, нищіе старцы въ 2 избахъ, 16 человѣкъ духовенства; тутъ были намѣстникъ, городовой приказчикъ и имѣлъ мѣсто дворовое земецъ. И здѣсь населеніе стало значительно малолюднѣе, чѣмъ было прежде. Прежде тутъ было въ самомъ городѣ 57 осадныхъ дворовъ тяглыхъ людей и 15 мѣстъ старой пустоты, еще въ го-

---

[1]) Такъ, напр., одному черному человѣку принадлежало 1,920 кв. саж. земли въ огородахъ оброчныхъ и 160 кв. саж. въ безоброчныхъ (всего 2080), другому же—въ оброчныхъ 770 и въ безоброчныхъ 110 (всего 880).

[2]) Ркп. М. А. М. Ю., № 355, пол. 2-ая, лл. 643—662.

[3]) Собственно, жившіе въ Изборскѣ въ книгѣ не обозначены посадскими тяглыми людьми; но что всѣ они принадлежатъ къ низшему сословію, видно изъ того, что жили они въ тяглыхъ дворахъ, имѣли лавки и почти сплошь не имѣютъ фамилій; а въ писцовыхъ книгахъ обыкновенно только посадскіе люди да люди служилые называются безъ болѣе точнаго указанія ихъ сословія.

родѣ же были 21 обр. лавка; въ моментъ составленія книги именно на мѣстахъ, прежде занятыхъ дворами, стояли всѣ дворы, находившіеся въ самомъ городѣ; въ 53 изъ нихъ жили ратные люди [5]), но они должны были переселиться на посадъ, гдѣ имъ отведены были мѣста; на мѣстѣ лавокъ стояли клѣти и житницы разныхъ людей, обложенные оброкомъ, причемъ замѣчательно, что оброку шло болѣе, чѣмъ прежде, именно 2 р. 27 а. 5 д., вм. прежнихъ 2 р. 18 а. 3 д.; оброкъ тутъ довольно равномѣрный—3 или $3^1/_2$ а. съ клѣти (только по разу 1 а. и $4^1/_2$ ал.) и 6 алт. съ житницы. На посадѣ прежде было 57 дв. тяглыхъ черныхъ, изъ которыхъ въ моментъ составленія описанія осталось лишь 4. Полное совпаденіе числа осадныхъ дворовъ въ городѣ и числа дворовъ тяглыхъ на посадѣ по старому письму какъ бы намекаетъ, что прежде каждый человѣкъ, кромѣ двора на посадѣ, имѣлъ дворъ осадный въ городѣ. Интересно, что въ итогѣ книги всѣ 57 дв. въ городѣ названы пустыми, не смотря на то, что большинство изъ нихъ отмѣчены, какъ занятые разными людьми; насъ удивляетъ еще слѣдующее обстоятельство: имена людей, живущихъ въ этихъ дворахъ, читаемъ всегда такъ: «во дворѣ такой-то» — за исключеніемъ крестьянъ, имена которыхъ стоятъ въ родительномъ падежѣ; какъ увидимъ далѣе, въ родительномъ падежѣ при описаніи дворовъ ставятся имена полныхъ владѣльцевъ своихъ дворовъ, каковы обыкновенно люди служилые, въ противоположность неполнымъ владѣльцамъ дворовъ, людямъ черпымъ, имена которыхъ стоятъ всегда въ именительномъ падежѣ; но и такое обозначеніе въ книгѣ Изборска крестьянъ не мѣшаетъ считать пустыми занятые ими дворы.

Изъ тѣхъ людей, которыхъ мы назвали черными посадскими, четверо имѣли 3 двора въ городѣ, въ числѣ тѣхъ, которые должны быть перенесены на посадъ, двое по клѣти, въ числѣ тѣхъ, которыя описаны подъ заголовкомъ: «въ городѣ же клѣти и житницы, а были мѣста черныя, дворовыя и лавочныя» и съ которыхъ, какъ мы говорили, сбирался оброкъ, и трое –тяглые дворы на посадѣ; остальные упомянуты лишь въ числѣ владѣльцевъ пивъ

[1]) Ркп. 355—2, л. 643: «въ городѣ дворы осадные тяглыхъ людей. а нынѣ въ нихъ живутъ сотникъ стрѣлецкій (въ подлинникѣ ни знака припинанія, ни союза—нѣтъ) городовой прикащикъ, и пушкари, и воротники и стрѣльцы и впредь въ тѣхъ дворѣхъ сотнику, и стрѣльцамъ, и пушкарямъ не жити. а жити имъ на посадѣ, а тѣ дворы отдавати черпымъ людямъ, кто похочетъ изъ тягла взяти. А сотнику, и стрѣльцамъ, и пушкаремъ на посадѣ отведена слобода».

или огородовъ. Изъ дворцовыхъ крестьянъ приказчикъ жилъ въ пустомъ тягломъ дворѣ на посадѣ, четверо имѣли дворы въ городѣ, 14, а также одинъ изъ имѣвшихъ дворы въ городѣ, имѣли клѣти въ числѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, наконецъ одинъ упомянутъ лишь какъ владѣлецъ пивы; изъ крестьянъ недворцовыхъ трое имѣли два двора въ городѣ, остальные и одинъ изъ первыхъ —оброчныя клѣти. Изъ стрѣльцовъ 26 чел. имѣли 21 дворъ въ городѣ; изъ этихъ же 26-ти человѣкъ одинъ имѣлъ лавку, одинъ получилъ бѣлое мѣсто подъ дворъ на посадѣ; кромѣ того, еще одинъ жилъ въ бѣломъ дворѣ на посадѣ; всѣмъ стрѣльцамъ назначено особое мѣсто подъ слободу. У воротниковъ 3 двора въ городѣ и 1 дв. бѣлый на посадѣ; у 9 пушкарей дворы въ городѣ у 3-хъ на посадѣ, у одного и въ городѣ и на посадѣ, и двое упомянуты лишь какъ владѣльцы мѣстъ дворовыхъ на посадѣ: кромѣ того, пушкарямъ же принадлежало 8 лавокъ и клѣтей оброчныхъ и дано было 8 мѣстъ бѣлыхъ подъ дворы на посадѣ. Изъ числа духовныхъ 9 человѣкъ имѣли 9 дворовъ въ городѣ, дворъ бѣлый и 2 мѣста бѣлыя на посадѣ, одинъ имѣлъ оброчную клѣть, трое дворы бѣлые и трое мѣста бѣлыя на посадѣ. Кромѣ того, Печерскому монастырю принадлежали дворъ въ городѣ и 2 житницы оброчныя и двумъ церквамъ по одной оброчной клѣти: оба дворника жили на дворѣ Печерскаго монастыря. На посадѣ находились лавки оброчныя и съ нихъ платили оброкъ всѣ владѣвшіе ими люди, безъ различія сословій, хотя, кромѣ черныхъ людей, всѣ остальные имѣли или бѣлые дворы, или получили бѣлыя мѣста. Всего лавокъ тутъ было 12, вмѣсто прежнихъ 4 л. и 1 скамьи; оброку съ нихъ, довольно равномѣрно распредѣленнаго (отъ 8 до 12 д. съ лавки) шло 22 а. 1 д., вмѣсто прежнихъ 8 алт. Наконецъ, на посадѣ же еще 40 м. дворовыхъ и 2 дв. пусты «опричь тѣхъ дворовъ, которые пашутъ огородами».

Огороды въ Изборскѣ всѣ оброчные; занято ими до 6,000 кв саж. [1]); нѣсколько разъ упомянуты при оброчныхъ огородахъ сады, разъ даже отдѣльно указанъ садъ Печерскаго монастыря, платящій оброку 10 алт. (выше этого оброка встрѣчаемъ тутъ

---

[1]) Говоримъ приблизительно, потому что въ книгѣ почему-то пропущено опредѣленіе величины одного огорода, судя по оброку, небольшаго, а затѣмъ сказано просто безъ указанія размѣровъ: «садъ Печерскаго монастыря»; точно описанные огороды занимали 5,898 кв. саж.

только два раза—4 гривны и 1 р. 5 алт.) [1]); всего платится тутъ за огороды и сады 3 р. 23 алт., слѣдовательно, за исключеніемъ указанныхъ сейчасъ 10 алт., 3 р. 13 алт., что дастъ среднимъ числомъ съ чети до 120 д.; но, вѣроятно, на такое повышеніе оброка повліяло именно присутствіе тутъ садовъ, ибо тѣ огороды платятъ сравнительно гораздо дороже, при которыхъ указаны сады. Наибольшая часть огородовъ принадлежала тутъ пушкарямъ: они имѣли подъ огородами 4,460 кв. с., съ которыхъ платили 1 р. 13 а.; далѣе стрѣльцы имѣли 450 кв. с., платили полтину, духовные имѣли 400 кв. с., платили 190 д., черные имѣли 294 кв. с. и платили 30 д., бобыли имѣли 115 кв. с., земскій дьячекъ—70, дворникъ—84 кв. с., и платили первые 38, второй и третій—по 20 д. Насъ удивляетъ небольшое количество огородовъ у сотни стрѣльцовъ и у черныхъ людей, тѣмъ болѣе, что огородъ въ 294 кв. саж., принадлежавшій одному изъ нихъ, былъ почему-то на оброкѣ за однимъ изъ бобылей; вѣроятно, здѣсь были болѣе обширные огороды при дворахъ, обыкновенно неописываемые; и дѣйствительно, стрѣльцы получили земли подъ дворы 4,400 кв. с.,—тутъ, конечно, можно было устроить и огороды.

Небольшое, сравнительно, количество огородной земли вознаграждается здѣсь большимъ пространствомъ пашенной. Всего жители Изборска обработывали по 116¼ чети въ каждомъ изъ трехъ полей—трехпольная система тутъ установлена совершенно правильно—и косили на 273 копны сѣнокосу. Земля тутъ вся добрая и паханая, а не переложная; обложена она совершенно равномѣрно: разсматривая итогъ пашни и оброка (8 р. 13 а. 1 д.), мы увидимъ, что тутъ приходится по 2 алт. съ чети доброй земли и по 1 деньгѣ съ копны сѣна [2]) и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ви-

---

[1]) Въ описаніи Гдова также нѣсколько разъ упоминаются сады съ яблоновыми и рябиновыми деревцами,—ркп. К. 827, лл. 422, 426, 427.

[2]) Три раза земля обложена какъ бы съ небольшими отступленіями отъ этого разсчета, но въ этихъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, описки книги: разъ читаемъ: «Нива Илейкинская Демидова, а нынѣ за Печерскимъ монастыремъ, пашни паханые д. в. 3 осм., оброку 3 а. 3 д.»—(л. 658 об.) — но тутъ, очевидно, пропущено 3 копны сѣны, что и подтверждается тѣмъ, что если мы тутъ не прибавимъ 3 копенъ, то въ итогѣ ихъ получимъ на 3 копны меньше, чѣмъ считаетъ книга; затѣмъ при описаніи двухъ нивъ Печерскаго монастыря въ одномъ случаѣ оброкъ показанъ на 1 алтынъ больше, а въ другомъ—на алтынъ же меньше, чѣмъ бы слѣдовалъ по нашему разсчету; но значеніе этой ошибки еще ослабляется, если мы обратимъ вниманіе, что въ обоихъ

димъ какъ разъ такое же обложеніе. Въ виду полнаго соотвѣтствія величины оброка и величины пашни мы не будемъ приводить цифръ, а скажемъ просто, что духовенство и церкви владѣли 45% всего числа пашенной земли, пушкари почти 38%, крестьяне дворцовые немного менѣе чѣмъ 8%, черные люди немного менѣе чѣмъ 6%, бобыли менѣе чѣмъ 3% и воротники—менѣе чѣмъ 2%; прочія сословія и вовсе не имѣли оброчныхъ пашенъ. Ремесленниковъ и здѣсь, какъ во Гдовѣ, едва нѣсколько человѣкъ; приходцевъ тоже ничтожное количество; но о нихъ мы скажемъ подробнѣе послѣ того, какъ соберемъ данныя обо всѣхъ псковскихъ пригородахъ.

Г. Островъ по описи 1585—1588 г. [1]) почти не имѣлъ посадскаго чернаго населенія; его населеніе составляли почти исключительно ратные люди: 100 стрѣльцовъ съ сотникомъ, 20 пушкарей, 2 воротника, 1 зелейный мастеръ; далѣе намѣстникъ, городовой приказчикъ, осадный голова и одинъ (повидимому) сынъ боярскій [2]); далѣе 9 лицъ духовныхъ, нищіе въ богадѣльной избѣ, двое мельниковъ на монастырскихъ мельницахъ; кромѣ дворовъ, запятыхъ этими людьми, есть монастырскій дворъ; наконецъ, одинъ тутъ былъ крестьянинъ и еще 3 какіе-то человѣка показаны въ числѣ владѣльцевъ лавокъ, названные лишь уменьшительными именами, безъ всякихъ другихъ обозначеній; всего естественнѣе было бы считать ихъ посадскими черными людьми, но отсутствіе хотя бы даже одного чернаго посадскаго двора заставляетъ думать, что эти три человѣка были, вѣроятно, стрѣльцы, которыхъ тутъ было всего больше и которые къ тому же по именамъ при описаніи ихъ отдѣльныхъ слободъ не называются. Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы не можемъ считать тутъ болѣе четырехъ тяглыхъ людей. Прежде же городъ Островъ былъ значительно

случаяхъ описываются нивы одного и того же монастыря. У насъ получилась разница съ итогомъ книги: число денегъ совершенно сходится, но земли не 119 четв. съ полуосминною, какъ сказано въ книгѣ, а 116¼, но нашъ итогъ сходится съ текстомъ. Оброкъ тутъ взимается не съ 116¼ четв., а съ круглой цифры 117 и кромѣ того, въ самомъ концѣ описанія описаны двѣ поженки «отхожія», съ которыхъ почему-то взято на 2 алт. болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по разсчету, примѣнявшемуся ко всѣмъ другимъ пожнямъ.

[1]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 547—572.

[2]) «Володя Рогошинскій» имѣлъ дворъ въ городѣ; лишь при его имени нѣтъ никакого опредѣленія, а въ итогѣ городскихъ дворовъ читаемъ:—6 дворовъ, 11 клѣтей, двои сѣни *дѣтей боярскихъ*, и пушкарей, и воротниковъ, и поповъ, и дьячковъ церковныхъ».—Ркп. К. 827, л. 548.

болѣе населенъ: на посадѣ было по прежнему письму 204 дв. черныхъ тяглыхъ людей и 3 двора и мѣсто оброчные; старой пустоты было на посадѣ до 1,000 кв. саж., о числѣ дворовъ на которыхъ писцы уже не собрали свѣдѣній: въ самомъ городѣ было 258 клѣтей для осаднаго времени, прежде было тутъ 28 лавокъ, платившихъ 1 р. 30 а. 2 д., осталось вмѣсто того 10, съ которыхъ платилось 17 а. 2 д. По описи 1585—1588 г. всѣ стрѣльцы жили въ слободѣ, занимавшей до 8,000 кв. саж., на мѣстѣ прежнихъ черныхъ дворовъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ клѣть въ городѣ, другой лавку на посадѣ; воротники имѣли избу да клѣть въ городѣ, а на посадѣ даны были имъ два мѣста; 15 пушкарей всѣ жили на посадѣ въ 15 дворахъ, трое изъ нихъ имѣли клѣти въ городѣ и одинъ изъ этихъ трехъ мѣсто на посадѣ; четверо пушкарей записаны въ книгѣ поручителями въ оброкѣ по одномъ человѣкѣ, пятый указанъ въ числѣ владѣльцевъ огородовъ; по дворовъ своихъ послѣдніе пятеро не имѣли; трое пушкарей имѣли 4 лавки. Изъ лицъ духовныхъ священниковъ двое: одинъ имѣлъ клѣть и дворишко въ городѣ, другой жилъ во дворѣ на посадѣ и имѣлъ лавку; дьяконъ, дьячекъ, пономарь и 2 старца церковные показаны во дворахъ на посадѣ, и еще два дьячка имѣли избы въ городѣ; одна клѣть въ городѣ принадлежала церкви. Упомянутый крестьянинъ владѣлъ тутъ лавкою. Ремесленниковъ вовсе не указано; главнѣйшимъ занятіемъ жителей было, очевидно, земледѣліе.

Земли паханой въ Островѣ было въ живущемъ 169 ч. доброй и 18 копенъ сѣна, и въ пустѣ $44^3/_4$ чети д. з., 2 чети худой и $8^3/_4$ чети перелогу, сѣна 13 копенъ. Земля раздѣлена на три поля далеко не правильно: очень часто всего одно поле, иногда два и всего рѣже—три; если отдѣльно сосчитать землю въ первомъ полѣ и въ двухъ другихъ, то получимъ 82 ч. и 87 ч. въ живущемъ и $22^3/_4$ чети и 22 чети—въ пустѣ. Разсматривая подробнѣе данныя о земледѣліи въ Островѣ, видимъ, что духовенству, монастырямъ и церквамъ принадлежало земли въ первомъ полѣ $45^1/_2$ четей, въ остальныхъ—44 ч., сѣна 8 копенъ; оброку платилось 2 р. 9 а. 2 д.; пушкарямъ—11 ч. въ первомъ полѣ и 2 ч. въ въ другихъ, оброку съ нихъ всего 10 а. 1 д. [1]); старцы богадѣльной избы имѣли въ одномъ только полѣ $5^3/_4$ четей, оброку платили 3 а. 4 д.; наконецъ, у осаднаго головы было $20^1/_2$ ч. въ

[1]) При описаніи одной нивы пушкаря указанъ лишь оброкъ съ нея 40 д., а размѣры нивы не указаны.

каждомъ изъ трехъ полей, оброку онъ платилъ 1 р. 17 а. 2 д.; вся земля въ пустѣ принадлежала духовенству, кромѣ одного поля въ $1^3/_4$ чети, принадлежавшаго прежде воротнику и оплачивавшагося 10-ю деньгами; всего оброку въ пустѣ 1 р. 10 а. 5 д. Обложеніе земли тутъ несовершенно равномѣрно, но колебанія незначительны и совершенно ясно выступаетъ средняя величина оброка—5 денегъ съ чети доброй земли въ каждомъ полѣ, 15 денегъ съ чети во всѣхъ трехъ поляхъ. Кромѣ оброчныхъ, находимъ въ Островѣ и безоброчныя нивы—всѣ съ правильнымъ раздѣленіемъ на три поля: у церкви Николы Чудотворца $33^3/_4$ чет. въ каждомъ изъ трехъ полей и 30 копенъ сѣна, и у богадѣльныхъ старцевъ $5^1/_2$ четей въ каждомъ полѣ, 10 копенъ сѣна. Обложеніе земли мы видимъ тутъ нѣсколько высшее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; обложеніе же земли огородной нѣсколько ниже—именно, приходится приблизительно по 64 д. съ чети земли подъ огородами: всего оброчныхъ огородовъ тутъ 7,120 кв. с., оброку съ нихъ 1 р. 30 а. 1 д.; изъ этого числа 2,100 кв. с. принадлежало пушкарямъ (оброку 20 алт.), 1,110—духовенству (оброку 13 а. 5 д.), 476—памѣстнику (оброку 2 а. 4 д.) и наконецъ 3,440 кв. с. даны зелейному мастеру, причемъ оброкъ долженъ онъ былъ внести впервые 1-го сентября 1588 года. Стрѣльцы тутъ совершенно не имѣли оброчныхъ огородовъ; отдѣльныхъ безоброчныхъ огородовъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ не описано. Было въ Островѣ во время описи двѣ мельницы—одна псковскаго монастыря, другая островской церкви; оброку онѣ платили 4 р. 11 а. 1 д., вмѣсто прежнихъ 13 р.; тутъ же рядомъ было 3 мѣста мельничныхъ, съ которыхъ оброкъ не взимался.

Пригороды Володимеръ, Вревъ, Выборъ, Вышгородъ, Дубковъ и Кобылье [1]) мы находимъ въ состояніи полнаго разоренія. Въ книгѣ всѣ эти города названы уже не *городами*, а *городищами* [2]); въ каждомъ изъ нихъ, однако, кромѣ Врева, *указанъ дворъ* памѣстничъ; но только о дворѣ въ Кобыльи *сказано*, что «*живетъ* на немъ губной староста», *хотя хоромы и развалились; объ* остальныхъ же прямо не *сказано*, что въ *нихъ никто не живетъ*, но еще два раза замѣчено, что хоромы *гнилы и развалились*, да и вообще положеніе этихъ городовъ таково, что трудно предполагать въ нихъ

[1]) Описаніе Володимерца ркп. К. 827, л. 791, Врева—лл. 744—747, Выбора—лл. 732—734, Вышгорода—л. 613, Дубкова—лл. 723—724, Кобылья—ркп. 355, пол. 2-ая, л. 584—587.

[2]) О Вревѣ сказано: «городище, что былъ городокъ Вревъ».

намѣстниковъ; изъ другихъ нежилыхъ дворовъ указанъ однажды (въ Выборѣ) дворъ кабацкій. Все населеніе этихъ городовъ въ изучаемое время состояло изъ духовенства, молодыхъ тяглыхъ людей [1]) и бобылей—ни ратныхъ, ни служилыхъ людей мы тутъ не встрѣчаемъ. Всего въ этихъ городахъ 14 дворовъ духовенства, нетяглыхъ (3 въ Кобыльи, 4 въ Вышгородѣ и 7 въ Выборѣ; притомъ въ Выборѣ одинъ дворъ монастырскій и въ одномъ два человѣка) и 15 дв. тяглыхъ: 7 дворовъ молодыхъ людей (2 въ Кобыльи, 2 въ Выборѣ—въ нихъ три человѣка, и 3 въ Володимерцѣ) и 8 дворовъ бобылей (6 въ Кобыльи и 2 въ Дубковѣ). Прежде же было въ этихъ городахъ 395 дв. чер. тяглыхъ и 17 м. старой пустоты, духовенства 36 дворовъ, 10 житницъ крестьянскихъ и 11 лавокъ. Наиболѣе населеннымъ былъ Выборъ: въ немъ было всего до 155 дв. и 17 м. старой пустоты; Вревъ, въ 1585 — 1588 г. совершенно пустой, имѣлъ дворъ тіунскій, 86 дв. черныхъ, 2 двора монастырскіе и 14 дв. духовенства; далѣе шли, по прежнему письму, Дубковъ, Кобылье, Вышгородъ и менѣе всего имѣлъ населенія Володимерецъ. Ни одинъ изъ жившихъ въ моментъ описанія людей не названъ ремесленникомъ; указаній на ремесленниковъ не встрѣчаемъ при немногочисленныхъ, правда, именахъ прежде жившихъ тутъ людей; жители, которыхъ мы находимъ въ этихъ городахъ, всѣ занимались только земледѣліемъ: при перечисленіи пустыхъ мѣстъ въ Дубковѣ сказано: «а пахали тѣ посадскіе люди пивы, а платили съ нихъ посошный хлѣбъ»; въ Кобыльи люди, живніе въ 8 дворахъ, пахали $31^3/_4$ чети худой земли, раздѣленной правильно на три поля и платили за это $4^1/_2$ рубля; въ Дубковѣ у жившихъ тамъ двухъ бобылей земли не указано, а показанъ огородъ въ $1^1/_2$ десятины съ 35-ю яблоновыми деревьями какого-то Ѳедора Исакова Неведрева и сказано, что съ того огорода должно, начиная съ 1587 г. платить по 1 р.; въ Вышгородѣ, Выборѣ и Володимерѣ пахали крестьяне монастырскія земли — въ первомъ 30 четв. худой земли, во второмъ 15 четв. пашни серед. земли и перелогу 185 ч. ($70^1/_2$ четв. средней и $114^1/_2$ ч. худой земли) [2]), уплачивая за это пятый снопъ; они пользовались еще 70-ю ч. животиннаго выпуска и на $^1/_2$ квадр. версты непашеннымъ лѣсомъ; въ Володимерѣ же пахали пивы посошныя по 5 чети худ. земли

[1]) Прямо названы они молодыми только въ Кобыльи и Выборѣ; но всюду они «въ сохи не положены за худобою;» кромѣ того, и выше мы видѣли тутъ только людей молодыхъ.

[2]) О числѣ полей въ Вышгородѣ и Выборѣ ничего не сказано.

въ полѣ, а въ дву потомужъ, но не сказано на какихъ условіяхъ [1]). Въ пустѣ же указано земли: въ Кобыльи $12^1/_2$ четв. худой земли въ каждомъ изъ трехъ полей, да во Вревѣ черной пашни $78^3/_4$ чети середней земли [2]) да бѣлой пашни 127 ч., 95 копенъ сѣна: у посадскихъ людей животиннаго выпуску было 6 десятинъ; оброку шло съ лежащаго въ пустѣ въ Кобыльи 4 р. 16 а. $4^1/_2$ д., а во Вревѣ—$1^1/_2$ р. 3 а. 1 д. Объ оброкѣ съ земли въ этихъ городахъ мы имѣемъ данныхъ немного и по нимъ оброкъ весьма различенъ: въ Кобыльи приходится съ чети худой земли 28 д., что есть слишкомъ высокій оброкъ, во Вревѣ же всего 3—4 деньги съ чети середней земли, что сравнительно съ оброкомъ въ другихъ городахъ слишкомъ мало; объ оброкѣ остальныхъ четырехъ разсматриваемыхъ нами теперь пригородовъ данныхъ не имѣемъ.

Населеніе Воронча въ 1585—1588 г. [3]) составляли всего 9 посадскихъ черныхъ людей, къ которымъ нужно присоединить еще до 7 чел., о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, далѣе 15 пушкарей, 5 чел. духовенства, ниціе въ богадѣльной избѣ: въ немъ были еще намѣстникъ, городовой приказчикъ, осадный голова, земскій дьячекъ, наконецъ дворы тіунскій и кабацкій, 2 безоброчныя бани и намѣстничья варница, пивная и винная. Самый городъ и посадъ тутъ не различаются, ибо города уже не было, оставалось городище и дворы описаны прямо: «на городищѣ и на посадѣ». Черные люди жили тутъ въ семи дворахъ (въ одномъ трое); затѣмъ еще одинъ черный человѣкъ, два посадскіе человѣка и одинъ подсусѣдникъ указаны живущими у пушкарей,—мы нѣсколько выдѣляемъ ихъ отъ прочихъ черныхъ тяглыхъ людей, потому что въ книгѣ въ итогѣ черныхъ дворовъ и людей они не сосчитаны; затѣмъ встрѣчаемъ еще въ числѣ владѣльцевъ огородовъ двухъ посадскихъ людей, неупомянутыхъ при перечисленіи дворовъ; наконецъ, еще банникъ и двое, названные лишь по имени и отчеству, встрѣчаются только въ описаніи огородовъ. Пушкари жили каждый во дворѣ. Изъ духовныхъ трое жили каждый во дворѣ, чет-

---

[1]) «А пашутъ тѣ посадскіе люди нивы посопныя, а посопный хлѣбъ на нихъ клали дворцовые писцы», л. 791.

[2]) Книга даетъ тутъ странный итогъ: земля во Вревѣ оказывается раздѣленной далеко не правильно на три поля, а между тѣмъ, книга считаетъ въ итогѣ только число четей въ первомъ полѣ и получаетъ $52^3/_4$ чети; если же сосчитать всю землю во всѣхъ поляхъ, то получится цифра $78^3/_4$, вовсе и не приведенная въ текстѣ.

[3]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 671—692.

вертый получилъ мѣсто поставить дворъ и пятый упомянутъ въ числѣ владѣльцевъ огородовъ; одному монастырю также дано мѣсто. Въ Воронечѣ было 5 лавокъ, двѣ принадлежали пушкарямъ и три черпымъ людямъ, оброка съ каждой платилось по 2 алт. Огородами владѣли еще въ Воронечѣ двое дворцовыхъ крестьянъ, «человѣкъ» князя Оболенскаго, четверо «живущіе» въ разныхъ монастыряхъ и Егорьевскій одринникъ [1]) (sic); но весьма вѣроятно, что эти люди и не жили въ самомъ Воронечѣ. Сравнительно съ прежнимъ населеніе Воронеча очень уменьшилось: прежде тутъ было 371 дв. черный да 62 м. старой пустоты, бѣлыхъ дворовъ было 39 (вмѣсто 18, которые нашли мы), затѣмъ были: дворъ ямской, 18 житницъ царя и великаго князя и варница зелейная: въ самомъ городѣ было 228 осадныхъ клѣтей. Отмѣтимъ, что тутъ не было стрѣльцовъ,—они переведены были отсюда въ Изборскъ, какъ сказано при описаніи 3-хъ пустыхъ лавокъ, принадлежавшихъ прежде стрѣльцамъ.

Не смотря на значительное уменьшеніе числа жителей, пахалось тутъ земли очень много. Всего оброчныхъ огородовъ тутъ находимъ 101, съ которыхъ оброку шло 10 р. 27 а. (вмѣсто того, что прежде было 56 огородовъ, оброку съ нихъ 4 р. 15 а. 1 д.), количество прежде бывшей пашни не указано. Огородами занято было 42,750 кв. саж., т. е. болѣе 16 десятинъ; среднимъ числомъ тутъ платилось почти 63 д. съ чети огородной земли, но встрѣчаемъ довольно большія отступленія и часто видимъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ платилъ съ разныхъ своихъ огородовъ очень несоразмѣрный съ величиною каждаго оброкъ. Изъ общаго пространства огородной земли черпымъ людямъ принадлежало 29,500 к. с. (т. е. болѣе 71% всего числа огородной земли), оброку съ нихъ 6 р. 21 а. 4 д., духовенству [2]) 3,900 кв. с. (болѣе 9%), оброку платили 220 д., пушкарямъ 3,500 (болѣе 8%), оброку 260, дворцовымъ крестьянамъ и человѣку кн. Оболенскаго — 1,900 кв. с. (болѣе 4%), оброку 100 д., должностнымъ лицамъ 1,200 (3%), оброку съ нихъ 45 д. и живущимъ у другихъ 1,100 (менѣе 3%),

[1]) «Огородъ Егорьевскаго *одринника* (sic) Васка Павлова, вдоль 15 саж., поперегъ 5, оброку съ него 2 а. безъ деньги.» К. 827, л. 682 об.

[2]) Огородная земля, отмѣченная у насъ принадлежащею духовенству, вся принадлежитъ тутъ отдѣльнымъ священно-и-церковнослужителямъ; церкви и монастыри владѣютъ тутъ лишь нивами; только съ одного огорода его владѣлецъ (пушкарь) платитъ поземъ къ церкви, да и то не сказано сколько.

оброку 190. Разсматривая, сколько платили съ чети люди разныхъ сословій и положеній, видимъ, что черные люди платили 51 д., духовенство 68, пушкари 86, крестьяне 63, должностныя лица 45, а живущіе у другихъ 207. Участки разныхъ лицъ одного и того же класса очень неравны: такъ, между черными людьми одинъ имѣлъ огородъ всего въ 66 кв. саж., а другой—7,070 кв. саж.; вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, имѣвшій всего 66 кв. с., записанъ поручителемъ по своемъ родномъ племянникѣ, имѣвшемъ 2,576 кв. с. и бывшемъ, въ свою очередь, поручителемъ по Павлѣ Сухоруковѣ и Неоедѣ Дмитріевѣ, довольно богатымъ мѣстнымъ жителемъ, причемъ П. Сухорукъ съ нимъ же—поручители по Нев. Дмитріевѣ. Такіе же неравенства въ величинѣ огородовъ встрѣчаемъ у пушкарей.

При такомъ значительномъ пространствѣ огородной земли пахали въ Вороночѣ сравнительно мало: нивъ, данныхъ на оброкъ пушкарямъ и посадскимъ людямъ, 14; въ одной два поля, въ остальныхъ по три, но поля далеко еще не равны: въ одномъ полѣ 19 четв., въ другомъ $22^3/_4$, въ третьемъ—20; сѣна 13 копенъ; по повидимому, предполагалось правильное раздѣленіе на три поля, ибо въ итогѣ читаемъ: «во всѣхъ трехъ поляхъ 62 чети безъ полуосмины, по 20 чети съ осминою въ слѣтьи»; въ итогѣ отдѣльно сосчитаны земля добрая ($37^3/_4$ ч.) средняя ($17^1/_4$ ч.), и худая ($6^3/_4$), но при каждой отдѣльной нивѣ не указано, какая въ ней земля, такъ что нельзя опредѣлить, по скольку тутъ приходилось съ чети каждаго рода; всего нужно было платить съ Успеньева дня 1586 г. по 2 р. 11 а. 4 д. въ годъ—среднимъ числомъ по 23 д. съ чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; замѣтно вообще, что тутъ оброкъ значительно ниже, чѣмъ въ другихъ пригородахъ; всякій владѣлецъ нивы отданъ на поруки и поручители записаны поименно. Двѣ церкви и 4 монастыря въ Вороночѣ [1]) имѣли еще 24 безоброчныя нивы, изъ которыхъ въ 12 по три поля, въ 4 по два и въ 8 по одному; въ нихъ земли: въ первомъ полѣ $54^1/_2$ четв., во второмъ $30^1/_2$ четв., въ третьемъ $22^1/_2$,—всего $107^1/_2$ ($56^1/_2$ добр. и 51 середней), сѣна при нихъ 18 копенъ. Никому другому безоброчныя нивы въ Вороночѣ не принадлежали.

О Вельи [2]) тоже читаемъ: «городище, что былъ городъ», и

[1]) Упомянуты: Никольскій монастырь изъ Вороноча, Покровскій Дѣвичъ монастырь изъ Вороноча, Успенскій Дѣвичъ монастырь изъ Вороноча и Спасскій монастырь.

[2]) Ркп. К. 827, лл. 752—767.

также дворы описываются прямо «на городищѣ и на посадѣ»; всего тутъ 8 человѣкъ тяглыхъ черныхъ, въ томъ числѣ во дворѣ староста и во дворѣ дворцовый крестьянинъ, оба сосчитанные въ итогѣ какъ черные, 15 пушкарей, земскій дьячекъ, трое лицъ духовныхъ и дворцовыхъ селъ приказчикъ; былъ тутъ еще дворъ намѣстника. Прежде было тутъ черныхъ тяглыхъ 105 дв., людей въ нихъ 109, бѣлыхъ дворовъ 28; о старой пустотѣ не упомянуто; было также 12 л., съ которыхъ оброку шло 8 а. 5 д. и 2 м. лав., съ которыхъ оброку шло 3 а. Ремесленниковъ встрѣчаемъ трехъ, въ числѣ черныхъ людей: двухъ рыбниковъ и сапожника. И здѣсь мы видимъ, какъ видали уже и раньше, владѣнія лицъ изъ другихъ пригородовъ и особенно изъ самаго Пскова: тутъ нивами владѣютъ псковскіе каменьщикъ, стрѣлецъ, разсыльщикъ, дьячекъ церковный и просто псковитинъ. Изъ числа посадскихъ людей двухъ мы встрѣчаемъ лишь въ описаніи огородовъ; точно также владѣли нивами, но не указаны были во дворахъ еще два какіе-то человѣка (Осташъ Пятницкій и Захаръ Устиновъ), вдова воротника и дворцовый крестьянинъ.

Главнымъ занятіемъ жителей было и здѣсь земледѣліе. Въ Вельи пахалось огородами 2,450 кв. с., изъ которыхъ 96 кв. с.— безоброчный огородъ намѣстника; изъ остальнаго количества 1,130 четв. (почти 50%) принадлежало чернымъ людямъ (каждый имѣлъ по огороду), которые и платили 98 д., 526 (22%)—принадлежало пушкарямъ, платившимъ 108 д., 442 кв. с. (болѣе 18%) духовнымъ, платившимъ 42 д., 195 кв. с., за оброкъ въ 24 д., принадлежало дворцовыхъ селъ приказчику и 70—земскому дьячку, платившему 42 д.; всего платилось съ огородовъ 1 р. 13 а. 2 д., среднимъ числомъ 135 д. съ чети огородной земли, т. е. порядочно выше, чѣмъ въ другихъ пригородахъ. Меньше всего платили черные—104 д. съ чети, далѣе идутъ духовные (120), дворцовыхъ селъ приказчикъ (150), пушкари (250) и наконецъ земскій дьячекъ, который оплачивалъ свой огородъ такъ, что по такому разсчету приходилось бы 720 д. съ чети. Неравномѣрно обложены и нивы; и тутъ встрѣчаемъ случаи, что одинъ и тотъ же человѣкъ платитъ со своихъ разныхъ нивъ несоразмѣрно съ ихъ величиною. Однако, въ большинствѣ случаевъ оброкъ взимался тутъ по такому разсчету, что съ чети доброй земли приходилось 15—16 д., съ чети середней 11—12 д., съ чети худой 10—12. Всего тутъ въ оброчныхъ нивахъ (о числѣ полей ни разу ни слова не сказано) $197^3/_4$ чети. Все это количество распредѣлено такъ: пушкари па-

хали $94^3/_4$ ч. ($41^1/_4$ ч. добр. з., $24^1/_2$ сер., 29 худ.) и платили 5 р. 32 а. 3 д., черные люди $22^3/_4$ чети ($6^1/_2$ доброй, $5^1/_4$ сер. и 11 четей худой земли) и платили 1 р. 12 а., духовные—21 четь ($18^3/_4$ добр. и $2^1/_4$ худой) и платили 1 р. 12 а. 3 д., люди изъ Пскова—18 ч. ($8^1/_2$ д. и $9^1/_2$ худ.) и платили 1 р. 5 а. 2 д., дворцовыхъ селъ приказчикъ—$16^1/_4$ четв. ($15^1/_4$ д. и 1 худой) и платилъ 1 р. 10 а. 5 д., другіе люди, неимѣвшіе въ Вельи дворовъ, пахали $21^1/_2$ четв. ($4^1/_2$ д., $3^3/_4$ сер. и $13^1/_4$ худ.) и платили 1 р. 8 а. $^1/_2$ д.; намѣстникъ, наконецъ, пахалъ $5^3/_4$ чети сер. земли и платилъ 12 алт.; всего оброку собиралось 12 р. 26 а. 3 д. Затѣмъ еще осталось въ Вельи много нивъ пустыхъ, которыхъ на оброкъ никто не взялъ; интересно, что оброкъ съ каждой изъ нихъ взимался совершенно равномѣрно—по 12 д. съ чети земли доброй, по 10—съ чети средней и по 8—съ чети худой. Всего въ этихъ нивахъ тутъ $48^3/_4$ чети земли доброй, $6^3/_4$ середней и 71 четь худой [1]); оброку впустѣ 6 р. 4. д. Всѣ прежніе владѣльцы этихъ пустыхъ нивъ названы только по имени и отчеству; въ числѣ ихъ не встрѣчается ни одного, который бы былъ показанъ живущимъ или хотя бы владѣлъ огородомъ по описанію 1585—1588 г.; напротивъ, другіе, по этому описанію живущіе въ Вельи люди, владѣютъ многими нивами тѣхъ же людей, другія нивы которыхъ пусты. Наконецъ, видимъ въ Вельи еще и бѣлыя безоброчныя нивы семи Вельскихъ храмовъ—всего въ нихъ 41 четь безъ четверика и 11 копецъ сѣна; не всѣ эти нивы обработывались—изъ нихъ пахалось лишь около 10 четв., пользовавшіеся ими люди (намѣстникъ, пушкарь, черный человѣкъ, крестьянинъ и каменьщикъ-псковитинъ) платили церквамъ, но не сказано въ какомъ размѣрѣ.

Г. Красный находился тоже въ большомъ запустѣніи [2]). Тяглыхъ людей въ немъ было всего двое въ двухъ дворахъ; затѣмъ сотня стрѣльцовъ съ сотникомъ, 15 пушкарей, 11 человѣкъ духовенства, старцы въ пяти дворахъ и въ избѣ богадѣльной; затѣмъ въ городѣ были 2 мѣста намѣстника и городоваго приказчика, безоброчный огородъ осаднаго головы, но были ли они сами тутъ налицо — трудно сказать; тутъ же мы видимъ одного сына боярскаго, приказчика дворцовыхъ селъ, толмача и тюремнаго сторожа: въ Красномъ были еще дворъ кабацкій, «народская» безоброчная

[1]) Въ итогѣ книги сосчитано д. з. не 49 ч. безъ полуосмины, а 45 безъ полуосмины, а худой земли не 71 ч., а 75. Нашъ счетъ сходится съ текстомъ.

[2]) Ркп. № 355, половина 2-ая, лл. 557—567.

баня, тюрьма и пріѣзжій дворъ нѣмецкій. Не упомянуты при описаніи дворовъ, но имѣли лавки, нивы или огороды псковитинъ и еще какой-то пріѣзжій человѣкъ (по лавкѣ), какой-то «Воскресенской деревни Микитка Ивановъ» (двѣ нивы), два человѣка, названные лишь по имени и отчеству, воротникъ, и еще четверо, которыхъ, повидимому, слѣдуетъ причислить къ чернымъ тяглымъ людямъ: трое, названные посадскими людьми, хотя и не имѣли дворовъ черныхъ на посадѣ, но очевидно жили тутъ же—двое изъ нихъ имѣли по клѣти въ городѣ, и двое — огородъ и нивы; имѣлъ клѣть въ городѣ также одинъ дворцовый крестьянинъ; основаніемъ причислять этого послѣдняго къ черными посадскимъ людямъ служитъ то, что клѣть его описана подъ слѣдующимъ заголовкомъ: «въ городѣ же житницы дѣтей боярскихъ, и пушкарей, и стрѣльцовъ, и посадскихъ людей, и поповъ, и дьяконовъ и пономарей» [1]) — если къ какому изъ этихъ наименованій могъ быть присоединенъ крестьянинъ, то только къ посадскимъ людямъ. Сравнительно съ прежнимъ и здѣсь очень значительно уменьшеніе числа посадскихъ людей—прежде ихъ было 90 дв. и 56 мѣстъ старой пустоты; бѣлыхъ дворовъ прежде было меньше, всего 18, и не было слободы стрѣлецкой. Все населеніе жило на посадѣ, всѣ люди, кромѣ черныхъ, жили въ бѣлыхъ дворахъ; въ городѣ же разные люди имѣли лишь житницы и клѣти [2]): пушкари—5, сотникъ стрѣлецкій—одну, духовные—3, о трехъ клѣтяхъ двухъ посадскихъ людей и дворцоваго крестьянина мы уже говорили. Въ Красномъ было еще 7 лавокъ и 3 лавки пустыя (1 л. и 1 м. л. пушкаря, 1 л. стрѣльца, 2 л. и 1 м. л. черныхъ людей, 1 м. л. дворцоваго крестьянина и по лавкѣ—псковитина, пріѣзжаго и Митки Петрова Овсянникова); оброку съ нихъ шло всего 6 а. 3 д., распредѣленъ онъ довольно равномѣрно; прежде же было тутъ 15 л. и 5 м. лавочныхъ. Дворникомъ на нѣмецкомъ пріѣзжемъ дворѣ посадскій человѣкъ, имѣющій свой дворъ тутъ же.

Огородовъ оброчныхъ въ г. Красномъ всего 9,370 кв. с., оброку съ нихъ 3 р. 24 а. 2 д. Изъ общаго пространства огородовъ одинъ черный человѣкъ (неимѣвшій въ Красномъ двора) владѣлъ огородомъ въ 42 кв. с. и платилъ съ него 8 д.; далѣе духовенству принадлежало 1,075 кв. с. (11,5% всего числа огородовъ), съ ко-

[1]) Ркп. № 355—2, л. 557.

[2]) Подъ заголовкомъ «житницы и клѣти» тутъ описаны только клѣти (л. 557); совершенно подобный же случай есть въ книгѣ Изборска (ркп. 355—2, лл. 647—649).

торыхъ оброку 16 а. 4 д., пушкарямъ и воротнику 4,392 (4,256 и 136; 46½%), съ которыхъ оброку 1 р. 29 а. 4 д., стрѣльцамъ 3,446 кв. с. (36½%), оброку съ нихъ 1 р. 3 а. (изъ этого числа 1,600 кв. с., оплачиваемыя оброкомъ въ 15 а., принадлежали сотнику); дворцовыхъ селъ приказчикъ имѣлъ 90 кв. с., съ которыхъ платилъ 7 д., толмачъ—60 кв. с., оброку съ нихъ 9 д., тюремный сторожъ—182, оброку платилъ 10 д. и одинъ бобыль 84 кв. с., оброку платилъ 16 д. Безоброчные огороды тутъ видимъ у осаднаго головы, въ 210 кв. с. и у богадѣльной избы—въ 304 кв. с. Средняя величина оброка съ чети огородной земли 95 ден., причемъ нужно замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ обложеніе далеко неравномѣрно; да и въ среднемъ—духовные платили по 110 д. съ чети, пушкари по 97 и стрѣльцы по 76, если считать съ землею сотника и по 80—безъ нея.

Нивы въ Красномъ были только оброчныя и всего земли въ 10 нивахъ—32 ч. (21¼ худой земли, 7⅛ сер. и 3½ доброй); оброку съ нея всего 2 р. 9 а. 2 д.; обложеніе весьма разнообразно. Изъ всего числа земли одинъ церковный дьячекъ пахалъ 3⅛ ч. сер. земли за 4 а. 2 д., посадскій человѣкъ—дворникъ нѣмецкаго двора пахалъ 9½ ч. худой и ⅓ четв. доброй за 17 а. 4 д., другой посадскій человѣкъ за 1½ р. пахалъ 9 четв. худой, 4 чети середней и 3 чети доброй, и наконецъ, 3 чети худой земли пахалъ, и оброку платилъ 4 алт. Воскресенской деревни Микитка Ивановъ. Лица другихъ сословій нивъ не имѣли; нивъ безоброчныхъ не описано.

Два югозападные пригорода Пскова, Опочка и Себежъ, являются наименѣе пострадавшими.

Въ Опочкѣ [1]) по описи 1585—1588 года населеніе составляли: 8 посадскихъ черныхъ людей и одинъ торговый, затѣмъ 4 человѣка имѣли только клѣти въ городѣ, но сословіе ихъ не указано, одинъ какой-то человѣкъ «жилъ» въ пятигломъ дворѣ, но кто онъ по своему положенію—совершенно неясно, затѣмъ, тутъ было 12 крестьянъ частныхъ лицъ, 1 человѣкъ сына боярскаго, 24 дворцовые крестьянина, 11 человѣкъ имѣли лишь огороды и нивы, и болѣе ничего о нихъ не извѣстно, 9 вдовъ, изъ которыхъ одна упомянута лишь въ описаніи огородовъ; далѣе, въ Опочкѣ было 6 дѣтей боярскихъ, намѣстникъ, воевода, таможенникъ, земскій дьячекъ, 100 стрѣльцовъ, 34 пушкаря, 6 воротниковъ, 2 казен-

[1]) Ркп. М. А. М. Ю., № 355, пол. 2, лл. 841—876.

ные плотника и 1 казенный кузнецъ, наконецъ 23 лица духовныя, 19 бобылей и монастырскій казакъ—всего, слѣдовательно до 270 чел. Сравнительно съ прежнимъ очень уменьшилось число черныхъ людей: прежде было тутъ 180 дв. и 90 м. старой пустоты; затѣмъ запустѣла слободка церковная, въ которой было м. поповское и 7 м. разныхъ людей; относительно прежняго числа людей другихъ сословій данныхъ нѣтъ. Намѣстникъ и воевода жили во дворахъ въ городѣ; земскій дьячекъ и таможенникъ имѣли клѣти въ городѣ и первый—дворъ пятяглый на посадѣ; изъ дѣтей боярскихъ одинъ былъ губнымъ старостой и жилъ на посадѣ въ черномъ дворѣ; другой былъ городовымъ приказчикомъ и имѣлъ клѣть въ городѣ и мѣсто пятяглое на посадѣ; третьему было дано мѣсто пятяглое же на посадѣ; остальные имѣли клѣти въ городѣ; кромѣ этихъ шести еще 16 чел. дѣтей боярскихъ имѣли мѣста въ городѣ, описанныя частью подъ заголовкомъ: «внутри-жъ города мѣста осадныя дѣтей боярскихъ и городовыхъ приказчиковъ», частью подъ заголовкомъ: «мѣста осадныя, а нынѣ порозжи» [1]). Посадскіе черные люди здѣсь всѣ имѣли по двору черному на посадѣ, а четверо—еще по клѣти въ городѣ; клѣть въ городѣ имѣлъ еще торговый человѣкъ, неимѣвшій, между прочимъ, лавки. Всѣ дворцовые крестьяне имѣли клѣти въ городѣ, описанныя подъ заголовкомъ: «въ городѣ-жъ житницы и клѣти посадскихъ и волостныхъ людей и пушкарей и воротниковъ» [2]); крестьяне частныхъ лицъ имѣли тоже каждый по клѣти, «человѣкъ» сына боярскаго «ходилъ» въ клѣти священника [3]). Изъ числа дворцовыхъ крестьянъ одинъ указанъ владѣльцемъ трехъ отдѣльныхъ клѣтей и владѣльцемъ еще одной вмѣстѣ со своимъ братомъ; еще четыре раза по одной клѣти имѣли два брата, всѣ остальные имѣли каждый по клѣти. Изъ вдовъ 8 имѣли клѣти въ городѣ и одна упомянута только въ описаніи огородовъ, изъ людей, сословіе которыхъ не обозначено, четверо имѣли клѣти въ городѣ и 11—только огороды или нивы. Стрѣльцы жили особой слободой, въ которой было 100 дворовъ; два стрѣльца имѣли еще по двору пятяглому на посадѣ, шестеро имѣли дворы оброчные на посадѣ и 21 чел. изъ стрѣльцовъ 19 клѣтей въ городѣ; изъ

---

[1]) Ркп. 355—2, л. 841 об.

[2]) Тамъ же, л. 842.

[3]) «Клѣть Спасскаго попа Осдяя Корнилова, а ходитъ (sic) Шибановъ человѣкъ Неклюдова»—ркп. 355—2, л. 848 об.

пушкарей 18 имѣли клѣти въ городѣ, 12—дворы петяглые на посадѣ, трое—дворы оброчные на посадѣ и одинъ жилъ во дворѣ черномъ на посадѣ; тѣмъ же, которые уже имѣли клѣти въ городѣ, и одному, имѣвшему дворъ петяглый на посадѣ, принадлежали еще 7 дворовъ и мѣсто петяглое на посадѣ же, 2 дв. оброчные и 3 дв. черные. Изъ воротниковъ двое упомянуты лишь какъ владѣльцы огорода и нивы, остальные четверо имѣли по двору петяглому на посадѣ и одну клѣть въ городѣ; казенные ремесленники всѣ жили въ петяглыхъ дворахъ на посадѣ. Изъ духовенства одинъ имѣлъ лишь огородъ, семеро имѣли 8 клѣтей и избу пустую въ городѣ, 13 чел.—дворы петяглые на посадѣ, трое—дворы черные на посадѣ; кромѣ того трое, имѣвшіе клѣти въ городѣ, и одинъ, имѣвшій дворъ петяглый на посадѣ, имѣли еще на посадѣ же 2 петяглыхъ и 2 тяглыхъ двора; въ городѣ же четыремъ церквамъ принадлежали 3 клѣти и мѣсто и еще пяти церквамъ принадлежали разные нивы и огороды. Изъ бобылей 17 жили на землѣ одной церкви, два остальные и казакъ имѣли 3 клѣти въ городѣ; на землѣ другой церкви была запустѣвшая слобода. Въ изучаемое время находилось въ Опочкѣ 18 лавокъ и 31 м. лав.; оброку съ живущихъ лавокъ 16 а. 1 д. (вмѣсто прежнихъ 36 а. 3 д.), при чемъ платилось отъ 3 до 6 д. съ каждой лавки. Лавки эти распредѣлены были такъ: духовенству принадлежало 4 л., стрѣльцамъ, воротникамъ и одному дворцовому крестьянину (какъ разъ тому, который имѣлъ нѣсколько клѣтей) по 3, пушкарямъ и чернымъ людямъ по 2, вдовѣ одна. Ремесленниковъ тутъ, какъ и въ другихъ псковскихъ пригородахъ, очень немного; но и земледѣліе имѣло здѣсь не особенно значительные размѣры. Огороды оброчные занимали здѣсь пространство въ 12,667 кв. с., оброку съ нихъ шло 4 р. 32 а. 3 д., да безоброчныхъ огородовъ было: у богадѣльной избы 84 кв. с., у церквей—450 и у намѣстника 3,200 кв. с. Изъ оброчныхъ огородовъ церквамъ и духовенству принадлежало 2,522 кв. с. (почти 20%), оброку съ нихъ 30 а. 4 д., пушкарямъ—2,580 (20%), оброку 38 а. 1 д., посадскимъ 2,235 (почти 18%), оброку 37 а., людямъ, которые никакъ болѣе не обозначены и дворовъ не имѣли, 2,260 (18%), оброку 25 а. 2 д., стрѣльцамъ 800 ($6^1/_2$%), обр. 13 а. 5 д., воротникамъ 600 ($4^1/_2$%), обр. 4 а. 5 д., крестьянамъ частныхъ лицъ 416 ($3^1/_2$%), оброку 6 а. 4 д., крестьянамъ дворцовымъ 380 (3%), обр. 5 а. 2 д., наконецъ, земскому дьячку 96, обр. 10 д., городовому приказчику 90, обр. 7 д. и казенному плотнику—60, обр. 6 д. Среднимъ чис-

ломъ приходится тутъ съ чети огородной земли по 94 д.; изъ крупныхъ владѣльцевъ менѣе всѣхъ платили люди, не имѣвшіе дворовъ, именно по 84 д.; далѣе духовенство—87, крестьяне дворцовые—100, пушкари 107, крестьяне частныхъ лицъ—113, наконецъ стрѣльцы и посадскіе—по 120; ниже же всего обложены огороды воротниковъ, которымъ приходилось платить всего 56 д. съ чети. Въ оброчныхъ нивахъ тутъ земли 246½ ч. (73 добр., 148½ серед., 25 худой), сѣна 230 копенъ; оброку всего съ нихъ 13 р. 2 а.; нивы обложены неравномѣрно, какъ у лицъ разныхъ классовъ, такъ и у лицъ одного и того же класса; большею частью оброкъ колеблется между 12—16 д. съ чети доброй, 6—9 съ чети середней и 6—8 съ чети худой; нивы пустыя, въ которыхъ тутъ 17½ четей (9 добр., 5½ сер., 3 худой) обложены совершенно правильно по 16, 9 и 8 д., всего оброку въ пустѣ 40 а. 5 д. Болѣе всего имѣли земли пушкари—78 ч. (28 добр., 44 сер., 6 худой) и платили 4 р. 25 а. 1 д., затѣмъ духовные—78 (8½ д., 69, ½) и платили 3 р. 21 а., далѣе люди неопредѣленнаго положенія—25 17½ добр., 7 сер., ½ худ), платили 30 а., стрѣльцы 23½ (9½ д., 6½ с., 7½ х.), платили 1 р. 9 а., дворцовые крестьяне—16½ (11 сер. и 5½ худ.), платили 21 а., вдовы 13 (7 д., 6 сер.), платили 26 а., посадскіе—7½ сер. и воротники 7 сер.—платили по 10 алт., крестьяне частныхъ лицъ—7 худ., платили 8 а., наконецъ, земскій дьячекъ пахалъ 2 ч. добр. земли и платилъ за это 5 а. 2 д.

Нивъ безоброчныхъ въ Опочкѣ довольно много: у богадѣльныхъ старцевъ 3 ч. д. з., нива скудельницы—2½ чети сер. з. и наконецъ у церквей—8 ч. д., 41 ч. сер. и 21 ч. худой; нивы эти пашутъ разные люди, а къ церквамъ даютъ за это четвертый снопъ [1]).

Наконецъ, самый дальній, югозападный пригородъ Псковской области, Себежъ, по характеру своего населенія нѣсколько отличается отъ остальныхъ [2]). Населеніе его составляли: 3 посадскихъ тяглыхъ человѣка, 20 человѣкъ духовенства, 8 «помѣщиковъ», 137 казаковъ—изъ нихъ 103 пѣшихъ, 22 конныхъ, объ остальныхъ не сказано, какіе они, 54 стрѣльца, 31 пушкарь, 15 ворот-

[1]) «Въ Опочкѣ около посаду нивы монастырскія и церковныя безоброчныя, а даютъ съ нихъ къ церквамъ изо всякаго хлѣба четвертый снопъ»—ркп. 355—2, л. 875 об.; изъ отсутствія тутъ упоминанія о томъ, какіе же именно люди обработывали эти нивы, думаемъ надо заключать, что участіе въ обработкѣ ихъ принимали разные люди и, вѣроятно, не постоянно одни и тѣ же.

[2]) Ркп. 355—2, лл. 899—945.

никовъ, 2 ямщика, 1 тюремный сторожъ, 2 казенные кузнеца и 3 казенные плотника, 10 вдовъ разныхъ лицъ; тутъ были воевода, осадный голова, городовой приказчикъ, казачій голова бирічъ; въ городѣ было 9 государевыхъ житницъ—3 съ хлѣбомъ, 6 пустыя.

Всѣ жители имѣли по одному двору—или только въ городѣ, или только на посадѣ. Черные люди жили всѣ въ городѣ, изъ духовныхъ 9 имѣли дворы, одинъ—амбаръ, одинъ—мѣсто въ городѣ, 9—дворы на посадѣ, изъ помѣщиковъ одинъ имѣлъ дворъ въ городѣ, четверо—дворы на посадѣ; изъ остальныхъ одинъ имѣлъ мѣсто на посадѣ, другой огородъ, третій пахалъ м. дворовое. Всѣ казаки жили въ городѣ; изъ нихъ 18 конныхъ имѣли 19 дворовъ и 4—лишь огороды; 85 пѣшихъ имѣли 85 дворовъ, 3—три мѣста, 9—лишь огороды, 1—лишь лавку и 1—лишь баню, 4 не имѣли дворовъ, пахали 5 мѣстъ въ городѣ; изъ казаковъ, о которыхъ не сказано—пѣшіе они или конные—5 имѣли лишь огороды, 5—пахали 6 м. въ городѣ, 1—лишь мѣсто оброчное и 1—лишь баню и огородъ. Изъ стрѣльцовъ 38 человѣкъ имѣли по двору въ городѣ, 9 чел.—8 мѣстъ въ городѣ и 8 чел.—лишь огороды; изъ пушкарей 6 чел. имѣли по двору въ городѣ, 2—два мѣста въ городѣ, 17 чел.—дворы на посадѣ, 1—мѣсто на посадѣ, 3—лишь лавки, 2 лишь огороды; изъ воротниковъ 3 чел. имѣли по двору и 1 м. въ городѣ, 11—дворы на посадѣ и 1—лишь огородъ; одинъ ямщикъ имѣлъ дворъ въ городѣ, другой и тюремный сторожъ—по мѣсту на посадѣ; одинъ казенный плотникъ имѣлъ дворъ въ городѣ, другой—лишь лавку, третій—лишь огородъ; казенные кузнецы имѣли по двору на посадѣ; изъ вдовъ—одна имѣла дворъ въ городѣ, 1—мѣсто тамъ же, 4—пять мѣстъ на посадѣ, одна—баню и одна—огородъ. Воевода, осадный голова и бирічъ имѣли по двору въ городѣ, а первые двое еще нѣсколько мѣстъ; городовой приказчикъ имѣлъ дворъ на посадѣ и по мѣсту въ городѣ и на посадѣ. Одною изъ особенностей Себежа является довольно значительное число случаевъ, когда къ чьему-нибудь двору «припущено» какое-нибудь мѣсто, часто бывшее прежде во владѣніи лица даже другого сословія,—такихъ случаевъ можно насчитать до десяти; величина припущенныхъ мѣстъ обозначена не всегда; она достигала 50 кв. с. Въ 1585—1588 г. въ Себежѣ было 18 лавокъ, съ которыхъ оброку шло 1 р. 15 а. 1 д. (взималось приблизительно по 15 д. съ лавки); 9 лавокъ принадлежали семи пушкарямъ, 3—тремъ казакамъ, 2—двумъ стрѣльцамъ, 3—тремъ духовнымъ лицамъ,

1—казенному плотнику; прежде было тутъ 38 лавокъ, оброку съ нихъ шло 3 р. 20 д.

Въ изучаемое нами время тутъ за оброкъ пахались огородами прежнія амбарныя мѣста и мѣста, что были «дворы полоцкіе и свискіе присяги» [1]). Относительно прежняго состоянія Себежа мы и имѣемъ лишь это указаніе, да еще узнаемъ, что прежде тутъ было 54 тяглые двора; относительно же дворовъ лицъ другихъ сословій, равно какъ о прежнемъ количествѣ огородной и пашенной земли въ книгѣ ничего не сказано. Въ 1585—1588 г. въ Себежѣ было безоброчныхъ огородовъ—19,870 кв. с., оброчныхъ 6,760, оброку съ нихъ 3 р. 4 а. 3 д. (въ числѣ оброчныхъ—1,250 кв. с. на амбарныхъ мѣстахъ и 1,110—на мѣстахъ дворовъ полоцкой и свиской присяги,—оброку съ тѣхъ и другихъ отдѣльно 1 р. 10 а. 2 д.). Безоброчные огороды распредѣлены были такъ: казакамъ принадлежало 6,690 кв. с. (около 33% всего пространства, занятаго безоброчными огородами), стрѣльцамъ—4,853 (24%) духовенству—4,110 (21%), пушкарямъ—1,550 (8%), воротникамъ 1,050 (5½%), помѣщикамъ—774 (4%), вдовамъ—330 и осадному головѣ и городовому приказчику—223, казеннымъ плотникамъ 248 и казеннымъ кузнецамъ—48. Оброчные огороды распредѣлены были такъ: казаки пахали 3,260 кв. с., платили 1 р. 11 а. 2 д., пушкари—1,150 и платили 17 а., духовные—720 и платили 53 д., воротники—690, платили 60 д., стрѣльцы—415 и платили 70 д., казенные плотники—52 и платили 5 д., казенные кузнецы—200 и платили 32 д., помѣщики—302 и платили 40 д.; среднимъ числомъ тутъ приходится по 120 д. съ чети огородной земли; но обложеніе далеко не всегда равномѣрно.

Въ Себежѣ сравнительно немного и пашенной земли; всего тутъ земли 124½ чети (49½ четв. середней и 75 худой); платилось тутъ всего съ середней земли 1 р. 11 а. 2 д., а съ худой—4 р. 11 а. 3 д., такъ что въ среднемъ приходится, непонятнымъ образомъ, съ чети серед. земли по 5,4 деньги, а съ чети худой—по 12,4 д.; сословіе владѣльца не имѣло тутъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія: напр., нивы казаковъ обложены такъ, что въ одномъ случаѣ приходится съ чети худой земли 13,6 деньги, и рядомъ же съ чети худой 8 д. Трехпольная система тутъ да-

[1]) Непосредственно послѣ описанія лавокъ читаемъ: «на посадѣ-жъ на переволокѣ мѣста амбарныя, а нынѣ пашутъ огородами пушкари, и стрѣльцы и казаки»;—ркп. 355—2, 919 об., 938 об.

леко не установилась. Нами приведено выше полное количество земли; распредѣлено же оно такъ, что въ первомъ полѣ приходилось середней земли изъ 49½ четей—21½, а худой—изъ 75 четей — 48. Считая землю во всѣхъ трехъ поляхъ, найдемъ, что казаки пахали 40½ четей земли (5 сер., 35½ худ.) и платили 2 р. 19 а. 4 д., пушкари 52½ чети (22½ сер. и 30 худ.) и платили 2 р. 3 д., воротники 15½ четей (12 сер. и 3½ худ.) и платили 15 ал., духовные—9 чет. (серед.) и платили 11 а., вдовы—1 четь сер. и платили 12 д., казенные кузнецы—3 ч. худой и платили 24 д. и неизвѣстно кто (въ книгѣ пропущено имя владѣльца) 3 ч. худой и платилъ 24 д. Кромѣ того, въ Себежѣ оставалось оброчныхъ никѣмъ невзятыхъ нивъ 12 ч. (8½ сер. и 3½ худ.), оброку съ которыхъ шло 19 а. 4 д., и еще 24 нивы, количество земли въ которыхъ не указано, запустѣвшія и заросшія лѣсомъ еще до писцовъ.

Мы видимъ вообще, что Себежъ отличался отъ другихъ псковскихъ пригородовъ болѣе военнымъ характеромъ; представляя въ изучаемое нами время наиболѣе значительный военный пунктъ, онъ прежде имѣлъ сравнительно немного черныхъ людей; находившееся въ немъ, въ изучаемое нами время, населеніе занималось земледѣліемъ менѣе, чѣмъ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами пригородахъ. Въ лѣтописи разсказано подробно основаніе Себежа въ 1533 г.; къ сожалѣнію тамъ не сказано, сколько было оставлено во вновь устроенномъ городѣ ратныхъ и посадскихъ людей; но довольно значительное количество отправленныхъ туда запасовъ заставляетъ думать, что и поселеніе было тамъ довольно значительно [1]), от

[1]) «Того же лѣта кн. в. Иванъ Васильевичъ, пять лѣтъ возрастомъ, и посла воеводъ своихъ намѣстниковъ новгородскихъ кн. Б. Горбатаго да М. Воронцова, а изо Пскова кн. М. Кубенскаго да Д. Воронцова, да иные воеводы, послаша ихъ на Опочку съ Новгородскою силою и со Псковскою, а Псковичи парядиша 5000 пищальниковъ и 3000 копей въ телѣгахъ и человѣка на кони и 3000 чет. овсяной васны толокно, 3000 полтей свинины, 3000 ч. солоду, 360 ч. гороху, сѣмени конопляного 360 ч., а на Москву послаша пищальниковъ 400, и все то одного году, а Новгородци посохи много послаша Себежа новаго дѣлати. Того же лѣта замыслиша государь нашъ кн. в. Иванъ Васильевичъ поставити городъ на Себежи озерѣ, въ Литовской землѣ, 60 верстъ отъ Опочки и послаша большіе воеводы Ивана Бутурлина съ силою города дѣлати въ Петровъ день; а кончанъ бысть мѣсяца іюля въ 25, затвориша его и освящаша церкви, Усѣкновенья главы Ивана Предтечи, да придѣлъ Св. Никола Чудотворецъ, да другой придѣлъ ц. Константина, а священниковъ трои послаша изо Пскова»—П. С. Р. Л., IV, л. 7043, 300; о томъ же но короче говорятъ Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л.,

сутствіе же указаній, что тотъ или другой родъ ратныхъ людей поселенъ лишь недавно, что видимъ мы при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пригородовъ, даетъ поводъ думать, что находящееся, по описанію 1585—1588 гг., въ Себежѣ военное населеніе не сосредоточено тутъ недавно, а находится тутъ уже давно, быть можетъ съ самаго основанія города; подобное населеніе вновь устраиваемыхъ городовъ ратными людьми увидимъ и ниже, въ городахъ южной окраины Московскаго государства.

Изложивши данныя нашего источника о каждомъ изъ Псковскихъ пригородовъ мы теперь постараемся сгруппировать ихъ и дать общій очеркъ положенія городовъ Псковской области во второй половинѣ XVI в.; при этомъ намъ придется пользоваться и данными по прежнему письму, которое, какъ мы выше указывали, относится ко времени отъ 1557 до 1588 г., и данными по письму 1585—1588 годовъ: изъ первыхъ мы узнаемъ число населенія этихъ городовъ до войны, изъ вторыхъ соберемъ разныя отдѣльныя указанія на существовавшія въ этихъ пригородахъ соціально-экономическія отношенія, хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображенію полному препятствуетъ то, что изучаемые города описаны не въ нормальномъ ихъ состояніи.

Въ изучаемое нами время мы видѣли въ этихъ городахъ всего до 75 чел. черныхъ тяглыхъ людей, 66 крестьянъ, 890 ратныхъ людей, 36 дворниковъ, сторожей, биричей и т. п., 108 человѣкъ духовенства, въ 32 кельяхъ бобылей и въ 22—вдовъ, кромѣ того еще въ нѣсколькихъ городахъ старцевъ въ богадѣльныхъ избахъ, безъ обозначенія сколько именно,—всего, слѣд., до 1,250 человѣкъ. и кромѣ того—50 дворовъ дѣтей боярскихъ [1]); лавокъ въ этихъ пригородахъ 86; земли подъ огородами оброчными до 40 десятинъ (96,287 кв. саж.), подъ огородами безоброчными до 15 десятинъ (35,827 кв. саж.), пашенной земли въ нивахъ оброчныхъ 1,305 четв. и въ безоброчныхъ 441 четв. [2]); денежнаго оброка собиралось съ

VIII, 290) и Царственная книга, 51. Приблизительно можно было бы опредѣлить число посланныхъ туда людей по сравненію отпущенныхъ хлѣбныхъ запасовъ съ другими случаями выдачи хлѣбнаго жалованья, но какъ нарочно тутъ говорится о такихъ запасахъ, выдачи которыхъ въ другихъ случаяхъ не встрѣчаемъ.

[1]) Относительно дѣтей боярскихъ приводимъ число дворовъ, а не людей, потому что о нихъ трудно сказать, живетъ или нѣтъ, тотъ или другой въ томъ городѣ, гдѣ онъ имѣетъ дворъ.

[2]) Такъ какъ трехпольная система является тутъ еще совершенно не-

этихъ пригородовъ вмѣстѣ съ пошлинами немного болѣе 100 руб. (19,266 д. оброку, да 963 д. пошлины, всего 20,229 д., т. е. 101 р. 4 а. 5 д.) [1]). Но прежде города эти были наполнены посадскими жителями; сравнительно съ прежнимъ замѣтно уменьшеніе по всѣмъ пунктамъ, кромѣ только количества огородной земли, и притомъ по разнымъ пунктамъ уменьшеніе очень не пропорціональное: по прежнему письму тутъ было еще 1,686 дв. черныхъ, обратившихся къ 1585—1588 г. въ пусто, а старой пустоты было сравнительно немного — 236 м. (13½% числа жилыхъ дворовъ); послѣ прежняго письма запустѣли еще 80 дворовъ духовенства и 28 дворовъ людей, жившихъ на церковной землѣ; лавокъ было прежде вмѣсто 86-ти—241 и 5 м. лавочныхъ; земли пахалось на 332 чети болѣе въ нивахъ оброчныхъ и на 127 четей болѣе въ нивахъ безоброчныхъ. О ратныхъ людяхъ, которые въ 1585—1588 г. составляли болѣе 70% всего числа жителей этихъ пригородовъ, по старому письму не упоминается вовсе; во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятно, что если они и были тутъ, то въ количествѣ меньшемъ, чѣмъ мы ихъ находимъ по изучаемому описанію: мы не разъ видѣли, что стрѣльцы поселены на пустыхъ мѣстахъ черныхъ—слѣд., они явились уже послѣ запустѣнія. По старому письму оброка собиралось со всѣхъ пригородовъ болѣе, чѣмъ по письму 1585—1588 г. всего на 49 р. (9,457 д.), — очевидно, что уменьшеніе оброку чрезвычайно непропорціонально какъ уменьшенію числа дворовъ, такъ и уменьшенію количества обработываемой въ оброчныхъ нивахъ земли, но въ обратномъ отношеніи: оброку собиралось сравнительно съ прежнимъ 67%, дворовъ черныхъ людей осталось всего 8% прежняго ихъ числа, а земли въ нивахъ обработывалось 80% прежняго ея количества, не говоря уже о томъ, что еще явилось множество оброчныхъ огородовъ. Отсюда несомнѣнно, что не было непремѣннымъ условіемъ, чтобы оброкъ со-

---

установившеюся, то мы привели тутъ количество всей земли, сумму четвертей во всѣхъ трехъ поляхъ, а не то что «въ полѣ, а въ дву потому-жъ».

[1]) Приведемъ распредѣленіе поземельныхъ владѣній въ % между людьми разныхъ сословій; первая цифра будетъ обозначать % огородовъ оброчныхъ, вторая—% огородовъ безоброчныхъ и третья—% пашни оброчной. Находимъ что чернымъ людямъ принадлежало 42%, 14%, 10%; духовенству—15%, 21%, 40%; ратнымъ людямъ—38%, 47%, 32%; дѣтямъ боярскимъ—2%, 14%, 6%, крестьянамъ 3%, (огородовъ безоброчныхъ у нихъ не было), 2%; бобылямъ и вдовамъ—½ %, 7%, 4%; всѣмъ остальнымъ людямъ 4%, 1%, 6%. Денежныя подати распредѣлены были почти совершенно пропорціонально этимъ числамъ.

размѣрялся съ числомъ дворовъ и людей, или съ количествомъ пашенной земли. Попытаемся разъяснить эту несоразмѣрность уменьшенія оброка, сравнительно съ уменьшеніемъ числа людей и количества земли. Въ книгахъ нѣсколькихъ городовъ мы читаемъ, что въ нихъ *пашутся огородами черныя дворовыя мѣста*, но только до тѣхъ поръ, пока ихъ не возьмутъ изъ тягла черные люди [1]); отсюда видно, что эти огороды явились лишь съ запустѣніемъ прежнихъ дворовъ, что слѣд., такихъ огородовъ до запустѣнія не было вовсе, а если и были, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ меньшемъ, чѣмъ мы ихъ находимъ, ибо ни въ одномъ пригородѣ не указано оставшихся пустыми огородовъ, не смотря на огромное въ нѣкоторыхъ случаяхъ уменьшеніе числа жителей [2]); огороды эти розданы не только черпымъ людямъ, а и лицамъ всѣхъ другихъ состояній — и ратнымъ людямъ, и дѣтямъ боярскимъ, и духовенству, и церквамъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что съ уменьшеніемъ черпаго тяглаго населенія, слѣд., съ уменьшеніемъ и тягла, правительство утилизировало остававшіяся пустыми мѣста, отдавая ихъ въ оброкъ, такъ что, при очень значительномъ уменьшеніе тягла, денежнаго оброка оно получало сравнительно очень немногимъ менѣе, чѣмъ прежде. Но мы не думаемъ, что встрѣчаемъ здѣсь принудительную для тяглыхъ людей оплату денежнымъ оброкомъ пустыхъ мѣстъ; напротивъ, имѣя данныя о цѣлой массѣ пустыхъ дворовъ и мѣстъ, мы должны придти къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ въ XVI в., община не оплачивала пустыхъ мѣстъ, прежде занятыхъ ея членами: во-первыхъ, многія прежде оброчныя пивы мы видѣли лежащими въ пустѣ, а иногда и прямо еще прибавлено: «а на оброкъ ихъ не взялъ никто и не

[1]) Прямо сказано такъ въ описаніи Изборска, ркп. 355—2, л. 654 об., Краснаго, тамъ же, лл. 561—562, Вороноча, ркп. К. 827, л. 675 об.; въ описаніи Опочки читаемъ (ркп. 355—2, л. 861): «въ Опочкѣ на посадѣ мѣста дворовыя черныя, а пашутъ ихъ огородами и нивами попы, и дьяконы, и дьячки церковные, и пономари, и пушкари, и воротники, и стрѣльцы, и посадскіе люди, и на тѣ мѣста до жильцовъ положенъ оброкъ».

[2]) Только въ описаніи Гдова (ркп. К. 827, л. 423) читаемъ: «и всего во Гдовѣ за городомъ старыхъ оброчныхъ 34 огорода, да съ тѣми же огороды черныхъ 45 огородовъ, да съ тѣми же спущены въ одно мѣсто безоброчныхъ церковныхъ и черныхъ 6 огородовъ, а оброка положено 3 р. 4 а., да пошлинъ 5 а. 1½ д., съ рубля по 10 ден. А по старому письму оброку платили съ 34 огородовъ 4 р. 5 а. 4 д., а убыло передъ старымъ 1 р. 10 д.»; но и тутъ говорится только объ уменьшеніи оброка, что было очевидно слѣдствіемъ болѣе низкаго обложенія, ибо и тутъ къ прежнимъ 34 огородамъ прибавлено еще 51 огородъ.

владѣетъ ими никто» [1]) — слѣд., возможно было и не брать на оброкъ и не оплачивать запустѣвшихъ мѣстъ; во-вторыхъ, мы видѣли, что оброчными огородами на мѣстахъ, бывшихъ тяглыхъ, владѣли вовсе не одни тяглые люди, а наряду съ ними и многіе люди другихъ сословій, причемъ не замѣтно даже, чтобы черные тяглые люди оплачивали значительно большія пространства или платили бы значительно большій оброкъ. Но если это обработываніе и оплата оброкомъ пустыхъ мѣстъ не были принудительны, то значить ихъ брали на оброкъ потому, что пользованіе ими было выгодно—выгода могла, дѣйствительно, заключаться уже въ томъ, что эти мѣста были ближе другихъ и, конечно, лучше обработаны и удобрены, какъ мѣста ранѣе занятыя огородами и дворами—мы уже говорили, что при всякомъ дворѣ полагался и, вѣроятно, существовалъ огородъ. Въ изучаемое нами время, когда Псковскіе пригороды потеряли 92% своего прежняго тяглаго населенія, мы видимъ земли огородныя во владѣніи людей разныхъ сословій, но прежде вся эта земля была, повидимому, во владѣніи лишь черныхъ людей: она называется прямо черною, да и черныхъ людей по прежнему письму было больше, чѣмъ вмѣстѣ всѣхъ людей, владѣвшихъ этою землею по письму 1585—1587 гг. Такимъ образомъ положеніе этихъ пригородовъ въ мирное время намъ представляется такъ: тогда они населены были жителями сплошь, съ замѣтнымъ перевѣсомъ въ числѣ ихъ черныхъ тяглыхъ людей, которые главнымъ образомъ занимались земледѣліемъ и огородничествомъ, причемъ люди другихъ сословій не занимались этимъ и даже не могли съ выгодою заниматься, ибо всѣ ближайшія къ городу и слѣдовательно удобнѣйшія мѣста были во владѣніи черныхъ тяглыхъ людей; но когда города эти запустѣли, тягло уменьшилось—тогда правительство старается получить съ земель, бывшихъ мѣстомъ жительства тяглыхъ людей, хотя оброкъ, причемъ къ земледѣлію тотчасъ же обращаются и люди всѣхъ другихъ сословій. При обыкновенномъ теченіи жизни въ этихъ пригородахъ было свыше 1,700 дв. людей черныхъ, поэтому общее число людей черныхъ нужно тутъ считать до 8000. Въ изучаемое нами время въ огромномъ большинствѣ случаевъ указано во дворѣ по одному человѣку; но, какъ мы уже видѣли при

[1]) Напр.: «въ Опочкѣ около посаду пивы пустыя, а на оброкъ ихъ не взялъ никто»—ркп. 355—2, л. 874 об.; точно такъ же въ описаніи Острова и Вороноча рядомъ видимъ въ жилѣ и въ пустѣ мельницы и лавки, причемъ объ оброкѣ съ пустыхъ сказано: «оброку было»... ркп. К. 827, лл. 569, об., 675.

разсмотрѣніи данныхъ о Новгородскихъ пригородахъ и о Торопцѣ и Устюжнѣ, въ этой мѣстности, въ сѣверозападной части тогдашней, Россіи дворы людей черныхъ очень часто заключали по нѣскольку взрослыхъ мужчинъ, часто несомнѣнно не родственниковъ, не близкихъ, по крайней мѣрѣ; но, въ виду весьма незначительнаго числа дворовъ черныхъ людей въ изучаемыхъ нами теперь городахъ, мы не рѣшаемся отмѣчать преобладаніе дворовъ съ однимъ человѣкомъ, какъ особенность ихъ сравнительно съ городами ближайшихъ областей. Отъ состава дворовъ людей черныхъ здѣсь не отличается рѣзко составъ дворовъ людей ратныхъ, но зато мы почти не имѣемъ свѣдѣній о составѣ ихъ дворовъ въ ближайшихъ городахъ, такъ что тоже не можемъ рѣшить, таковъ ли же былъ онъ и въ другихъ мѣстностяхъ, и слѣдовательно, тамъ отличался отъ состава дворовъ людей черныхъ, или же въ другихъ городахъ дворы ратныхъ людей были по составу таковы же, какъ тамъ дворы черныхъ людей и, слѣдовательно, отличались отъ дворовъ ратныхъ людей въ Псковскихъ пригородахъ. Дѣленія черныхъ людей на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ мы тутъ не видимъ; но при описаніи нѣкоторыхъ городовъ всѣ жители ихъ названы молодыми [1]); а такъ какъ вообще тутъ жители бѣдны, — въ общемъ несомнѣнно, бѣднѣе, чѣмъ были прежде, на что указываютъ неоднократно отмѣченныя облегченія въ разложеніи по сохамъ,—то весьма возможно, что дѣленіе на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ не отмѣчено лишь потому, что всѣ тутъ молодчіе; быть можетъ, потому же преобладаютъ тутъ и дворы съ однимъ взрослымъ мужчиной. Въ изучаемой книгѣ находятся данныя о раскладкѣ черныхъ дворовъ по сохамъ въ нѣсколькихъ городахъ, и по старому и по новому письму; вообще въ сохи прежде положено было меньшее количество дворовъ, слѣдовательно, населеніе было богаче, сильнѣе: въ соху по прежнему письму положено было отъ 65 до 150 дворовъ, въ среднемъ для 9 городовъ [2]) по 91 двору, а по письму 1585—1588 г. въ Вороночѣ положено было на соху 112 дворовъ, въ Гдовѣ 208, въ Опочкѣ 224; о Себежѣ и Вельи прямо сказано, что жители не положены въ сохи за худобою; свѣдѣній по этому вопросу объ остальныхъ пригородахъ

[1]) Въ описаніи Краснаго, Опочки, Гдова, Вороноча, Выбора; въ остальныхъ случаяхъ они названы просто черными людьми.

[2]) Менѣе всего положено было дворовъ въ соху въ Выборѣ—65; далѣе: въ Островѣ 68, въ Изборскѣ 75, въ Вороночѣ 80, во Гдовѣ 83, въ Опочкѣ 85, въ Вельи 105, въ Красномъ 120 и наконецъ въ Себежѣ 150.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

нѣтъ. Относительно имущественнаго положенія отдѣльныхъ людей изъ черныхъ тяглыхъ мы уже привели выше примѣры значительнаго неравенства; подсусѣдниковъ мы здѣсь почти вовсе не видимъ; разъ только у пушкаря указанъ прямо подсусѣдникъ и затѣмъ еще три-четыре случая, что человѣкъ какой-нибудь показалъ живущимъ у другого; въ одномъ изъ этихъ случаевъ вдова живетъ у человѣка, которому она продала или вообще какъ-то уступила свой огородъ [1]); но слѣдующій фактъ указываетъ, что этимъ отношеніямъ книга не придавала большаго значенія, потому, вѣроятно, что они не особенно рѣзко выдѣлялись и въ жизни; въ описаніи дворовъ тяглыхъ на Воронечѣ читаемъ: «во дв. Палко Сухорукъ, да Демешко Кузминъ, да Иванко Васильевъ»; такимъ образомъ, всѣ эти три человѣка указаны просто во дворѣ, безъ какихъ бы то ни было указаній на зависимыя отношенія одного къ другому; но въ той же книгѣ немного далѣе читаемъ: «огородъ Иванка Васильева, *живетъ у Палка Сухорукова*»; Демешка же Кузьминъ и въ описаніи огородовъ является неоднократно рядомъ съ Палкомъ Сухорукомъ и обозначенъ, такъ же какъ и этотъ, просто посадскимъ человѣкомъ [2]). Имѣя хотя бы одинъ такой фактъ, мы можемъ предполагать подобныя же отношенія и въ другихъ случаяхъ, когда указано въ одномъ дворѣ по нѣскольку человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ не можемъ предполагать, что всегда, когда указаны во дворѣ нѣсколько человѣкъ, между ними непремѣнно есть такія отношенія; весьма возможно, что иногда такими, отчасти какъ бы зависимыми людьми нужно считать тѣхъ, которые не упомянуты

---

[1]) «Во дворѣ пушкарь Пятунко Ѳедоровъ, у него подсусѣдникъ Мишка Кондратьевъ»; «во дворѣ пушкарь Афонька Павловъ, да у него-жъ посадскій человѣкъ Ѳедька Павловъ»—ркп. К. 827, лл. 671, 672; оба эти человѣка живущіе у другихъ въ итогахъ города (Вороноча) сосчитаны. Во Гдовѣ встрѣчаемъ ниву посадскаго человѣка Ефимка Васильева Пула, который живетъ въ городѣ у Гриши Снеткова (ркп. К. 827, л. 433 об.); въ описаніи самаго города Гдова нѣтъ Гриши Снеткова, но есть нѣсколько Григорьевъ и есть Григорій (Филатовъ) собственникъ двора («дв. Гришкинскій Филатовъ»); Ефима Васильева ни у кого изъ нихъ во дворѣ не указано. Въ описаніи Гдова же читаемъ: «огородъ вд. Марьи Андреевой жены бочарника, живетъ въ городѣ у Ефимка Ларивонова Губанова («во дв. Ефимко Ларивоновъ Губановъ», читаемъ на л. 408 об.) вдоль того огорода 15 с., а поперекъ 11, спущены вмѣстѣ два огорода черные, одинъ, что былъ Ларивона Емельянова, другой, что былъ Петра Митрофанова, а оброкъ писанъ подъ Ефимковыми подъ дворовыми огороды Губанова, что за межою»—ркп. К. 827, л. 417.

[2]) Ркп. К. 827, лл. 637 об., 683 об.; «посадскій человѣкъ» Демешка Кузминъ упоминается разъ пять, лл. 679—680.

при описаніи дворовъ и являются лишь какъ владѣльцы огородовъ [1]), но относительно каждаго даннаго случая мы не можемъ рѣшить, каковымъ же нужно считать того или другого человѣка, о которомъ можетъ возникнуть подобнаго рода вопросъ. Но вообще, какъ уже сказано, здѣсь дворовъ съ нѣсколькими взрослыми мужчинами очень немного; болѣе, но тоже немного, встрѣчали мы упоминаній въ числѣ владѣльцевъ нивъ, огородовъ или лавокъ, людей, при описаніи дворовъ не упомянутыхъ. Незначительное развитіе подсусѣдничества указываетъ, очевидно, на простоту, несложность отношеній, господствовавшихъ въ этихъ пригородахъ; точно также здѣсь чуть ли не одинъ разъ встрѣчаемъ отдачу имущества, такъ сказать, въ аренду, въ наемъ, да и то въ несовсѣмъ ясномъ указаніи, [2]) между тѣмъ какъ въ самомъ Псковѣ мы встрѣтимъ такихъ случаевъ довольно много. И для этихъ пригородовъ характерною чертою является то, что населеніе въ нихъ уже осѣло прочно, не бродитъ, такъ что людей изъ другихъ городовъ, приходцевъ, мы тутъ встрѣчаемъ крайне рѣдко, всего не болѣе 15 чел.; есть два случая, что жившіе въ пригородахъ имѣли лавки во Псковѣ, но особенно часто видимъ, что псковитины имѣли лавки или нивы въ пригородахъ [3]). Отмѣтимъ наконецъ, что изъ жителей этой же мѣстности набраны, по крайней мѣрѣ въ значительной части, и стоящіе тутъ ратные люди, ибо довольно часто встрѣчаемъ у ратныхъ людей фамиліи и прозвища, одинаковыя съ фамиліями посадскихъ людей, какъ жившихъ тутъ въ моментъ описанія, такъ и владѣвшихъ тутъ прежде дворами или нивами; точно такъ же есть люди съ одинаковыми прозвищами и фамиліями и между ратными людьми разныхъ разрядовъ; такія же связи посадскихъ людей съ духовенствомъ мы уже указывали выше.

---

[1]) Примѣры этого въ прим. 2, стр. 112: ни вдова Марья, ни Ефимъ Пулъ въ описаніи городскихъ и посадскихъ дворовъ не упоминаются и оказываются живущими у другихъ.

[2]) Во Гдовѣ, ркп. К. 827, л. 419: «два огорода Дмитрея Селунскаго, что во Гдовѣ... пашетъ тѣ огороды Якушъ Васильчиковъ, а къ церкви даетъ четверть, а оброку 3 алт.» Этотъ случай, впрочемъ, совершенно аналогичный съ приведенными нами выше, въ описаніи совершенно раззорешныхъ пригородовъ; мы привели его потому только, что тутъ все-таки точно указанъ человѣкъ, который пашетъ и платитъ.

[3]) Пять человѣкъ въ Вельи, всѣ изо Пскова, 5 въ Изборскѣ; во всѣхъ другихъ—еще человѣкъ пять; приходцы эти изъ Ржева, Холма, Острова; два пушкаря, живущіе въ Изборскѣ и Островѣ, имѣли по лавкѣ во Псковѣ.

Главнымъ, преобладающимъ занятіемъ какъ жившаго тутъ въ самомъ концѣ вѣка населенія, такъ и прежняго, было земледѣліе; приведенныя выше данныя совершенно доказываютъ это, тѣмъ болѣе, что вышеприведенныя цифры указываютъ пространства, несомнѣнно обработывавшіяся городскими жителями, но нимало не исключаютъ возможности, что тѣ же люди и еще обработывали землю въ уѣздѣ [1]). Какъ мы тоже отмѣчали уже — по обоимъ описаніямъ находимъ мы въ этихъ пригородахъ очень небольшое число ремесленниковъ и очень небольшое число лавокъ. Весьма незначительное развитіе торговопромышленной дѣятельности обусловливалось, вѣроятно, близостью Пскова, большого торговопромышленнаго центра, сосредоточивавшаго въ себѣ всю такую дѣятельность. Никитскій совершенно вѣрно опредѣлилъ положеніе Псковскихъ пригородовъ, указавши, что они были очень незначительны, ибо и вся Псковская область была слишкомъ невелика, чтобы вести къ образованію нѣсколькихъ большихъ мѣстныхъ центровъ; по нашему мнѣнію, онъ совершенно правъ и въ томъ, что не дѣлаетъ почти никакого различія между пригородомъ и волостью, говоря, что «подъ именемъ пригородовъ въ Псковской области разумѣлись тѣ волости, которыя имѣли въ своемъ округѣ укрѣпленные пункты или города съ существующимъ при нихъ населеніемъ, а подъ именемъ волостей просто мѣстные округи, неимѣвшіе подобныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ» [2]); если даже авторъ не хотѣлъ этими словами указать на одинаковость занятій жителей въ тѣхъ и другихъ, то мы со своей стороны можемъ отмѣтить, что по занятіямъ своихъ жителей Псковскіе пригороды гораздо ближе къ селамъ, чѣмъ къ городамъ, въ нашемъ смыслѣ слова, ибо въ нихъ рѣшительно преобладало земледѣліе [3]). Совершенно точно

---

[1]) Что вообще въ этой области много пахали земли, видно и изъ слѣд. извѣстія лѣтописи: «въ 141 г. пожаловалъ государь Псковъ, не велѣлъ имати снопа съ монастырей и съ церквей; а восьмаго снопа приходило государю въ Кремъ на годъ 11,011 четвертей безъ четверика»—П. С. Р. Л. IV, 334.

[2]) *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова. С.-Пб. 1873, 134, 172—173.

[3]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, III, 14, говоритъ: «Во Псковѣ пригороды далеко не имѣли того значенія, какимъ они пользовались въ Новгородѣ.... пригороды въ Псковской землѣ большею частію имѣли только значеніе крѣпостей... Кромѣ того, пригородамъ во Псковѣ принадлежало значеніе административныхъ центровъ для управленія приписанными къ нимъ волостями, но это значеніе было второстепенное и не необходимое».

опредѣлить пространство обработываемой земли нельзя, потому что, кромѣ отдѣльно описанныхъ оброчныхъ и безоброчныхъ огородовъ и пивъ, еще при каждомъ дворѣ полагался безоброчный огородъ; на это имѣемъ прямыя указанія [1]), да и величина дворовъ на посадѣ, которая, правда, едва-ли была всегда даже приблизительно равна, все-таки настолько больше величины дворовъ въ городѣ, гдѣ дворъ, очевидно, ограничивался жилыми помѣщеніями, что совершенно допускаетъ возможность существованія при нихъ огородовъ [2]). Мы видѣли здѣсь также неоднократныя упоминанія о садахъ; и другіе акты довольно часто упоминаютъ о садахъ именно въ этой же области [3]). Относительно размѣровъ средняго сбора хлѣба, а также и о нормальномъ числѣ копенъ сѣна съ десятины мы не находимъ тутъ никакихъ указаній; но интереснымъ представляется отмѣченный нами выше фактъ далеко еще не полнаго господства трехпольной системы даже въ концѣ XVI в. [4]); но пис-

[1]) «Четыре огорода изборскихъ пушкарей Якуша Родивонова съ товарыщи, а напередъ того пахали безоброчно, а нынѣ на нихъ оброкъ положенъ, потому что имъ даны подъ дворы мѣста съ огороды»—ркп. 355—2, 656 об.; въ описаніи Гдова читаемъ: «два огорода Андрея Иванова с. Спицына—одинъ ему пахати безоброчно къ своему двору, а съ другого оброку...»; «а нынѣ тѣ оба огорода даны Русину да Михайлу Гавриловымъ Елагинымъ безоброчно, потому что у нихъ въ городѣ огородовъ нѣтъ»; въ числѣ огородовъ безоброчныхъ описано: «полъ огорода Гришинская Химина, нынѣ его пашетъ къ своему двору Ѳедька Андреевъ, а на немъ деревца яблоновыя, а другая половина того огорода пуста»—ркп. К. 827, лл. 415, 424, 427; подобныя же указанія встрѣчаемъ и въ книгахъ другихъ пригородовъ. Такія замѣчанія получаютъ особое значеніе, когда въ описаніи Корелы, Ладоги и Орѣшка 1568 г. мы почти безъ исключенія при каждомъ дворѣ видѣли и огородъ; точно такъ же во многихъ писцовыхъ книгахъ XVII в. въ городахъ видимъ при каждомъ дворѣ и огородъ.

[2]) Особенно часто указаны размѣры городскихъ построекъ въ описаніи Опочки; тамъ въ среднемъ приходится на дворъ сына боярскаго 6 кв. с., а на клѣти другихъ людей—менѣе 4 кв. с.; размѣры же посадскихъ дворовъ можно опредѣлить по книгѣ Гдова, гдѣ сначала указано, сколько квадратныхъ сажень пустыхъ мѣстъ, а потомъ сказано, сколько тутъ было дворовъ, потомъ запустѣвшихъ; тамъ приходится на дворъ 36 кв. с.,—ркп. 355—2, лл. 841—852. и К. 827, лл. 405—411; въ Ладогѣ, какъ мы видѣли, размѣры посадскихъ дворовъ еще болѣе значительны.

[3]) Напр. А. А. Э., I, № 353, 1591; А. Ю., №№ 91, 94, 117, 1579—1583; А. о. до ю. б., № 143, XII, начала XVII в.—все о Новгородѣ.

[4]) *Блюменфельдъ*, въ своемъ изслѣдованіи: «О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи», Од. 1884, 289, говоритъ: «въ XV в. впервые встрѣчаемъ намеки на трехпольное хозяйство въ словѣ паренина, паровое поле»; при этомъ онъ дѣлаетъ два примѣчанія: «*Бѣляевъ*, Временникъ, XI, 45, относитъ

цовымъ книгамъ въ центральныхъ, подмосковныхъ и южныхъ областяхъ эта система является безъ исключенія господствующею еще въ 70-хъ годахъ XVI в.

Въ изучаемыхъ нами описаніяхъ городовъ открывается много очень интересныхъ фактовъ относительно формъ землевладѣнія среди посадной общины; по этимъ фактамъ нужно представлять себѣ внутреннее порядки общиннаго землевладѣнія въ XVI в. нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно ихъ представляютъ. Если мы будемъ разсматривать собственныя имена владѣльцевъ нивъ и огородовъ, то предъ нами выступаютъ слѣдующіе факты, какъ безусловно господствующіе и неопровергаемые никакими исключеніями: при описаніи огромнаго большинства огородовъ и нивъ указаны имена двухъ владѣльцевъ, при чемъ имя перваго стоитъ всегда въ родительномъ падежѣ, а имя второго—въ формѣ относительнаго прилагательнаго [1]), и часто вставлены еще слова: «что былъ», «что была»; въ родительномъ падежѣ стоитъ имя настоящаго владѣльца, въ формѣ относительнаго прилагательнаго—какого-то прежъ-

---

первое свидѣтельство о трехпольной системѣ къ 1503 г. на основаніи А. Ю. № 19—невѣрно», и другое: «А. о. до ю. б. др. Р. II, № 173, I, 1462. Митрополитъ далъ игумену землю подъ пахоть «и съ нынѣшнею паренною».— Вопросъ о времени появленія и объ утвержденіи у насъ трехпольной системы, такъ долго потомъ почти исключительно господствовавшей въ русскомъ хозяйствѣ, конечно, очень интересенъ; и намъ кажется, что приведенные нами факты заслуживаютъ вниманія при его разработкѣ тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ для разъясненія его почти ничего не сдѣлано. Приведенное нами сейчасъ мѣсто изъ книги Блюменфельда—не говоря уже о томъ, что въ немъ есть опечатка,—вм. Временникъ, XI, нужно читать Временникъ XXII (отмѣчаемъ это потому, что во Временникѣ, XI, есть тоже статья Бѣляева—О поземельномъ владѣніи, въ которой тоже, но на стр. 63, мимоходомъ говорится о трехпольномъ хозяйствѣ), въ виду указанныхъ нами сейчасъ фактовъ о земледѣліи въ псковскихъ пригородахъ, не доказываетъ, что трехпольная система уже появилась въ серединѣ XVI в.—изъ приводимой авторомъ цитаты видно только, что тутъ была пашня не въ одномъ полѣ, не ледина, и не подсѣка, но не видно, что именно въ трехъ.

[1]) Напр., въ описаніи Изборска: «нива Ив. Мкифорова островитина Гавриловская Михайлова....», «нива Андронка Григорьева Филиповская Трофимова пищальника....», въ описаніи Гдова: «огородъ попа Аптона Гришинскій Вагина с. Скоморохова....», въ описаніи Велья: «нива старосты Юрья Филатова *Ивановская Павлова*», «нива старосты Юрья Филатова *Гришинская Олисова*», «три нивы пушкаря Левки Дмитріева—Прохновская Семенова, да *Ивановская Павлова*, да *Гришинская Олисова*, да Борисовская Тарасова» и т. д.—Ркп. М. А. М. 10, 355—2, лл. 657, 658, К 827, лл. 422, 757, 761 и мн. др.

няго; нигдѣ, конечно, прямо въ текстѣ этого не разъяснено, но изъ тысячи случаевъ это становится совершенно несомнѣннымъ; очевидно, это указываетъ на перемѣну владѣльцевъ; но о покупкѣ и продажѣ нивъ и огородовъ говорится очень рѣдко, зато нерѣдко встрѣчаются выраженія, особенно объ огородахъ и нивахъ, находящихся во владѣніи церкви: «данъ, дана, дали посадскіе люди»; прежнимъ владѣльцемъ очень рѣдко является отецъ настоящаго; очень часто нивы и пожни, бывшія прежде какого-нибудь одного лица, въ изучаемое время являются во владѣніи разныхъ лицъ, и наоборотъ: одинъ и тотъ же человѣкъ владѣетъ огородами и нивами, прежде принадлежавшими разнымъ лицамъ. Припомнимъ теперь и отмѣченные выше подобные же факты въ описаніи Устюжны, въ самомъ концѣ XVI в., гдѣ, къ тому же, не разъ видимъ и прежняго владѣльца того или другого участка, живущимъ на посадѣ же. При какихъ распорядкахъ, при какихъ отношеніяхъ могла существовать эта постоянная мобилизація земельныхъ участковъ, мобилизація, столь рѣдко основанная на куплѣ-продажѣ и основанія которой вообще почти никогда не отмѣчаются,—потому, конечно, что они были для тогдашнихъ людей просты и ясны? Несомнѣнно, прежде всего, при общинномъ землевладѣніи; но какъ распредѣляла община между своими членами земельные участки? Намъ кажется, единственно возможнымъ объясненіемъ является тутъ предположеніе передѣловъ, быть можетъ недостаточно опредѣленныхъ, недостаточно развитыхъ, но все-таки какихъ-то передѣловъ. Мы, дѣйствительно, не знаемъ ихъ порядковъ и убѣждены, что они отличались въ значительной степени отъ передѣловъ, какъ узнаемъ мы ихъ по шуйскимъ актамъ; но самая простота, краткость, ясность формулировки постановленія объ этомъ передѣлѣ въ концѣ XVII в. естественно наталкиваетъ на мысль, что дѣло это создавалось и развивалось уже давно. Такое предположеніе, дѣйствительно, противорѣчитъ тому, что доселѣ было извѣстно по занимающему насъ теперь вопросу; до сихъ поръ нѣкоторые ученые еще сомнѣваются даже въ существованіи передѣловъ земли даже въ XVII в.—хотя, намъ кажется, акты города Шуи доказываютъ это совершенно несомнѣнно; другіе считали передѣлы явленіемъ позднимъ, возникшимъ только уже послѣ прикрѣпленія крестьянъ [1]).

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* въ своемъ «Обзорѣ исторіи русскаго права» (вып. 2, 196, изд. 1886 г.) говоритъ: «были также общинныя земли и подъ огородами (въ городахъ), также будто бы подлежавшія передѣлу (по словамъ Борисова; но въ изданныхъ имъ актахъ говорится только объ отдачѣ ихъ

И дѣйствительно, до сихъ поръ не было извѣстно указаній на передѣлы въ XVI в. [1]); но на нашъ взглядъ совершенно естественно, что въ актахъ не отразились передѣлы въ такихъ ничтожныхъ поселкахъ, какими были деревни и села въ XVI в., но столь же естественно, что мы встрѣтили ихъ, какъ только обратились къ изученію положенія бо́льшихъ поселеній, но съ совершенно сельскимъ характеромъ. Другого объясненія, кромѣ предположенія какихъ-то передѣловъ, мы по крайней мѣрѣ не можемъ пріискать; предположеніе, что мы имѣемъ тутъ лишь поставку ушедшимъ общинникомъ тягла вмѣсто себя, не представляется примѣнимымъ,

---

на оброкъ).» Но по нашему убѣжденію актъ, напечатанный у *Борисова* въ его «Описаніи г. Шуи и его окрестностей», на стр. 63—65 говоритъ, пожалуй, и объ отдачѣ земли на оброкъ, но точно также и о передѣлѣ ея. Вотъ существеннѣйшія части этого акта: «лѣта... Шуи посаду земскій староста... съ товарыщи и всѣ Шуяне посадскіе люди приговорили на сходкѣ въ земской избѣ раздѣлить пахотную землю во всѣхъ Шуйскихъ трехъ поляхъ, по своимъ тягламъ, 63 полосы въ полѣ, а въ дву потомужъ, нынѣшняго 189 г. на 10 лѣтъ, *до мірского же раздѣлу...*» и т. д. Появленіе передѣловъ только уже послѣ прикрѣпленія крестьянъ, въ XVII в., старался доказать *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, 44 и слѣд.; о времени же болѣе раннемъ онъ утверждаетъ, что тогда «во всякомъ случаѣ земля не была совокупнымъ владѣніемъ общины» (18), что тогда не было ничего подобнаго общинному быту нашего времени, «не было ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель» (26). Но положенія Чичерина по этому вопросу опровергнуты многими изслѣдователями. Прямо противоположный и, по нашему мнѣнію, въ своей крайности тоже ошибочный взглядъ высказалъ *Блюменфельдъ* («О формахъ землевладѣнія», 328): «одинаковые размѣры дворовъ, спрашиваетъ онъ, не служатъ ли доказательствомъ существованія извѣстной, опредѣленной мѣры для двора, извѣстнаго дворового надѣла, равенство котораго черезъ опредѣленные промежутки времени возстановляется путемъ надѣловъ?» Но такое предположеніе допускаетъ чрезвычайно неудобный, фактически даже, повидимому, неосуществимый передѣлъ дворовъ. Вышеприведенныя данныя объ оброкѣ съ амбаровъ въ новгородскихъ пригородахъ разъясняютъ значеніе этихъ указаній нормальной величины лавокъ; равенство, дѣйствительно, можетъ быть, должно было существовать, но реально его не возстановляли, а съ «прибавки» противъ опредѣленной мѣры брали оброкъ — какъ, напр., увидимъ далѣе въ разсмотрѣніи данныхъ о Казанскомъ торгѣ. *Соколовскому* не удалось найдти доказательствъ передѣловъ въ XVI уже вѣкѣ—см. его Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, особ. 63—93.

[1]) Но, впрочемъ, можно считать за указаніе на передѣлы слова уставной грамоты 1561 г. крестьянамъ Соловецкаго монастыря, что имъ вольно мѣняться между собою дворами и землями, доложа прикащику — А. А. Э. I, № 258, хотя, конечно, это указаніе очень неясное, отдаленное.

ибо для этого нужно допустить полную смѣну здѣсь населенія и особенно, въ виду отмѣченныхъ выше фактовъ, что у одного и того же человѣка видимъ нивы и огороды разныхъ людей и у разныхъ людей—нивы и огороды одного и того же человѣка. Къ тому же для новыхъ пришельцевъ, впервые принимавшихъ на себя тягло, почти общимъ правиломъ было нѣсколько лѣтъ льготы, примѣненія чего здѣсь вовсе не видимъ. Въ виду прямыхъ указаній, что ратные люди и духовенство иногда тянули общее съ черными людьми тягло [1]), и здѣсь не является удивительнымъ участіе ихъ во владѣніи черною тяглою землею; мы увидимъ далѣе, что и въ другихъ городахъ во владѣніи лавками, по крайней мѣрѣ, они составляли одну группу со всѣми другими ихъ владѣльцами; видимъ еще иногда, что ратные люди являлись поручителями по чернымъ и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что интересенъ и заслуживаетъ вниманія фактъ постоянной мобилизаціи земельныхъ участковъ между разными членами городской общины, выступающій въ нашихъ книгахъ съ несомнѣнностью.

Изучаемый нами документъ говоритъ подробно только объ одномъ видѣ повинностей — именно о денежномъ оброкѣ, а о тяглѣ, повинностяхъ посошныхъ упоминаетъ обыкновенно только мимоходомъ. Должно замѣтить, что и большинство нашихъ писцовыхъ книгъ говорятъ тоже главнымъ образомъ лишь объ оброкѣ, и только очень немногія указываютъ подробно и повинности посошныя. Изъ книгъ Псковскихъ пригородовъ мы узнаемъ только, что крестьяне всего уѣзда каждаго города ставили дворъ намѣстнику и осадному головѣ [2]) и что намѣстники владѣли нѣкоторыми огоро-

[1]) Мы уже приводили выше изъ Разряднаго и разметнаго списка 1545 г. (А. А. Э., I, № 205) интересное указаніе, относящееся сюда, о городѣ Порховѣ: «а съ тѣхъ деи дворовъ, съ попова, и съ дьяконова, и съ воротниковыхъ, и съ пищальниковыхъ изстарины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ, на посадской на тяглой, и тянутъ съ черными людьми»; въ другой грамотѣ (Д. А. И., I. № 77, 1555) велѣно дать (въ Новгородѣ) нѣсколькимъ священнослужителямъ бѣлыя мѣста, потому что «съ нихъ берутъ улицкіе старосты во всякіе разметы передъ черными людьми вдвое».

[2]) Въ описаніи Изборска читаемъ: «дв. намѣстничъ, а на дворѣ хоромъ... а дѣлаютъ тотъ намѣстничъ дворъ всѣмъ городомъ и уѣздомъ»; въ описаніи Острова: «дв. осадной головы... а ставили тотъ дворъ Островскаго уѣзда всѣми губами крестьяне»; «дв. намѣстничъ, а на дворѣ хоромъ... а ставили тѣ хоромы Островскаго же уѣзда дѣтей боярскихъ и монастырскіе и церковные крестьяне, а подѣлываютъ тотъ дворъ государевы дворцовые и дѣтей боярскихъ и монастырскіе и церковные крестьяне всѣмъ Островскимъ уѣз-

дами безоброчно, а другими за оброкъ; въ одномъ случаѣ ясно, что на намѣстника этотъ безоброчный огородъ пашутъ посадскіе черные люди [1]). Гораздо болѣе интересныя свѣдѣнія даетъ нашъ документъ о оброкѣ. По актамъ, въ которыхъ говорится объ оброкѣ, онъ является обыкновенно какъ замѣна тягла, повинности натуральной, повинностью денежной; обыкновенно грамоты освобождаютъ разныхъ людей отъ всякихъ пошлинъ, отъ всякихъ «проторей и разметовъ» и въ замѣнъ того эти люди обязуются платить опредѣленный оброкъ [2]); такъ именно объясняетъ значеніе оброка и Бѣляевъ (правда, говоря о временахъ домонгольскихъ, но, сколько можно судить по его собственнымъ словамъ, относя такое объясненіе и къ другимъ эпохамъ) [3]); Блюменфельдъ говоритъ глухо:

домъ», ркп. 355—2, л. 643; ркп. К. 827, лл. 547 об., 549; въ описаніи другихъ пригородовъ кратко: дворъ намѣстничъ, дворъ осаднаго головы и только.

[1]) «Огородъ, а пашутъ его на намѣстника»—20×20 с.—(Вороночъ, К. 827, л. 685); огородъ вельскаго намѣстника Своитина Бачена, 12×8 с., оброку не положено; огородъ гдовскаго намѣстника (8×6½ с.), а пашутъ тотъ огородъ на намѣстника (ркп. К. 827, лл. 755 об., 426 об.); въ числѣ огородовъ безоброчныхъ видимъ: «въ Опочкѣ на посадѣ мѣста дворовыя черныя, а пашутъ ихъ огородами Опоцкіе посадскіе люди... 6 м. дв. (15×14 с.) и тѣ мѣста даны къ ц. Лукѣ Евангелисту на церковное строеніе безоброчно; огородъ Опоцкаго намѣстника Ѳ. Лихарева (24×20); огородъ Опоцкаго намѣстника Ѳ. Лихарева (40×20); два огорода Ѳ. Лихарева (40×19 и 30×12); огородъ Ѳомы Апостола (20×12) и тотъ огородъ данъ церкви безоброчно на церковное строеніе; огородъ богадѣльныхъ старцевъ (12×7); и всего безоброчныхъ 8 огородовъ». Ркп. 355—2, лл. 860—861.

[2]) Напр., А. И., I, № 106, 1498; № 295, 1540; А. о. до ю. б., №№ 173, I—V, 176, I—III, 118, IV, 177, 30, IV, 1462—1554 и мн. др.; *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (Зап. И. Р. Г. О., VIII, приложенія, 180): «и та монастырская земля въ обжи и въ сошное письмо къ волости не приписана, а положенъ на ту землю и на мельницу оброкъ деньгами». и мн. др.

[3]) «Оброкомъ вообще назывались всѣ виды повинностей и пошлинъ, когда онѣ раскладывались или переводились на землю, т. е. когда вмѣсто того, чтобы отправлять какую либо повинность или службу натурою, правительство соглашалось брать вмѣсто этого деньгами, или произведеніями промышленности, опредѣляя напередъ сумму, какую цѣлая область должна была платить вмѣсто отправленія службы, или повинности, и предоставляя самимъ общинамъ дѣлать раскладку долямъ этой суммы по вытямъ общинной земли; тоже, когда правительство оброчило разныя торговыя и другія пошлины. Кромѣ того, оброкомъ назывались подати, собираемыя съ разныхъ угодій и промысловъ, напр., съ рыбныхъ ловель, съ соловаренъ, съ бортныхъ ухожаевъ, съ бобровыхъ гоновъ, и вообще съ ловли звѣрей и другихъ промысловъ.» *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 196.

«черные люди несли «тягло», особый оброкъ» [1]); проф. Сергѣевичъ тоже не высказывается достаточно опредѣленно: «высшій разрядъ, говоритъ онъ, несъ службу военную; тяглые люди несли черное тягло, повинности натуральныя и денежныя. Тяглые люди были записаны въ писцовыя книги и обложены тягломъ. Это признакъ, отличающій тяглыхъ отъ высшаго разряда» [2]). Изъ нашего документа ясно, однако, что оброкъ могъ существовать одновременно и рядомъ съ тягломъ [3]): мы неоднократно встрѣчали о сотняхъ запустѣвшихъ мѣстъ замѣчаніе: «а пашутъ тѣ мѣста огородами, а на нихъ оброкъ положенъ, доколѣ тѣ мѣста черные люди изъ тягла возьмутъ», или «доколѣ черные люди дворы поставятъ» [4])—книга, конечно, не могла предполагать, что разомъ появятся черные люди въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы заселить всѣ эти пустыя мѣста; несомнѣнно, эти мѣста должны были переходить изъ оброка въ тягло постепенно, слѣдовательно, тягло и оброкъ должны были существовать рядомъ; мы видѣли даже, что въ нѣсколькихъ городахъ жители разложены въ сохи, слѣдовательно, несомнѣнно несли тягло, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же черные люди платили и оброкъ съ огородовъ и нивъ, которыми владѣли. Такимъ образомъ, несомнѣнно, оброкъ и тягло существовали рядомъ; одни и тѣ же люди могли пользоваться чѣмъ-либо подъ условіемъ тягла и одновременно пользоваться чѣмъ-нибудь другимъ подъ условіемъ оброка; только одинъ и тотъ же объектъ владѣнія или пользованія не облагался одновременно тягломъ и оброкомъ. Въ этомъ смыслѣ оброкъ бывалъ замѣною тягла, но по существу его нельзя считать равносильнымъ тяглу и только замѣнявшимъ одинъ видъ повинности другимъ; оброкъ платили не только люди ратные—пушкари, стрѣльцы, казаки, но и люди высшаго сословія—дѣти боярскіе, иногда даже городовые приказчики, намѣстники, т. е. люди, тягла ужъ никогда не тянувшіе. Величина

---

[1]) *Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, 123.

[2]) *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1-е, 659.

[3]) Пожалуй, ближе всѣхъ подходитъ къ точному опредѣленію оброка *Чичеринъ*, говоря: «оброкомъ называлась опредѣленная подать съ извѣстнаго промысла, которая не обязывала платящаго участвовать во всѣхъ общинныхъ раскладкахъ»,—Областныя учрежденія въ XVII в., 527.

[4]) Послѣднее выраженіе встрѣчается въ описаніи Велья, ркп. К. 827, л. 754 об.; въ описаніи Опочки читаемъ: «и на тѣ мѣста до жильцовъ положенъ оброкъ», ркп. 355—2, л. 861.